

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ ГЛОБУСА
Искатель **2**
ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

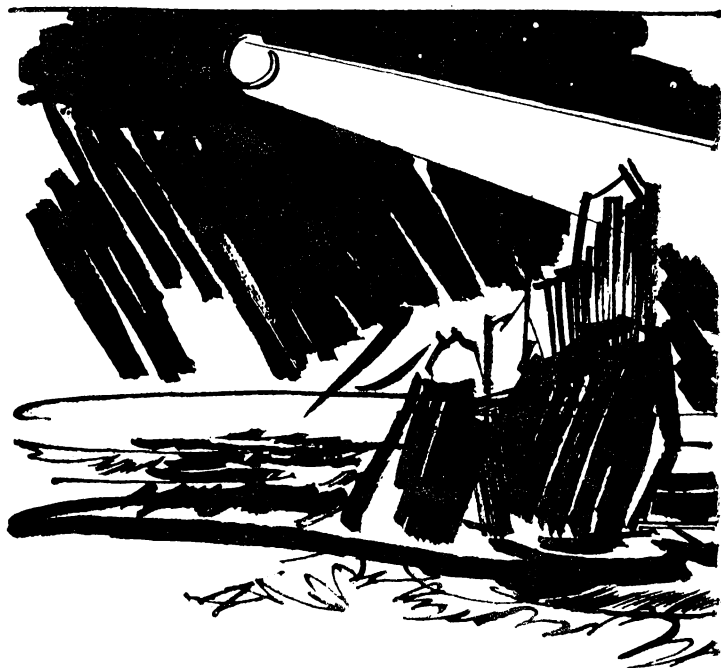
СОДЕРЖАНИЕ

Владимир РЫБИН — И сегодня стреляют...	2
Ольга ЛАРИОНОВА — «Щелкунчик» . . .	63
Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ — Дело о наезде . . .	90

№ 104

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

© «Искатель», 1978 г.

Владимир РЫБИН

И СЕГОДНЯ СТРЕЛЯЮТ...

Повесть

Телепатия — дело темное. Оптимисты говорят: поскольку все на свете материально, то и передача мыслей на расстоянии вполне возможна. Скептики утверждают, что никакой телепатии нет и быть не может. Я относился к скептикам. Пока не познакомился с нашим старшиной. Стоило подумать о нем, как он тут же вспоминал обо мне. Правда, нередко случалось, что он вспоминал обо мне, когда я о нем вовсе не думал. Но мне кажется, что это как раз то исключение, которое подтверждает правило.

Как бы там ни было, в тот день, сидя в нашей заставской беседке, я думал о старшине. Я размышлял о том, откуда берутся суровые прапорщики? Такие, чьи портреты печатает на своих обложках журнал «Пограничник». Они всегда выглядят старше своих лет, и обмундирование на них сидит, как изо-

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

бражается на плакатах, и взгляд их выражает что-то такое, чего не дано знать солдатам срочной службы.

Если разобраться, то старшина нашей заставы прапорщик Сутеев ничем особенным не выделялся. Росту небольшого и лицо самое обыкновенное — без усов, без волевого раздвоенного подбородка, без хищной горбинки носа. Человек как человек, молчаливый, даже стеснительный. И всего четыре года назад отслужил свою срочную. Но я никак не мог представить его в строю. Все-то он вылезал из строя, и никого, похожего на него, рядом не представлялось.

Беседка стояла в самом тихом месте двора — за спортплощадкой, за невысокой стеной вечнозеленой туи, в ней можно было подолгу сидеть, не привлекая внимания всевидящего старшины или всегда озабоченного дежурного по заставе.

Здесь отсиживались все в свои нечестные выходные дни, покуривали, читали, просто мечтали, глядя на горы, на море.

И у меня в тот день был выходной. Но я почему-то думал о старшине. И додумался. Не прошло и десяти минут, как увидел в дверях дежурного по заставе.

— Алексеев! — крикнул он, не удосуживаясь даже спуститься с крыльца. — К прапорщику!

Нда, вот так все и началось.

— Возьмите две доски, молоток, гвозди, — подробно проинструктировал меня старшина, — возьмите рядового Курылева и отправляйтесь на седьмой участок на вышку, замените две нижние ступени у лестницы...

— У меня выходной, — осмелился напомнить я.

— Знаю, — удивился старшина, — потому и посылаю вас не в наряд, а на прогулку.

Пограничник, он ведь, даже если и не в наряде, все равно пограничник.

Мы шли с Курылевым по тропе и, как полагается, все вокруг оглядывали, примечали. Вот проволока на колышках. Если не знаешь, ни за что не догадаешься, что это забор, ограда, непонятно только, от кого и зачем установленная. За проволокой, перпендикулярно ей, тянулись по склону другие проволоки на наклонных бетонных столбиках, и на тех, других проволоках висели хвостики виноградных лоз, настолько хилые на вид, что невозможно было представить, что именно из них выхлестывают крепкие побеги, обвивают все поле толстым зеленым ковром, вешают на тугую проволоку тяжелые виноградные грозди, налитые солнечным соком. Поле, шагах в ста, упиралось в густую кустарниковую поросль, предмет постоянного нашего внимания. Потому что, окажись в этих местах разрушитель границы, кусты будут лучшим для него укрытием.

Теперь поле было словно контрольно-следовая полоса, его не миновать, если прорываться от моря до лесной полосы или обратно, — на пыльной сухой щебенке отпечатается ясный след.

Я шел и оглядывал это поле, разбирался в следах. Вот острые глубокие отпечатки — это еще месяц назад забрел олень из горных лесов. Вот истоптанная проплешина на взрыхленном пространстве — собаки дрались, катались по земле. А вот и след человека, широкий, петляющий, с запыленными смытыми краями. Это гулял парень из соседнего поселка Приморского. Поссорился с молодой женой и пьяный ходил по окрестным полям, переживал.

По другую сторону дозорной тропы хоть не смотри. Там крутой склон, за которым обрыв и синее далекое весеннее море. Тихое море, мирное, доброе. Доброе уже потому, что днем никакого подвоха оттуда ждать не приходится; на много миль онс как на ладони. Впрочем, и ночью по морю никому не пройти незамеченным. Я-то уж знаю — второй год служу прожектористом на ПТН — нашем посту технического наблюдения. К тому же это только должность так называется — прожекторист. А если разобраться, то и оператор радиолокационной станции. Потому что у нас на ПТН — полная взаимо-

заменяемость. А ведь довольно только раз посидеть у экрана, чтобы окончательно поверить, что ни на какой самой маленькой лодчонке к нашему берегу незамеченным не подойти. Еще у горизонта нащупает радиоимпульс, отыщет среди волн... — Алексеев, тебе можно доверять тайны?

Я посмотрел на Курылева, шагавшего следом с двумя досками на плече. Человек как человек, вполне серьезный, только по-мальчишески конопатый. Пограничник как пограничник, в куртке и зеленой фуражке, только новичок — вторую неделю на заставе.

— Можно, можно, я скрытный. До вечера никто ничего не узнает. Кроме начальника заставы, разумеется. Ему я обязан обо всех тайнах докладывать незамедлительно. Такова служба...

И тут я осекся, потому что испугался за Курылева. Толстенный и неуклюжий, он вдруг вытянулся и стал стройным и осанистым как старослужащий, его маленькие глазки сделались большими, удивленно-восторженными.

— Ты что?

— Кто... это? — спросил он.

Оглянувшись, я увидел девушку. Она стояла на камне и смотрела в небо. За девушкой светилось море, и яркий отблеск его утончал и без того тонкую фигуру, растворял контуры, словно она сама была летучим пятнышком на солнечном блике. Девушка вскинула руку куда-то в сторону и вверх и крикнула знакомым голосом Тани Авериной, учительницы из Приморского. Из-за поворота тропы высыпала орава поселковых ребятишек. Они притихли, увидев нас, побежали к учительнице.

— Здравствуйте! — сказал Курылев каким-то не своим, деревянным голосом.

— Здравствуйте, — ответила Таня, откидывая локон, сползающий на лицо.

— Здравствуйте, — повторил он. — Меня зовут Игорь, а вас?

— Мы героев ищем! — сердито закричали школьники, плотным кольцом обступая Таню. — Она наша учительница!..

— Здравствуйте!

— Ты чего? — удивился я.

— Чего?

— Заело? Пошли давай.

— Пошли, — сказал он. И не двинулся с места.

Немая сцена загигивалась. Я отошел в сторону, крикнул школьникам:

— Хотите, патроны покажу?

Мальчишки кинулись ко мне, девчонки за ними. Тане, оставшейся наедине с Игорем, стало неудобно, и она пошла вслед за всеми. И тогда Курылев опомнился. Словно на строевых занятиях, он пошел по тропе, прямой как гвоздь.

— Кто хочет на патроны поглядеть, а заодно на автоматы, карабины и все такое прочее, вступайте в ряды юных друзей пограничников, — сказал я школьникам, — милости прошу на заставу...

Минут пятнадцать мы с Курылевым шли таким спартанским шагом, пока не взмокли, преодолевая бесконечные подъемы и спуски. Я думал о том, что в нашей и без того чересчур плот-

ной когорте женихов появился еще один вздыхатель. А пред-метов для вздыханий было совсем немного: дочка начальника заставы, рыжая, или, лучше сказать, золотоволосая, Нина да ее подружка Таня, часто навещавшие нас. Правда, существовал один нонсенс, как любил выражаться командир отделения сержант Поспелов. «Эпидемия влюбленности», как простуда, поражала нас только в холодное время года. Летом наступала разрядка. Вместе с весенними мотыльками возле заставы появлялись сотни красавиц. В одних шортиках они лазили по камням, сбивая с толку глупыми вопросами. Русые косы и белые, совсем выгоревшие на солнце хвосты порхали, как бабочки-махаоны, за каждым поворотом дозорной тропы, отвлекая наших ребят от бдительного несения службы. Хуже всего приходилось часовым на вышке. Внизу, только ско-си глаз, лежали на пляже эти летние феи, загорая на солнце в своем первозданном виде.

Дело в том, что застава стоит у самого берега, который на все лето превращается в пляж. Офицеры, приезжающие из погранотряда, говорят, что нам, дескать, крупно повезло, — живем на курорте. Но после «курортного лета» наши парни доходили до того, что хоть отправляй всю заставу в полном составе отдыхать куда-нибудь на необитаемый Север.

Сейчас был март, солнечный, но холодный месяц, когда все уже устали от монотонности «эпидемии», а летние «перелеты» туристок еще не начинались. Недели две я не видел учительницу и вроде бы стал забывать ее, но неожиданный восторг Игоря Курылева разбудил во мне «зимнюю печаль», которой я еще недавно томился, вспоминая Таню...

— Какая девушка! — восхищенно сказал Курылев, прервав затянувшееся молчание.

— Девушка как девушка!

— Нет у тебя чувства красоты.

Это было довольно обидно слушать.

— Что я, девчонок не видал?

— Как бы с нею познакомиться? — напрямую спросил Курылев.

— Конечно! — взвился я. — Спешите, мадам, уже падают листья, и молодость быстро проходит...

Еще мне хотелось сказать, что больно притки некоторые новобранцы, что тут старослужащие из-за Тани пуговицы до дыр продаираивают... Но он глядел так по-детски восторженно, что я пожалел его: что возьмешь с несмышлениша? Вот лето придет, наглядится на всякое, забудет о своих восторгах.

— Как чудное виденье... — сказал Игорь, не обратив никакого внимания на мою иронию, а может, и не заметив ее.

— Стихов начитался?

— Ну.

Я расхохотался. Я смеялся так, что если бы старшина увидел меня в этот момент, то вломил бы какое-никакое взыскание. Просто так, на всякий случай, за несдержанность. Но я ничего не мог с собой поделать. Мне вспомнились сразу все приключения с этим неистребимым Игоревым «ну», за которое ему не раз влетало и которое в свободные часы изрядно забавляло всю заставу. Можно ли оставаться спокойным, когда на во-

прос старшины «задача ясна?» Игорь вместо «так точно», не моргнув глазом, говорит свое дурацкое «ну»?

— А ведь ты хороший человек, — вдруг сказал Курылев.

Я удивленно посмотрел на него: что бы это могло значить? Ответил насмешливо:

— Бабка дома говорила: «Хороший, пока спит».

— Да нет, я же вижу. Все посмеиваешься, а ведь добрый, жалостливый.

Вот те на, с каких это пор жалостливость стала достоинством?! Я, например, всегда считал наоборот и, даже когда в самом деле было кого-то жалко, старался помалкивать, чтоб не заметили этого «бабьего чувства». Помню, еще в третьем классе завидовал соседу Тольке, который мог, не моргнув глазом, шмякнуть лягушку об стенку.

— Жалел волк кобылу... — сказал я миролюбиво.

— Да нет...

— А с чего ты-то расчувствовался?

И тут я снова вспомнил: с Тани, с учительницы. И вспомнил, как интересно было поболтать с нею. Все-то она знала, а когда смеялась, так щурила глаза, что у меня язык отнимался и появлялась слабость в коленках.

— Гляди, Курылев, — сказал я со значением, — не больно активничай, это тебе не на политзанятиях.

Он как-то странно посмотрел на меня, будто я ему бог знает какой красивый комплимент выразил. И сказал непонятное:

— Я все-таки думаю: тебе можно доверяться.

— Давай, давай...

— На, — сказал он и вынул из кармана сложенную старую газетную вырезку.

— Что это?

— Прочитай.

Я развернул газету и прочитал заголовок:

«КАК СПАСЛИ КОРАБЛЬ». БЫЛЬ

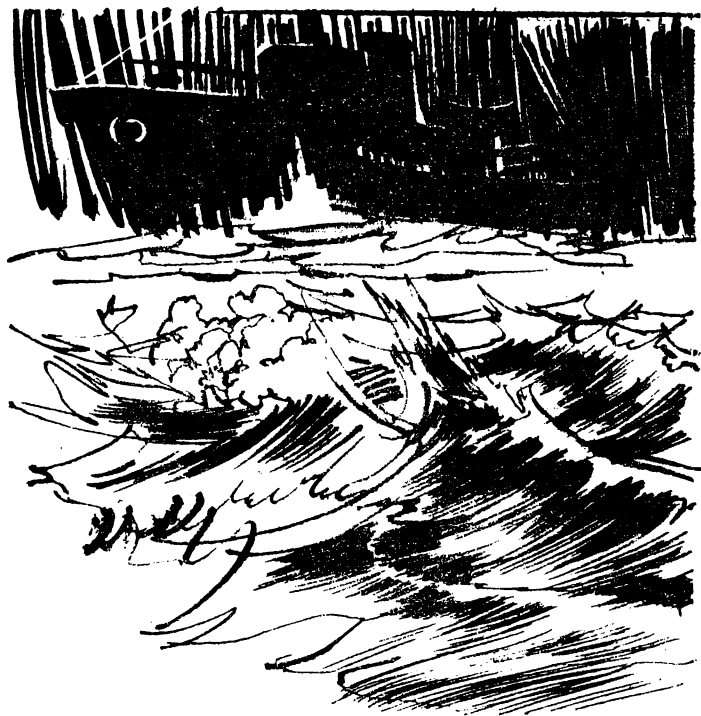
«...Северный ветер гнал навстречу тысячи белопенных, невидимых в темноте волн...»

Я сразу подумал: как это автору удалось разглядеть в темноте белопенные волны, раз, по его утверждению, они были невидимы, но решил отложить пока критический разбор.

«...По-разбойничьи свистели ванты, и брызги пулеметными очередями били по стеклам рулевой рубки. Ночь укутывала море, помогая сейнеру незаметно приблизиться к занятому врагом берегу.»

Их было шестеро. Тесно, плечо к плечу, стояли они в рубке, всматриваясь в темноту. Никто не боялся врага, боялись с полного хода врезаться в прибрежные камни, погубить сейнер и тем сорвать выполнение боевой задачи. Задача была проста: снять с камней потерпевший аварию торпедный катер и доставить его на базу. За неделю до этого катер был атакован фашистским самолетом. Отбивался как мог. Сильно поврежденный, уходя от бомб, приблизился к берегу и здесь потерял управление.

— Как снимать-то будем? — спросил молодой мат-

рос Коля Переделкин. — На шлюпке в такую погоду не больно походишь.

Ему никто не ответил. Еще надо было дойти, да чтобы немцы не обнаружили, а уж тогда думать о том, что делать. Но берег был где-то близко, и вопрос становился актуальным.

— Начальство знает, — попытался отшутиться единственный кадровый моряк в команде Алексей Попович, суровый парень с багровым ожогом в половине лица.

Все посмотрели на командира спасательной группы — молоденького лейтенанта Михеева. Но он отмолчался.

— Может, и вплотную подойдем, — послышалось из темного угла рубки. — Там глубоко. Бухту отсекает каменная гряда. Скорей всего на ней и засел катер.

— Нам бы рядом не сесть...

— Погоди, — заинтересовался Михеев. — Ты что — знаешь бухту?

— Я там служил. На погранзаставе.

Это был Иван Курылев, человек молчаливый и в чем-то загадочный. Таких угрюмых на море не любят.

Но Курылев носил зеленую фуражку, какой не было ни у кого на базе, и это заставляло относиться к нему с почтением.

— До гряды глубина большая, не то что сейнер, крейсер подойдет. А за ней мелковато, дно видать. Купались мы в той бухте...

— А гряда сплошная? — спросил Михеев. — С берега до катера можно добраться?

— Если знать подводную тропу. По грудь в воде...

— А подходы к бухте?

— Один подход — дорога от Приморского. Вокруг обрывы — не подступишься. А дорога хорошая, хоть и крутая.

— Значит, если ее перекрыть?..

— Если перекрыть, то можно хоть чай распивать на гряде. Никто не подойдет.

— Отлично! — воскликнул Михеев. — Вот ты и пойдешь в охранение. Возьмешь Переделкина с «дегтярем» и прикроешь.

— С «дегтярем» я и один прикрою. Если еще гранат.

— Зарублено! — сказал Михеев. Это было его любимое словечко, вроде быть посему. — Значит, главное — подойти к катеру. Гляди, капитан, теперь все от тебя зависит.

И тут все услышали близкие ухающие звуки. Толкая друг друга, выскочили на мостик. Это ухал прибой. Скоро равномерная тьма ночи стала словно бы пятнистой — то густо-черной, то серой.

— Камни, — сказал Курылев. — Теперь ясно, где мы. Давай влево.

На самом малом сейнер прошел вдоль берега.

— Вот она, гряда...

Справа, совсем близко, прыгали буруны над камнями. Но катера не было видно.

— Может, его немцы сняли? — послышались голоса.

— Может, утонул?..

— Да вот же он! — неожиданно крикнул Алексей, в волнении потирая обожженную сторону лица, словно она у него чесалась.

Катер меньше всего походил на боевой корабль. Затопленный по самую палубу, с развороченной взрывом рубкой, он был как один из камней, обступивших его.

— Нда! — сказал Коля Переделкин. — Спасать-то нечего.

— А знаешь, какие там двигатели? — напустился на него Алексей. — Моторесурса не отработали.

— Ну сдернем, — не унимался Коля. — Так ведь он тут же и потонет. Дыр в нем...

— Нету дыр, нету! Есть одна, так я ее бушлатом затыкал...

— Ты?!

— Я, кто же еще? Думаешь, чего мы сюда поплыли? Мне в штабе аэрофотоснимок показывали. Я и сказал, что катер целехонек, спасти можно...

— Тихо! — приказал Михеев. — Берись за багры, ребята. Гробанет волной, сами тут останемся.

Они подтянулись к катеру, пришвартовались надежней. Курылев скинул шинель, быстро и ловко замотал в нее гранаты, получившийся толстый жгут повесил себе на шею, взял дегтяревский пулемет и перепрыгнул на соседний камень. Затем он сполз с него в воду, которая оказалась ему по грудь.

— Я буду тут, на дороге! — крикнул Иван и пропал в темноте.

Это были его последние слова...»

«На, вот тебе и новичок Курылев, — подумал я, отрываясь от газеты. — Выходит, вовсе не случайно попал он в Приморское, как все мы, бедолаги. Было ясно, что пойдет он по дворам спрашивать о другом Курылеве, который кем-то ему приходится. Непонятно только, чего он до сих пор ждал. Ведь уже месяц на заставе. Почему не рассказал? Начальник заставы, конечно, поддержал бы. Я-то его знаю, изучил за два года службы. Он нас изучил, а мы его. Уж он-то не упустил бы случая лишний раз повоспитывать нас на таком необычном деле, как разматывание этой истории с Иваном Курылевым. Вся заставу можно поднять на ноги, а Игорь таится. Почему?..»

Я думал об этом все время, пока мы возились у вышки, приколачивая ступеньки. Потом не выдержал, спросил Игоря:

— А катер спасли?

— Да, потом он воевал.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал.

— А что это за вырезка?

— Из старой фронтовой газеты.

— Так ведь продолжение должно быть.

Он пожал плечами.

— А что значит: «Это были его последние слова»?

— Остался он тут.

— Зачем?

— Оставили его.

— Как это — оставили?

Игорь снова пожал плечами. Это «ни да», «ни нет» раздражало.

— А где ты взял газету?

— У отца была.

— А кто он тебе — Иван?

— Родственник. По матери. У нас полдеревни Курылевы.

— А где он теперь?

— Говорят же, оставили его. Погиб, наверное.

— Здесь, в Приморском?

— Эх! — сердито сказал Игорь. — Я думал, на тебя можно положиться, а ты — что да как...

Это меня разозлило. А кого не разозлит такое?

— Я тебе не ботинок нужного размера, чтобы меня, не спросив, примеривать. Рассчитываешь на помощь — давай в открытую. Расскажем начальнику заставы, он тут всех знает.

— А вдруг это неправда? Только зря переполошим.

Подивившись его неожиданному волнению, я полез на вышку. Выходной не выходной, а надо оглядеть местность. Это, собственно, была не вышка, а только верхняя ее часть — двенадцать ступенек и площадка с перилами и застекленной будкой посередине. Но и этой высоты было довольно: с горы весь берег был как на ладони.

Внизу, неподалеку от вышки, темнела окаймленная обрывами бухта, та самая, о которой писалось в газетной вырезке и куда мы в летние выходные организованно ходим купаться. Сверху бухта казалась пестрой: на ее дне меж редкими заросшими камнями светлели песчаные пятна. С моря бухту отсекала каменная гряда, возле которой в штормовые солнечные дни

вздывается красивой прибой. Сегодня прибой не было: море до самого горизонта лежало ровненькое, как в блюдце. За грядой, неподалеку от берега, стоял пэскаэр — наш пограничный сторожевой корабль, отсыпался перед очередной бессонной ночью. Дальше в сплошном блескучем мареве шел рыбацкий сейнер, правильно шел, по рекомендованному курсу.

Я осмотрел берег, заметил, что острый, словно кариозный зуб, камень, подмытый морем, с осени державшийся на тонюсенькой перемычке, наконец-то обвалился, и подумал, что надо будет доложить об этом начальнику заставы. И еще что-то новое, белое, лежало на отмели. Поглядев в стереотрубу, я понял — доска, выброшенная морем, измочаленная о камни.

От бухты по расщелине поднималась дорога. Дальше она бежала по полого опускавшемуся полю к крайним домам поселка Приморского. Слева от поселка, на отшибе, четким прямоугольником оград и заборов выделялась застава с длинноногой вышкой над нашим двухэтажным домом. За вышкой была другая ограда и еще дом поменьше. Там жил наш начальник капитан Суравец Евгений Спиридонович со своей дочкой Ниной и женой тетей Машей. Там в холостяцком одиночестве жил и старшина заставы прапорщик Сутеев Иван Иванович.

Отличная вещь — стереотруба, все видно. Я разглядел даже разжиревшую на казенных харчах дворнягу Кнопку — предмет неистребимой ненависти всех наших служебных собак. Потом скользнул взглядом по поселку, по дороге, ведущей к бухте, и стал осматривать берег, камни у берега, морскую даль.

На высоте было довольно прохладно. Но я не забивался в стеклянную середину вышки. Мне нравилось стоять на ветру, слушать эту великую тишину, обозревать знакомый до мелочей мой мир и чувствовать удовлетворение от его неизменности. Так, наверное, олимпийские боги со своим знаменитым спокойствием созерцали землю, замечая каждый шаг каждого живого существа...

И вдруг я услышал сухой хлопок, донесшийся откуда-то снизу, из густого сосняка на обрыве. Я оглядел сосняк и успокоился, решив, что это камень. Когда они с обрыва падают, бывает, еще и не так бьют.

Тут зазуммерил телефон, я схватил трубку, услышал сердитый гопос дежурного по заставе:

— Что слышно?

— Все в порядке.

— Докладывают: вроде выстрел.

— Камень, наверное...

— Ка-амень, — передразнил он. — А ну проверить!

Оставив Игоря наблюдать, я спрыгнул на землю и быстро пошел по склону, оглядываясь на вышку, стараясь, чтобы она все время была видна мне. Все нависавшие опасные камни были у нас наперечет, и не составляло труда осмотреть их, проверить, какой сорвался. Но чем дальше я шел, тем меньше верил в это. Больно уж звук был непохожий; и верно, как выстрел, только не такой, к каким мы привыкли на стрельбище, — короткий, сухой. Сосняк цеплялся за куртку, камни попадались под ноги все какие-то скользкие, неустой-

чивые. Известно же, когда торопишься, даже на знакомой тропе встречаешь массу препятствий. Это я давно понял: чтобы препятствий было меньше, надо почаще ходить знакомыми тропами в необычном темпе. И давно уж не сердился на начальника заставы, восполнявшего тишину нашего участка границы учебными тревогами. Побегаешь да поволнуешься, спокойней будешь, когда надо не волноваться.

Я бежал по склону, все больше взвинчивая себя подозрениями. Голова работала ясно, и будто ноги были сами по себе, а голова сама по себе, плыла где-то в стороне, спокойно оглядывала, обдумывала увиденное да услышанное.

Наверное, потому так и получилось, что ноги пробежали подозрительное место, а глаза зафиксировали его. Я остановился, еще не понимая, что же привлекло внимание, вернулся, осмотрелся и увидел на белом камне небольшое пятно еще не почерневшей крови. Мне стало холодно: с детства не терпел вида крови и отворачивался даже, когда в медпункте кололи палец. Но тут отворачиваться было никак нельзя. Я плюхнулся на землю и прислушался. Под обрывом вздыхало море, лениво пересыпало гальку на берегу. Где-то далеко вскрикивал сиреной скучающий в одиночестве теплоход.

Совсем успокоившись и даже чуточку устыдившись, я собрался встать, но вдруг рядом услышал тяжелое дыхание и увидел в кустах что-то шевельнувшееся темное.

— Руки вверх!

Никто не ответил. Полежав немного, я вскочил, коротким броском пересек поляну. Под кустом лежала коза, испуганно смотрела на меня большими глазами.

— Тьфу, чертовка рогатая! — выругался я и оглянулся: не видел ли кто моего конфуза. — Что, поранилась?

Осмотрев козу, я увидел на животе два кровавых пятнышка, темневших симметрично, как соски. Сначала подумал, что она шла и напоролась на сучок. Но как могла пораниться сразу с двух сторон? Может, не она поранилась, а ее поранили? И кровавые пятнышки — входное и выходное отверстия? Значит, непонятный звук был-таки выстрелом?

Я разыскал замаскированную телефонную розетку, доложил на заставу о всех своих подозрениях и стал ждать тревожную группу. Мне было не по себе. Выстрел на границе — всегда ЧП. Выстрел, произведенный неизвестно кем, — ЧП вдвойне. Об этом станет известно в отряде, в округе, может, даже в Москве...

С тревожной группой прибежал сам начальник заставы. Неторопливо и основательно, как все, что он когда-либо делал, начальник осмотрел козу, которая совсем уже закатывала глаза, и решительно пошел вниз к большому — с дом величиной — камню, взвышавшемуся над обрывом, где была ближайшая розетка.

— Дежурный? — сказал он, включившись в линию. — Заставу — в ружье. Перекрыть все тропы, незнакомых задерживать. — И, неуловимым движением выдернув штепсель, не меняя интонации, только повернув голову, по чему мы поняли, что это касается нас, добавил: — Обшарить все вокруг, осмотреть всякую травинку. Должна быть гильза.

На штурмовой полосе под низкой колючей проволокой мы не ползали так старательно, как в этот раз. Даже наш собаковод ефрейтор Кучкин, считавший ниже своего достоинства заниматься чем-либо, кроме своего рыжего Грома, даже он встал вместе с нами на колени, привязав собаку к деревцу. Гром рвался на длинном поводке, тонкое деревце гнулось, и мы побаивались, как бы это милое существо, ненавидящее, казалось, все человечество, кроме своего ненаглядного Кучкина, не сорвалось и не приняло нас за объект поиска.

— Чего ты ее привязал? Пусть тоже ищет.

Кучкин не поворачивал головы, не удостоивал внимания такие глупые рассуждения. Собака не человек, ей — ювелирная работа.

Сухая трава кололась. Мелкие сосновые шишечки, попадавшие под руку, то и дело сбивали с толку. В одном месте я наткнулся на остромордого ежа, непонятно зачем вылезшего из своей зимней норы в такую рань. А гильзы не было, как испарилась. Мы расширяли круг поиска — и все напрасно.

— Нда, — сказал начальник заставы. — Ну-ка вы попробуйте. — И многозначительно посмотрел на Кучкина.

Тот дело знал, этого у него не отнимешь. Без слов метнулся к своему Грому, и через минуту он уже водил его по поляне, окруженной почтительно стоявшими вокруг пограничниками.

— Ищи, Гром, ищи!

Гром недоуменно глядел на своего хозяина, словно спрашивая, чего, мол, искать, когда ничего нету. Но послушно совал морду в траву. Вдруг он насторожился, повел носом в сторону большой каменной глыбы, полез куда-то под нее в кусты. И тотчас вылез обратно, держа в зубах скатанную в жгутик зелененькую обертку от конфеты «Белочка».

Никто не засмеялся, хотя по лицам было видно, что конфетная обертка всех развеселила.

— Гром зря ничего не берет, — виновато сказал Кучкин, подавая обертку начальнику заставы.

Тот взял ее аккуратно двумя пальцами, развернул, положил в записную книжку.

— Продолжайте поиск.

Гром побегал возле каменной глыбы, потом быстро пошел в гору, выбежал на дорогу и здесь заметался, потеряв след. Если это и в самом деле был тот след, какой надо.

Застава бодрствует круглосуточно. Но следующую ночь она бодрствовала почти в полном составе. Офицеры, приехавшие из штаба отряда, опрашивали пограничников. Шофер заставского «уазика» не вылезал из машины, метался по кривым пограничным дорогам, ездил к соседям. Все дороги были перекрыты, осматривалась каждая машина, опрашивался каждый человек. Но к рассвету тайна оставалась такой же темной, какой была вечером.

Получив наконец разрешение отдохнуть, я вышел во двор и остановился у забора, за которым бежала тропа к крайним домам поселка, задумался. Думать мне, собственно, было не о

чем: все, что мог, уже передумал, но ничего нового придумать не мог. Только и было моих заслуг, что нашел раненую козу. Специалисты из отряда пришли к выводу, что выстрел действительно был сделан в то время, когда я его слышал, что стреляли, вероятно, из старого револьвера системы «наган», который не выбрасывает гильз, что скорее всего стрелявший просто испугался мелькнувшей в кустах тени, иначе совершенно было непонятно, зачем ему понадобилось убивать козу. Знал же он, что выстрел в этих местах всполошит всю границу...

Над изломами близких горных вершин блекла заря, и вот-вот должно было выскочить солнце. С моря тянуло холодом. Подрожав да поежившись, я совсем уж собрался идти спать, как вдруг увидел на тропе Таню Аверину. Она шла быстро, но не бодро, по чему сразу бывает видно невывспавшего человека, и не замечала меня, повисшего на заборе, с жадным волнением рассматривавшего ее красивые ноги. Были у Татьяны и другие достоинства, но я, когда видел ее, первым делом почему-то всегда смотрел на ноги, любовался.

— Что вам-то не спится?

Она вздрогнула, испуганно посмотрела на меня. И взгляд ее, долгий, испытующий, доставил мне несказанное удовольствие.

— Думаете, легко на заборе висеть? У меня руки отнимаются, когда вы так смотрите.

— М-могу и не смотреть, — сказала она, мило заикаясь. Она всегда заикалась, когда волновалась, и это я относил к одному из ее достоинств. — Н-не нашли, кто стрелял?

— Это военная тайна.

— Про вашу т-тайну весь поселок знает.

— Если знает, о чем говорить?

— П-подумаешь! — Она капризно пожала плечами. — Нина расскажет.

— Нина не ведает тревог. Ей сейчас снятся счастливые сны.

— А вот и не спит, я звонила.

— Интересно... — Это и в самом деле было необычным. Чего девчонки-то всполошились? — Интересно бы поглядеть...

— Н-на Нину?

— На вас, заговорщиц.

— Обойдетесь. — Она улыбнулась так ослепительно, что я чуть не свалился с забора. А в следующий миг я и в самом деле сорвался, потому что увидел такое, от чего заболело в животе. Таня, сердитая недоτροга, с которой мне так и не удалось перейти на «ты», вдруг показала язык и, покраснев от своего озорства, быстро пошла по тропе.

— Тань! — заорал я. — Таня, погоди, дело есть!

— Знаем мы ваши д-дела.

Но она все же остановилась, оглянулась в ожидании. А я лихорадочно придумывал, что бы такое сказать посущественней. Про любовь уже говорил, комплименты, какие знал, тоже все перебрал...

— Хотите, я на сверхсрочную останусь?

— Слыхали.

— А у меня есть тайна, — выпалил я, вспомнив про историю Ивана Курылева. Тайну вообще трудно в себе носить.

Но быстрее всего она выскакивает, когда надо срочно что-то сказать пооригинальнее, а ничего не придумывается.

— У меня есть сердце, а у сердца песня, а у песни тайна... — скороговоркой пропела Таня.

— Да нет, настоящая.

— Сердечные т-тайны, значит, ненастоящие?

Вот и поговори с этими девчонками. Все не по ним!

— В самом деле — серьезное.

Мне вдруг пришло в голову, что она могла бы подговорить своих мальчишек и девчонок на поиск. Под известным девизом «Никто не забыт, и ничто не забыто». В два дня обойдут поселок, разыщут стариков, кто помнит довоенную заставу, кто был тут при немцах. И я принялся рассказывать все, что вычитал вчера из газетной вырезки. Знал, что Таня обрадуется предложению начать поиск, но она, казалось, совсем обезумела от восторга. В конце концов я понял из ее восклицаний, что про Ивана Курылева она знает, что он собирался жениться на Анне Романько, родной тетке Тани, старшей сестре ее матери. Тетку свою Таня никогда не видела, потому что та сгинула на неметчине, куда ее угнали в сорок втором году, но мать рассказывала, что, когда была совсем маленькой, видела веселого пограничника Ивана, приходившего в дом.

— П-позовите эт-того Игоря, — торопила Таня, — хочу на него поглядеть.

— Чего на него глядеть? — забеспокоился я.

Но пошел, раздумывая по дороге, что как бы там ни было, а лучше пусть они поговорят в моем присутствии.

В спальне, как всегда, было сумрачно и душно. То есть я знал, что это не духота, даже как-то лучше спалось в привычных ароматах родной казармы, но после свежести раннего утра воздух тут показался просто спертым. Солнце, поднимаясь над морем, пробивалось через мелкие щели в плотных гардинах окон, десятками зайчиков испестрило противоположную стену и почти погасило синюю лампочку над дверью. Я подошел к койке Игоря, услышал его спокойное посапывание и остановился в нерешительности. Всю ночь ведь не спал, как и я, стоит ли беспокоить? Тумбочка у койки Игоря была распахнута настежь. Я наклонился, чтобы закрыть дверцу, и увидел на полке книгу с интригующим названием — «Приключения». Взял ее и раскрыл как раз там, где лежали желтевшие от времени газетные вырезки. Их было две.

Я недолго мучился сомнениями насчет права читать чужое. Успокоив себя убедительным аргументом, который так любил повторять старшина, — «в дружном коллективе даже сердечные тайны не должны быть тайной», я пошел с газетными листками к своей койке, поймал солнечный лучик и стал читать.

«...Катер, казалось, намертво засел на камнях. Алексей, обвязавшись веревкой, чтобы не унесло волной, в несколько минут с кошачьей ловкостью облазил его весь и с палубы, и вдоль бортов, ныряя в ледяную воду.

— Порядок! — крикнул он. — Пускай помпу!

Помпа стучала и шипела так, что, казалось, должна была всполошить всех немцев. Но хуже всего было то, что вода в катере совсем не убывала. Тогда Алексей полез в люк. Он нашел пробоину, закрыл ее спиной и держал, упершись ногами в переборку. Вода в люке начала убывать. Катер заскрипел днищем о камни.

И тут с берега донесся выстрел. Потом еще и еще. Простучала короткая очередь «дегтяря», и все стихло.

Матросы выключили помпу. В темноте слышались какие-то крики. Вроде кто-то с кем-то переругивался на самых высоких нотах.

— Может, сдернем катер? — предложил Михеев.

— Не удержит один-то Алексей, — сказал капитан.

— Поможем. Он пролез, и другие пролезут.

Капитан посмотрел на небо, начинавшее светлеть над кромкой гор, и вздохнул:

— Давай попробуем.

Снова торопливо застучала помпа. В черные люки катера протиснулись еще трое, вместе с Алексеем принялись забивать пробоины. Михеев послал на берег Колю Переделкина за пограничником Курылевым.

Шли минуты, а на прибрежных камнях все никто не появлялся. Потом послышался крик с воды: Коля плыл к сейнеру по прямой, минуя каменную гряду.

— Немцы! — выдохнул он, оказавшись на палубе. — Сам слышал разговор.

— А где Курылев?

— Нету...

Стало ясно: схватили Курылева. А раз так, то надо было уходить немедленно. Завели буксир.

— Давай помалу! — крикнул капитан.

Сейнер вздрогнул, что-то отчаянно взвизгнуло, заскрежетало, и катер закачался на волне, поплыл. Вот уже и гряда пропала в сером тумане, и отвесная стена скал, обступившая бухту, стала растворяться, исчезать. Только вершины гор долго еще выделялись на светящем утреннем небе. Потом повалил снег, и в десятке метров ничего не стало видно.

Когда снег прекратился и открылась даль, все увидели прямо по курсу немецкий военный катер. Он спокойненько шел навстречу, словно специально дожидался.

— Эх, Иван, Иван! — вздохнул Михеев. — Чтоб тебе еще чуток продержаться...

Было ясно, что схваченный фашистами Курылев не выдержал истязаний и рассказал, зачем он тут оказался. Все знали: фашисты мастера вынимать из человека душу...»

Дальнейшее о том, как сейнер и катер чудом были спасены оказавшимся поблизости советским эсминцем, я читал невнимательно. Все возвращался к страшному предположению

о предательстве Ивана Курылева. А потом и вовсе перестал читать, думая только о человеке, оставшемся на берегу, чья судьба через десятилетия перехлестнулась с судьбой моего, нашего сослуживца.

Положив листки на место, я вышел на крыльцо и остановился в растерянности. Узнай я такую историю на гражданке, просто не придавал бы ей никакого значения. Но здесь надо было что-то предпринимать. Ломая голову над этой дилеммой, я пошел к забору, собираясь посоветоваться с Таней. Но ее уже не было.

Тут я разозлился на себя: если на то пошло, я просто не имел права молчать. Много лет прошло с того предательства? Но Игорь почему-то ведь скрывает? Хочет в одиночку дознаться истины? Но пограничнику не положено утаивать такое. Не зря начальник говорит, что на границе, как на фронте, каждый должен быть ясен.

Когда колебания между долгом товарищества и долгом службы вконец измучили меня и я, как принц Гамлет, совсем потерял голову от пустых размышлений, услышал вдруг твердый знакомый голос:

— Рядовой Алексеев, ко мне!

На крыльце заставы стоял наш прапорщик, как всегда подтянутый, отутюженный.

— Вы почему не спите?

— Да так...

— Отвечайте, когда спрашивает начальник.

— Да это... — замылся я. И ответил бог знает где вычитанной фразой: — Тут замешана женщина.

— Женщина?

— Ну девушка, в общем...

Он, не мигая, посмотрел на желтое солнце, уже совсем поднявшееся над морем, и начал говорить о том, что если пограничник влюблен, значит, он не спит, если не спит, то небдителен на посту, а если небдителен... И так далее, и тому подобное. Я уже знал, что если молчать, не оправдываться, то через пару минут старшина выговорится, подберет и отпустит с миром. Поэтому стоял не шевелясь, стараясь изо всех сил изобразить на лице внимание.

— Идите, и чтобы через минуту видеть сны. Я проверю.

В другое время, пусть даже рискуя нарваться на замечание, я бы непременно поинтересовался содержанием снов, которые будет проверять старшина. Но теперь мне почему-то совсем не хотелось шутить. Козырнув, как положено, я пошел в спальню и в самом деле уснул через минуту. Как, впрочем, засыпал каждый раз, как залезал под свое синее шерстяное одеяло.

Граница не знает сна, поэтому на заставе нет общего отбоя. Но общий подъем есть. В тринадцать часов дежурный распахивает темные гардины на окнах, и для тех, кто в это время не на службе, начинается обычное солдатское время с физзарядкой, построениями, занятиями.

Но в этот день всем было не до нас. Начальник заставы, озабоченный, невыспавшийся, уехал куда-то с офицерами шта-

ба. Старшина был занят всякими организационными делами, которые свалил на него начальник. Командиры отделений все до единого находились в усиленных нарядах, и нас, семерых рядовых, оставшихся не у дел в этот горячий день, по указанию старшины просвещал восьмой, такой же рядовой, отличавшийся только тем, что был длиннее всех, Коля Силкин. На гражданке он работал в телевизионном ателье и считался знатоком техники. Технику он и в самом деле знал неплохо, и это на первый взгляд было кстати, поскольку наша самодеятельная команда почти целиком состояла из специалистов поста технического наблюдения. Но командир Коля был никакой, и очень скоро служебное время занятий мы превратили в личное время.

Правда, прослужив без малого два года, я так и не уяснил себе разницу между временем служебным и личным. Поскольку, даже когда выпадала свободная минута, каждый из нас шел на тот же спортгородок, где мы только что занимались в обязательном порядке, или забирался куда-нибудь в угол ленкомнаты с книгой по радиотехнике. Разве что в личное время каждый сам себе командир: захотел — потянулся или зевнул, захотел — покурить, прошелся по заставе, поспорил с оператором о том, почему перегорают дроссели на радиолокационной станции...

Но старшина точно улавливал эту разницу. Увидев, как мы занимаемся, он сразу нашел нам дело, заставив перекапывать слежавшиеся за зиму опилки в ямах у спортснарядов.

Утром гамлетовское «как быть» уже не мучило меня. Теперь я знал, что сразу, как увижу, скажу Игорю о том, что все знаю, и заставлю его пойти к начальнику заставы. Не мне же идти. Ведь тогда Игорю не оправдаться перед самим собой.

Но увидеть его мне удалось только мельком, когда вечером он пришел с наряда. Я не успел ему ничего сказать, сам ушел на ночное дежурство.

Наш пост технического наблюдения находится на каменистом мысу, вдающемся в море. Поодаль от берега стоят два белых домика — дизельная и операторская, а у самой воды — еще один домик, высокий, с дверями во всю стену, с рельсами, выбегающими из-под дверей. В этом домике мой пост, моя боевая техника — прожектор. Когда я прихожу на ПТН, то заглядываю в свой домик лишь на несколько минут, чтобы осмотреть прожектор. Смотреть, собственно, нечего, знаю его до каждой царапины на угольных стержнях, до каждого пятнышка на зеркале. Но так уж положено — смотреть, заступая на пост.

А потом я иду в операторскую и сижу там, подменяя операторов у экрана. Это непросто — долго и неотрывно смотреть, как бегает по темному полю светлая полоска развертки, как вспыхивают и медленно гаснут извилистые очертания берегов, светлые пятнышки проходящих по фарватеру теплоходов. В центре экрана словно бы клубится белая пена. Это отражения от морских волн. И надо быть очень внимательным, чтобы не проглядеть цель, которая может мелькнуть в этой «пене».

Временами мы завидуем довоенным пограничникам, от которых требовалось только смотреть да слушать. Ну еще, конечно, стрелять хорошо, совершать долгие переходы по каменистым тропам и, если надо, стоять на рубеже Родины до последнего дыхания. Все это мы тоже умеем. Во всяком случае, так нам кажется и так говорит начальник заставы в минуты неторопливых перекуров в беседке. Но, кроме того, мы обязаны хорошо разбираться в радиоаппаратуре. Потому что нынешняя граница охраняется более зрячей и чуткой, чем просто глаза и уши, современной техникой.

Говорят, когда-то прожектора на границе светили чуть ли не всю ночь. Теперь мы включаем их лишь изредка и не как-нибудь, а точно в нужном направлении, чтобы осветить цель, посмотреть, что такое появилось в пределах досягаемости радиоволн, — шлюпка заблудившегося в море рыбака или в самом деле нарушитель границы. А поскольку такие случаи редки, то получается, что включение прожектора для нас, прожектористов, радостно, как праздничный фейерверк.

Это очень красиво, когда дымящийся световой столб падает на волны. Сразу в луче появляется множество мельтешащих серебристых точек невесть откуда взявшихся ночных жучков и мотыльков. Ослепительно вспыхивают пенные барашки, кажется, что они торопятся, бегут и не могут убежать, замороженные светом. А луч невесомо скользит над волнами, замирает у берега, и ты видишь, как возникает из тьмы чудная картина в черной раме — живописное нагромождение прибрежных камней, живая радуга над прибоем, склонившиеся над водой кривые сосны, белые на фоне угольной ночи. И тогда совсем немного нужно воображения, чтобы представить себе фантастический мир, выхваченный из неведомых далей вселенной, показанный нам чудесным лучом.

Каждый раз, когда выкатываю свое зеркальное чудо из домика на открытую площадку, я говорю себе, что не имею права увлекаться красотами природы, что мое дело — искать не фантазмагорию, а самое обыденное. Но всегда на какой-то миг забываюсь и, да простит меня наш строгий начальник, хоть на секунду, а все же задерживаю луч, исходя вовсе не из потребностей службы.

И в этот раз, когда среди ночи производил минутный контрольный осмотр своего сектора, залюбовался прибоем на соседнем мысу. Есть там такая щель в камнях, откуда даже при слабой волне выбрасывает высокие фонтаны брызг. Сейчас волна шла балла на четыре, и из щели выхлестывал сверкающий веер, растекался по ветру и опадал, оставляя медленно тающую радугу. И вдруг я увидел в этой радуге, как что-то серебристое шевельнулось среди таких же серебристых камней. И я разглядел силуэт человека с большим полотнищем в руках, показавшимся мне приготовляемой к плаванию надувной лодкой. Человек присел, закрывшись от спящего света, слился с камнями. Но я уже держал его, зная, что куда он теперь не денется, что в луче невозможно даже на секунду открыть глаза, не то чтобы бегать по камням.

«Вот, значит, кто убил козу, — сразу поверил я, — вот из-за кого мы изодрали колени в поисках гильзы», — и обра-

довался горделивой радостью охотника, до конца выследившего дичь.

Вскоре в луче показалась вызванная с заставы тревожная группа, и я выключил прожектор, чтобы не мешать своим.

Я точно знал, что там происходило на берегу. Еще ничего не видя после прожекторного света, нарушитель тарачит глаза в темноту, стараясь разглядеть пограничников, обступивших его. Подавленный и испуганный, он идет куда ему велят, забыв про свое имущество. Но пограничники дело знают: осмотрят каждую впадину между камнями, подберут каждую брошенную или спрятанную вещь, каждый клочок бумаги...

Но все это называемое интригующими словами «братя нарушителя» происходит без меня. Я сделал все, что от меня зависело, и теперь должен, как говорится, продолжать нести службу. То есть делать то, что делал вчера и позавчера, и каждую предыдущую ночь, когда не было никаких нарушителей и вообще ничего не произошло. Это кажется мне немного обидным: я обнаружил, и я же в стороне. Но делать нечего, приходится утешать себя привычной мыслью, что граница только тогда надежно охраняется, когда каждый пограничник хорошо выполняет то, что ему положено. И не суется не в свое дело.

Наверное, я был похож на кота, у которого отняли мышь, потому что, когда вернулся в операторскую, сразу услышал слова утешения:

— Ничего, скоро рассвет, на заставе все узнаем, — сказал сидевший у экрана оператор, рядовой Кузовкин.

— Отставить разговоры! — сердито крикнул начальник РЛС, младший сержант Байрамов. Мы удивленно посмотрели на него. К разговорам в операторской сам же Байрамов всегда относился снисходительно: разговоры поддерживали служебный тонус, потому что в долгой тишине под мерный гул преобразователей недолго было и задремать даже с открытыми глазами. Бывало такое: смотрит человек на экран, а ничего не видит, спит.

— Отставить разговоры, — повторил Байрамов. — Теперь глядеть надо. У нас говорят: змеи никогда не приходят в одиночку.

На все у этого Байрамова своя примета или присказка. Не всегда он высказывал их к месту, но теперь возражать было нечего. И в самом деле, так хотелось поговорить о таинственной белой фигуре, мелькнувшей в луче, повспоминать то, что было и чего не было. Но не следовало отвлекаться.

Оставшиеся до рассвета два часа мы просидели почти молча. Еще несколько раз бегал я к своему прожектору, обшаривал голубоватым лучом волны и камни. Но все было тихо, как вчера, и позавчера, и каждую предыдущую ночь.

— Ничего, — утешал меня Кузовкин, когда мы по серой утренней тропе возвращались на заставу. — Тебе еще повезло. Другой за два года службы ни разу живого нарушителя не увидит.

— Чтоб их вовсе не видеть!

Но я лукавил. Очень даже хотелось поглядеть вблизи на

«своего» нарушителя. И очень я опасался, что начальник заставы не учтет этого моего желания.

Так и получилось: к нашему приходу нарушитель был уже отправлен в отряд. Как и вчера, сидел у телефонов дежурный, как вчера, стоял на крыльце прапорщик Сутеев, выглаженный, отутюженный, встречал восход солнца. Я взглянул на тропу, ведущую к поселку: может, и Таня придет, как вчера? Но Таня, видно, спала в это утро спокойным сном. И я, помаявшись в одиночестве с еще не остывшим своим возбуждением, пошел спать.

Утром, то есть уже днем, когда подняли нас по общему подъему, прибежал в спальню дежурный по заставе, крикнул с порога:

— Алексеев — к начальнику!

«Вспомнили наконец», — подумал я, не торопясь оделся и пошел в канцелярию выслушивать заслуженную (как мне казалось) благодарность.

Начальник заставы сидел зеленый, невыспавшийся. У него были пухлые щеки добряка. На первом году службы я думал, что вид этот обманчив — так безжалостно выматывал он нас учебными тревогами, потом понял, что начальник-таки добр. Только армейская доброта отличается от гражданской. Она суровее, беспощадней и... самоотверженнее. Когда надо было позаботиться о ком-то из нас, бестолковых и неумелых, начальник не жалел себя.

Сейчас начальник показался мне обрюзгим и постаревшим. Он устало из-под бровей посмотрел на меня и сказал то, чего я меньше всего ожидал:

— Как вы насчет сверхсрочной?

Мне приходилось слышать его беседы со старослужащими на эту тему, всегда они были долгими и задушевыми. И вдруг такая прямота. Что это — недоверие? Или наоборот?

— А что? — спросил я в растерянности.

— Конечно, сразу ответить трудно. Но вы подумайте.

И тут он вынул и положил на стол знакомые мне газетные вырезки.

— Читали?

— Так точно.

Он снял фуражку, строго, совсем как наш учитель по физике, поднял глаза и постучал пальцем по листкам.

— Вы понимаете, что здесь задет не только лично Курылев, но и честь заставы?

— Так точно! — машинально ответил я. Хотя, если говорить совсем откровенно, о чести заставы я как-то и не подумал.

— Некий литератор, видимо, имея только предположения, бросил тень подозрения на память человека. Наш долг опровергнуть это. Или... или подтвердить. Вы меня понимаете?

Воодушевленный таким доверительным разговором, я начал выкладывать свой план насчет того, что хорошо бы встретиться с Таней и через нее организовать из школьников группу поиска, пустить их по дворам...

— Погодите с оглаской, — сказал капитан. — Поговорите сами со старожилками в поселке. Вы и Курылев, пока достаточ-

но. Обязательно зайдите к хромому Семену Чупренко, он был тут в оккупации. Ваша Таня покажет его дом...

Я задохнулся от таких слов. «Ваша Таня!» Если начальник так говорит, значит, ему Нина уже напела про наши отношения. А Нине могла сказать сама Таня... Оглушенный музыкой, звучащей во мне, я думал, что она звучит и вокруг. Так глухарь ничего не видит и не слышит, когда поет.

— Слушаюсь, товарищ капитан! — гаркнул я, не в силах спрятать распиравшую меня улыбку. — Разрешите выполнять?..

Моя беда в том, что я не умею скрывать своих чувств: что на душе, то и на лице. Потому-то ребята, проходившие мимо канцелярии, когда я вышел, все, как один, уставились на меня.

— Отпуск получил? — спросил дежурный.

— Больше.

Дежурный в недоумении пошевелил губами и, так и не придумав поощрения, которое могло быть больше отпуска на родину, отвернулся к своим телефонам. А я побежал к Игорю Курылеву.

— Молодец! — сказал ему, хлопнув по плечу. — Так я и знал, что сам расскажешь начальнику.

— Да я не хотел, — замылся Игорь и смешно сморщился, отчего веснушки на его круглом лице еще более потемнели. — Он сам откуда-то узнал. Чего уж было, пришлось рассказывать.

Моя восторженность сразу оплыла, как рисованная красота девушки, попавшей под дождь. И все перевернулось. Простые слова начальника показались снисходительными намеками, улыбки — усмешками. Значит, он знал, кто первый начал разносить тайну? Значит, это именно недоверчивость была в его прямоте, когда он говорил о сверхсрочной?.. Но не бежать же извиняться. «Хорошо яичко к христову дню», — говорила моя бабушка. Тем более, что имелось четкое задание, от которого мне совсем не хотелось отказываться. Оставалось сделать вид, что все в порядке, и замаскировать свое смущение повышенной активностью.

Я дозволился до Тани, потребовал, чтобы она бросала свои уроки для более серьезного дела — для встречи с нами. Таня сначала рассмеялась, потом обиделась. Но, узнав, в чем дело, согласилась выйти на пару минут, показать дом, где живет Чупренко.

Оказалось, что этот дом я и сам мог найти с закрытыми глазами. Жила в нем двенадцатилетняя девчонка по имени Волья, которую на заставе все хорошо знали и называли не иначе как Волчонком, потому что была она хуже любого мальчишки, лазила по границе, совсем не считаясь с нашими пограничными правилами. А еще мы называли ее «нашим проверяющим». Не проходило месяца, чтобы по ее милости не поднималась «в ружье» тревожная группа. То Волья наследит, где не надо, то удерет ночью купаться, переполошив всю заставу. Она и внешне походила на мальчишку — длинная, худущая, с короткой прической. Сколько я видел ее, всегда щека у Вольки оттопыривалась: чаще за щекой была конфета, а то просто камешек или еще какая «детская драгоценность». Отца у Вольки не было: бросил еще до ее рождения. Мать

работала бригадиром в колхозе и всегда была занята. Воспитанием девочки занимался дед, тот самый Семен Чупренко. Но воспитатель он был своеобразный: считал, что мир вокруг правильный и воспитывает лучше, чем всякий педагог. Короче говоря, дед просто не обращал внимания на внучку, и она росла сама по себе, делая что ей вздумается, верховодя и мальчишками и девчонками.

Похоже было, что «педагогическая теория» деда Семена оправдывалась. Несмотря на беспокойный характер, а может, и благодаря ему Вольку все любили. Потому-то в карманах ее мальчишечьих брюк всегда были конфеты.

Все это я знал из Таниных рассказов, которую возмущал такой метод воспитания. Меня же это сместило. Разумеется, если разговор происходил не сразу после того, как по вине Волчонка нас среди ночи поднимали в ружье. Всегда ведь относиться с юмором к тем заботам, которые тебя не касаются.

И на этот раз я увидел Вольку с конфетой за щекой. Торопливо, словно боясь, что мы помешаем, она засунула за щеку еще одну конфету, смяла, отбросила обертку и оставилась на нас настороженными круглыми глазами.

— Чего ты испугалась? — ласково спросила Таня.

— И не думала, — с вызовом сказала Волька и, смешно пошевеливая бедрами, что, вероятно, означало полную независимость, прошла за угол дома. И тотчас выглянула оттуда, наблюдая за нами.

— Дед дома?

Она пожала плечами и ничего не ответила.

Дед сам увидел нас в окно, стуча протезом, вышел навстречу, морща в улыбке безбородое лицо, пригласил в дом.

— Мы к вам, Семен Иванович, — сказала Таня. — Вы ведь — первый старожил в п-поселке, скажите, не помните ли такого человека — Ивана К-Курылева? До войны он тут н-на заставе служил.

— Курылева-то? Как же его не помнить, как же, — обрадовался дед. — Курылева да не помнить! Геройский был человек, геройский...

Мы переглянулись.

— А что вы о н-нем помните?

— Да все. Старое-то лучше помнится. Куда вчера очки задевал — вышибло, а старое — вот оно...

— Ой, ребята, б-бежать надо мне, — спохватилась Таня. — Но вы ведь расскажете, п-правда?

— Хороший был человек, хороший, — без прежнего воодушевления заговорил дед, проводив Таню глазами. — Помню, еще за Анной Романько ухлестывал. Свадьбу собирались играть, а тут война. Красивая была Анна-то, вот как ваша учительница. Они ведь сродственницы...

Игорь даже привстал, услышав такое, и расцвел, покраснел весь. Ясное дело, ему эта родственность показалась знаменательной: не удалась любовь одному Курылеву, так, может, удастся другому? И он принялся расспрашивать деда об этой родственной связи. Пришлось прервать его, напомнить, зачем мы тут.

— Семен Иванович, а не помните ли вы катер в нашей бухте? Он в сорок первом разбитый на камнях сидел.

— Как не помнить. Он тогда же и утонул, как Иван объявился.

Игорь побледнел, уставился в пол.

— Что же, сам и объявился?

— Сам не сам — не знаю. А только ночью пошел немецкий патруль к берегу, ан нет, не пускают. Мы было обрадовались, когда стрельба началась, думали — наши пришли. А наших-то было всего ничего — один Иван. И откуда только взялся?!

— Значит, он стрелял?

— А что делать, когда обступили. Был тут гауптман Кемпке, прямо пеной изошел, пока кричал на своих. А они только сунутся, глядишь, кто-то уж лежит. Метко стрелял Иван, это я еще по-довоенному знал...

Теперь мы с Игорем переглядывались поуверенней. Все-таки свидетельство: если отбивался, значит, не попал в руки немцев, не предал. И значит, приврал тот, кто писал «быль».

— А вы уверены, что это был именно Иван Курылев? — осторожно спросил я.

— Да ведь назвался.

— Кому?

— Немцам. В переговоры вступил. Сказал, что утром в поселок придет, сдастся. А утром немцы сунулись, а он их пулеметом... Ну а потом я его и сам видел.

— Убитого?

— Зачем? Парламентером к нему ходил... Чего вы уставились? Гауптман Кемпке приказал. Велел записку передать, ультиматум, значит. — Дед постучал кулаком по твердому колену. — Тогда у меня своя нога-то была...

Слова деда Семена обрушивались на нас как лавина. Не успеешь опомниться от одной новости, тут тебе вторая и третья.

— Погодите, Семен Иванович! Какой ультиматум?

— Записку. Я ж говорю: гауптман Кемпке послал. Он тут в поселке главным был. Велел передать в собственные руки обороняющемуся Ивану. Я и пошел с той бумагой, как с белым флагом...

— А что в бумаге?

Он посмотрел на нас снисходительно, как на детей.

— Если вы думаете, молодые люди, что у гауптмана Кемпке можно было своевольничать, так очень даже ошибаетесь...

— Испугались?

Спросил я это, может, самую малость с ехидцей, потому что непонятно было, как это держать в руках такую бумагу и не взглянуть на нее.

Дед очень точно уловил это мое ехидство, сразу взъерошился весь, вскочил, забегал по половику, задевая протезом за стулья. На полу лежали, резко контрастируя с сумрачной хатой, полосы солнечного света. И мелькание деда из солнца в тень и обратно еще усиливало впечатление его нервозности и суеты.

— Вот что, молодые люди, молодые да ранние! Если думаете

те, что я пособником немцев стал, так идите вы отсюда, идите и идите...

— Нельзя же так, — возмутился я, но было уже поздно.

— Идите и подумайте дорогой, что есть храбрость, а что глупость. Я и тогда постарее вас был. Пусть-ка приходит ваш начальник, он уж поймет, ему и расскажу...

Наша экспедиция позорно проваливалась. Страшно было подумать, что скажет начальник заставы, когда мы доложим об этом инциденте. А может, ничего не скажет, только посмотрит с укоризной, что ничуть не легче. Может, даже и тяжелее, потому что всегда тяжело, если тобой недоволен человек, которого ты уважаешь.

— Извините, Семен Иванович, — промямлил я. Но дед уже ничего не хотел слушать. Покружив вокруг стола и сбив все половики, он нырнул в соседнюю комнату и затих там.

— Нда, выяснили! — со злостью сказал Игорь, не глядя на меня. — Надо Таню звать, теперь только она поможет.

Уж не знаю, с чего он взял, что Таня окажется красноречивее нас. Наверное, все время думал о ней, вот и сказал. Но, странно, меня как-то не задела эта мысль. Может, потому, что я уже придумал, как обойти строптиво деда.

— Надо разыскать окоп, в котором был Иван. Раскопаем, гильзы найдем, может, и оружие...

У меня не повернулся язык сказать, что там же могут оказаться останки и самого Ивана. Если он погиб в своем окопе, то там его и закопали.

— Как мы найдем? Без деда? — сказал Игорь.

— А я покажу, — послышался нервный тонкий голосок. В углу сидела Волька, про которую мы совсем забыли за разговором, сосала свою конфету.

— Откуда ты знаешь?

— Дедушка говорил. Ходили купаться в бухту, он и говорил. Я еще гильзу нашла. — Она стремительно нырнула под кровать, громыхнула там каким-то ящиком и протянула нам позеленевшую помятую гильзу, каких теперь не увидишь на заставе, — большую, с узким горлышком для пули.

— Ух ты, молодеца! — Обрадованный, я схватил Вольку за узкие плечи, но она вырвалась и отскочила, словно ее собирались укусить.

Торопясь и толкаясь, мы вышли на крыльцо. И тут услышали голос деда Семена, выглядывавшего в форточку:

— А чего вы вспомнили-то его, Ивана-то?

Это был резонный вопрос, и странно, что дед не задал его в самом начале разговора.

— Это мы и собирались сказать, да ведь вы сами не захотели слушать, — сказал я елейным голосом.

— Не захотели, не захотели, — проворчал он и через минуту, стуча протезом, вышел на крыльцо. — Али нашли чего?

— Нашли. Родственника. Вот он — Курылев.

Дед скептически оглядел Игоря с ног до головы и сказал, обращаясь к нему:

— Ну пошли, раз так, покажу.

Мы шли по поселку своеобразным строем: впереди дед, за ним мы с Игорем, дальше — Волька с гильзой в кулаке. На нас

оглядывались, спрашивали, посмеивались, что, мол, такое натворил дед, что его ведут пограничники? Мы проходили молча, но у Вольки язык был не завязан, и она, не останавливаясь, охотно разъясняла, что приехал родственник убитого в войну пограничника и теперь дед идет показывать его могилу. Такое сообщение, необычное в тихом поселке, привлекало внимание, и к окраине мы подошли уже с порядочным эскортом мальчишек. И только там, на окраине, я вспомнил предупреждение начальника заставы не разглашать пока истории с Иваном. Но теперь тайны больше не существовало, и нам оставалось только одно: самим лишить эту историю ореола тайны и тем исключить слухи.

Громко, чтобы все слышали, я начал рассказывать деду про катер, упуская, разумеется, все лишнее. Дед слушал вполуха. Так мне показалось, потому что он был возбужден, то и дело оглядывался, иногда забегал вперед и шагал задом, смешно дергаясь, прихрамывая на своем протезе. И поминутно перебивал.

— Значит, не утонул катер-то?.. А чего они Ивана оставили?

Ответ на этот вопрос мы и сами хотели бы знать. Я уж думал: может, матрос, которого послали за Иваном, просто испугался, что уйдут без него, и вовсе не искал? Никак не укладывалось в сознании, что так вот просто взяли и бросили товарища на верную гибель.

За окраиной поселка начиналось поле, полого поднимавшееся к морю. Оно было еще по-зимнему серым. Кое-где росли упругие мелкие кусты, и повсюду были разбросаны белые камни, похожие издали на высушенные ветром кости сказочного древнего побоища.

Дед провел нас вдоль окраины поселка и свернул на знакомую дорожку, ведущую к бухте. Теперь говорил он, торопясь, словно боясь не успеть, рассказывал, как шел этой степью, думая только об одном: чем бы помочь Ивану. Была б винтовка — залег бы рядом и принял вместе с ним геройскую смерть. Но не было винтовки, и он надумал только одно: договориться с Иваном о совместном плане действий. Что ночью он устроит в поселке какую-нибудь заваруху, пожар там или еще что, а Иван чтоб уходил куда-нибудь. Только когда увидел Ивана, понял: не уйти ему — израненный весь, лицо черное от пыли и крови, а правая рука висит плетью, перебитая.

Дед притопывал протезом, и желтый ботинок его левой ноги сухо стучал об окаменевшую дорожку.

— Закурить попросил. Был у Ивана кисет, да развеяло табак по табачинке, когда осколком ударило. Ведь из миномета стреляли, когда так-то не смогли. Отдал я ему все, что было в карманах, стал свой план объяснять, да Кемпке, видно, в бинокль подглядывал, саданул из пулемета. Очнулся я только на третий день в поселке, бабы уж хоронить собрались. С тех пор и стучу этой деревяшкой.

Он постучал себя по протезу, остановился, осматриваясь, и шагнул вправо от дороги, полез по склону к кромке обрыва.

— Вот здесь, кажется. Позасыпано все, уж и не найдешь.

От склона хорошо просматривалась дорога, видно было бухту и каменную гряду, отсекавшую ее от моря. Но само море скры-

вала полагая выпуклость над обрывом. Мне подумалось, что пограничники, копавшие окоп в начале войны и ждавшие нападения с моря, должны были выбрать позицию повыше. Я поднялся туда, к кромке обрыва, увидел спокойную ослепительно синюю даль. В другой стороне, метрах в сорока, проходила дорога. Отсюда она была видна вся до самого поселка, белевшего вдали россыпью одноэтажных домиков. С той стороны к дороге подступал крутой склон, ближе к бухте он становился отвеснее. И бухта тоже была видна, но каменную гряду скрывал острый выступ горы. Этот выступ, закрывший то место, где был катер, и убедил меня, что остатки окопа надо искать не там, а именно тут. Иначе бы Иван мог все видеть. Темные ночи зимой, но насмотрелся я на них за ночные дежурства, знал, что можно разглядеть во мраке, а чего нельзя.

— Может, здесь? — крикнул я деду Семену.

— Кто его знает? Столько лет прошло!

Все неясности давней «были» вдруг сомкнулись между собой, образовав кольцо логически связанных фактов. Иван, вышедший в охранение, вспомнил про удобную позицию и занял ее. Матрос, посланный за ним, не зная об этом, шел по дороге, шел, несомненно, крадучись и поэтому не обнаружил Ивана.

— Вот тут и будем копать, — сказал я, остановившись возле оплывших неровностей на склоне, напоминавших давний окоп.

— Сейчас? — испуганно спросил Игорь.

— Кто и когда будет копать, это решит начальник. Наше дело доложить.

И подумал, что надо попросить начальника заставы отправить Игоря в наряд или еще куда-нибудь, чтобы не мешал при раскопках. Разрывать могилы вообще удовольствие небольшое, а под вздохи родственников и совсем невозможное.

За что я люблю жизнь на заставе, так это за покой. Вроде бы откуда ему взяться? Ведь говорят же: граница не знает покоя. Только, бывает, вспоминаю гражданку и своего отца. Как часто приходил он домой взъерошенный, нервный. То у него конец квартала, то комиссия или еще что. И у нас бывают комиссии. Одни итоговые проверки чего стоят. А если еще обстановка случится?! И в дополнительные наряды мы ходим, и по учебным тревогам бегаем. А ведь еще надо подтянуть огневую, строевую, физическую, специальную пограничную подготовку...

Все бывает на границе, все, кроме пустой суеты. Уверенность, пожалуй, первое слово, которым можно определить пограничную службу. Если, конечно, речь о срочной службе. У офицеров, может быть, и иначе. Но чего не знаю, того не знаю.

Вот и теперь: выстрел на границе — ЧП, нарушитель — ЧП, а вечер на заставе как и всегдашний вечер: свободные от службы ребята весело резвились в волейбол на едва подсохшей площадке.

— Именинник пришел! — заорал Костя Кубышкин, мой тезка, языкастый парень, который почему-то не терял момента, чтобы подковырнуть меня. Как, впрочем, и я его тоже. — Отпускнуй чемодан приготовил?

— Не задержимся.

Он послал в меня мяч. Я отбил его так, чтобы сбежал подаль-

ше. Но Костя не сразу побежал, еще оглянулся, крикнул с веселым злорадством:

— Там тебе во-от такой отпускной написали!

Это звучало подозрительно, и я замаялся. Краткосрочный отпуск на родину, конечно бы, не помешал. Только прежде я о нем не думал, чтобы не спугнуть «птицу счастья». А теперь начал думать. Ведь не было еще случая на заставе, чтобы за обнаружение нарушителя не предоставлялся краткосрочный отпуск.

Помаявшись, решил ускорить разрядку и прямо спросить у начальника заставы. Тем более что все равно надо было идти докладывать.

Теперь я начал мучиться оттого, что Игорь куда-то пропал. Пошел искать его. Но известно, что бывает, когда двое бегают друг за другом. Все, кого я спрашивал об Игоре, говорили, что он только был тут. Был да сплыл. Вконец разозлившись на него, я один постучался в дверь канцелярии и увидел Игоря мирно беседующим с начальником.

Игорь рассказывал о наших поисках. Рассказывал совсем не так, как собирался говорить я. По нему выходило, что мы вроде бы вовсе ни при чем, что главный герой — дед Семен. А раз так, то благодарности не жди. И продолжения поиска тоже. Чего искать, когда все найдено и подтверждено.

Я слушал и удивлялся: дурак он или сроду так? Ведь и неверно, что все найдено, есть только предположения. Надо бы еще походить по высотке со щупом, оглядеться. И надо бы Таню привести туда, посоветоваться. Может, даже вечером привести, чтобы легче было вообразить себя на месте Ивана Курылева, понять его действия и тем точнее определить место его окопа, его гибели.

Я не хитрил, ну, может, самую малость был себе на уме. Но начальник, когда я начал выкладывать ему эти свои соображения, только свел свои тяжелые брови в одну линию.

— Еще походите. Даже и с Таней.

До Игоря, видно, дошел его промах: сидел, хлопал глазами.

Это была его привычка: когда волновался, часто жмурился, словно подмигивал обоими глазами.

— Что ж, завтра воскресенье, завтра и начнем раскапывать, — сказал начальник заставы. — Идите отдыхать.

Он опустил голову к своим бумагам на столе еще до того, как мы повернулись кругом. Мы безукоризненно проделали эту солдатскую процедуру, и Игорь сразу шагнул. А я задержался на мгновение, снова повернулся и, словно ненароком, толкнул плечом дверь, чтобы закрылась.

— Товарищ капитан, разрешите вопрос?

Он поднял глаза, в которых было больше удивления, чем интереса.

— Вчерашний задержанный в самом деле был нарушителем или как?

— Для вас это не имеет значения, — сказал он. Подумал немного и добавил: — Это был обычный турист, незнакомый с пограничными правилами.

— Подснежник?

— Кто?

— Первый турист. Мы их так называем.

Он усмехнулся и уже с любопытством посмотрел на меня.

Я хотел высказать сомнение, что, мол, больно рано появился первый «подснежник» в этом году. Да и готовил же он надувную лодку, сам видел. Но начальник опередил меня.

— Спать собирался у моря. Расстилал спальный мешок.

— Ясно, товарищ капитан. — Ругнув про себя всех этих чудиков, которым не спится дома, я щелкнул каблуками. — Разрешите идти?

— Минуточку.

Начальник заставы все думал о чем-то, глядя на пряжку моего ремня. А я маялся, жалея, что не вышел вместе с Игорем. Начальник, каким бы хорошим он ни был, все равно начальник. Дел у него невпроворот, а людей для выполнения разных поручений всегда не хватает.

— Хочу поручить вам одно дело, — сказал он, и я чуть не засмеялся своим мыслям, так они точно пришлись.

Но то, о чем он заговорил дальше, сразу излечило меня от желания улыбаться. Я слушал и вспоминал свою бабушку, которая говорила в аналогичных случаях, что, мол, есть бог, все-таки есть.

— Есть подозрение, что выстрел на границе — дело рук кого-то из местных мальчишек, — сказал начальник. — Сходите в поселок, поговорите с ребятами об умении стрелять и прочем... Прямо не спрашивай, чтобы не напугать, больше слушай, раззадоривай их.

Я даже не заметил, как он перешел на «ты», что означало высшую степень доверительности.

— Для отвода глаз пригласи кого-нибудь, хотя бы мою Нину. В крайнем случае иди один...

Это было всем заданиям задание. Такие я готов был выполнять хоть каждый день. Только вот Нинка на этот раз была мне совсем ни к чему.

Ребята во дворе все еще прыгали на волейбольной площадке. Я дождался, когда Костя Кубышкин погасит свою коронную свечу и подобреет, отозвал его в сторону, поднял обе руки в знак примирения и покорности.

— Чего надо? — спросил догадливый Костя.

— Нину хочешь увидеть?

Костя был первый Нинкин вздыхатель, и, хоть никогда не говорил об этом, она — вот ведь женское чутье! — отлично все понимала и жмурилась, как кошка, когда Костя начинал флиртовать вдоль забора, заглядывая в щели и не решаясь позвать ее, сидевшую на своей скамеечке, врытой по другую сторону забора.

Обычно хитроватый и подозрительный, Костя совершенно терял эти свои способности, когда речь заходила о Нине. Ее именем его можно было «купить» даже в день всеобщих розыгрышей — первого апреля.

Мы дошли с ним до калитки, через которую ходил домой начальник заставы, и я крикнул Нину.

— Ну, — отозвалась она, неожиданно появившись на пороге и небрежно прислонившись спиной к косяку.

— Сегодня ты на весь вечер поступаешь в мое распоряже-

ние. — Я нарочно сказал это с вызовом. Костя насторожился, а Нина, как я и предполагал, взъерошилась.

— Чего это ты раскомандовался?

— Приказ начальника заставы.

— А я присягу не принимал.

— Значит, отказываешься? Вот и отлично.

Оставив удивленных, ничего не понявших влюбленных у калитки, я помахал им рукой и побежал по знакомой тропе к поселку, раздумывая, где может быть Таня, в школе или дома?

Но задача, поставленная мне, хоть и была донельзя приятной, все же оставалась задачей, которую надо было выполнять в первую очередь. Поэтому, увидев трех шагавших посреди улицы мальчишек, я направился прямо к ним. Ребята были заняты делом, которое предпочитают всем делам деятели этого возраста, — фланировали по поселку, ища знакомств и общений.

— Мальчишки! — бодро крикнул я. — А где теперь можно разыскать учительницу Татьяну Аверину, в школе или дома?

— В магазине, — басом ответили мальчишки.

— Чего она там делает?

— Русский преподает.

Им хотелось позубоскалить. А я ломал голову, как бы разговорить этих оболтусов. Чтобы ничего не сказать, а все выспросить. Никогда я не жаловался на свой язык, всегда мне говорили, что он подвешен как надо. А тут заело. Поскольку теперь надо было не просто болтать, а выполнять задание.

— А... в ЮДП вы состоите?

— Состоим.

— А стрелять умеете?

— Из охотничьего, — ответил один. — У моего брата есть.

— А из боевого? Сумеете?

— Сумеем.

Куда-то не туда меня заносило. Какой мальчишка скажет, что не сумеет.

— А приходилось?

— Не-а, вы только обещаете.

— Мальчишки, — сказал я, еще не отдавая отчета своим словам. — Мне поручено провести с вами занятия по стрельбе. На кого из ваших поселковых я мог бы положиться? Кому приходилось держать в руках настоящее оружие?

Ребята переглянулись, пожали плечами.

— Ладно, до встречи на стрельбище, — сказал я и пошел по улице, ища глазами еще кого-нибудь и жалея, что у меня нет ничего этакого, скажем, ракетницы. Чтобы пальнуть над домами и собрать всех пацанов сразу.

Свернув очередной раз за угол, я оказался перед магазином — большим белым одноэтажным домом со стеклами во всю стену, над одной половиной которого было написано «Гастроном», над другой — «Промтовары». Как ни были запылены окна, я все же увидел свою Таню, рассматривавшую шляпки в «Головных уборах». Она делала это с таким напряженным вниманием и такой осторожностью, словно перед ней были живые и очень нежные существа.

— Кому это мы хотим понравиться? — спросил я, неслышно подойдя к ней.

— Себе, конечно, — ответила Таня, ничуть, казалось, не удивившись моему появлению.

— Какой эгоизм!

— «Нравиться» — в-возвратная форма глагола.

— С мягким знаком слово или без?

— Ск-кажите на милость, мы еще не забыли школьных уроков.

— Теперь я русский зубрю заново. Чтобы разговаривать с некоторыми учительницами на одном языке.

Вскоре у меня в руках оказалась Танина сумочка и стопка тетрадей. Тетради все время разъезжались, и мне приходилось нести их, по-учительски прижимая к груди. Был вечер, тихий, по-летнему теплый, и я изрядно парился в своей шинели, обязательной по еще не отмененной зимней форме одежды.

— Сегодня я на весь вечер в вашем распоряжении.

— Поощрение?

— Так точно. Для нас обоих.

— А мы, од-днако, самомнительны.

— Что поделаешь, служба.

— Служба? — переспросила она, подозрительно оглядев меня.

— Как говорила моя бабушка, не заслужишь — не поедешь.

Я выкручивался как мог. Всегда так с моим языком, сначала крякнешь, потом оправдываешься.

— Уд-дивительная у вас способность запутывать с-серьезный разговор, — сказала Таня. — Жонглируете слов-вами, независимо от их смысла.

— А у нас разве серьезный разговор?

— Вы, по-моему, н-не умеете серьезно-то.

— Давайте попробуем.

Тем временем мы дошли до Таниного дома, сели на скамью у ворот, упрятанную под голые нависающие ветви, разгородились стопкой тетрадей.

— О чем же мы будем г-говорить?

— По правилам дуэли оружие выбираете вы.

— Давайте о литерат-туре.

— О какой? Есть художественная, научно-популярная, техническая. А уставы — чем не литература? Давайте об уставах. Могу наизусть.

Таня смеялась. Ее забавляла моя болтовня. А я все больше беспокоился: время шло, а все мои дела в поселке пока что ограничивались этой светской болтовней.

— Я-то думала: хоть в-вы новенькое скажете, — посерьезнела она.

— Надоела классика?

— Мне — нет, а ученики п-плохо читают. Фантастику — ск-сколько угодно, приключения т-тоже, а серьезную литературу — из-под палки.

— Пройдет.

— Отметки-то сейчас н-надо ставить.

— Что поделаешь — мода.

Это был мой конек. О моде я мог говорить хоть до утра, потому что ненавижу ее как мог. Эта капризная и непостоянная дама, сколько помню себя, никогда не хотела со мной знаться. В десятом классе была у нас королева школы — Альбина Ко-

марсовская, этакая фифа из журнала мод. Парни ходили за ней табунами, и я в том числе. Но, большая модница, она не удостоивала меня даже взгляда. Только потому, что в отличие от главного ее поклонника Вольдемара Сурикова (так он себя величал) я никак не мог уразуметь, чем длинная прическа лучше короткой, зачем надо часто гладить штаны, почему так уж необходимо беречь ноготь на мизинце. Она презирала меня за мое недомыслие, а я понемногу научился презирать ее, усвоив тем самым известную истину, что от любви до ненависти — один шаг. С тех пор мода всегда представлялась мне в виде деспотичной Альбины, с которой, хочешь не хочешь, приходится сидеть в одном классе.

Тогда же я усвоил, что на все есть своя мода — на ботинки и авторучки, на штаны и галстуки, на прически и мысли, даже, говорят, на лекарства и болезни. Есть мода и на книги. То мы начинаем повально увлекаться фантастикой, то жаждем критического реализма. Возможно, только книги о путешествиях и приключениях не так подвластны моде. Потому что они напоминают об играх нашего детства, о юношеских мечтах, о несбыточном. А по отношению к своему детству мы не меняемся. С годами только набираемся скепсиса.

— Вы рассуждаете, как человек, много п-поживший, — сказала Таня, когда я умолк, чтобы перевести дух.

О да, я много пожил! Иногда мне кажется, что я живу тыщу лет, что все уже позади. Ведь не числом же лет измеряется жизнь?! Иногда я думаю, что современный гомо сапиенс живет не в три раза дольше, чем гомо сапиенс каменного века, а может, даже в сто раз. Целое племя тогдашних дикарей за всю свою жизнь не видело, не узнавало, не переживало столько, сколько один-единственный наш великовозрастный юнец с гитарой. И если мы, в свою очередь, называем его дикарем, так это по нашим меркам ценностей, предполагающим особую тонкость и многогранность чувств...

Таня снова рассмеялась. Это был очень даже доверительный смех. И я отважился, протянул к ней руку. И она тоже протянула ко мне руку. Как потом выяснилось, лишь передразнивая меня. Но любой парень на моем месте расценил бы ее жест совсем иначе. И я взял ее за тонкие пальцы, холодея от собственной решимости, потянул к себе. И она вроде не сопротивлялась.

Но тут перед нами невесть откуда взялась Волька. Постояла, брезгливо передернула плечами.

— Целуетесь?!

— Что ты выдумываешь? — вскинулась Таня.

Волька демонстративно, с вызовом, отвернулась и пошла, на ходу разворачивая очередную конфету. Смяв обертку, она обеими руками скатала ее в жгутик и бросила на дорогу.

И тут меня как ударило. Ведь я уже видел однажды точно такой же жгутик от конфетной обертки. Тот самый, который нашел в кустах пронырливый Гром. Я искал мальчишку, совсем забыв, что в наше время полная эмансипация зацепила также и девчонок.

— Волька! — заорал я. — Постой!

Но мой крик только подстегнул ее, она пустилась бегом и скрылась за углом.

— Что эт-то вы за ней п-побежали? — с хитрой усмешкой спросила Таня.

— Да так.

Я думал, как бы теперь поделикатнее удрать. Потому что надо было поскорее доложить начальнику заставы о своих подозрениях.

— Таня, мне срочно надо на заставу, — сказал я, так ничего путного и не придумав.

Она вроде ничуть не удивилась, сказала подчеркнуто равнодушно и даже заикаясь не больше обычного:

- То в-весь вечер своб-бодны, а то — надо б-бежать?
- Я же пограничник.
- Знаю, что не к-космонавт.

Я ничего не ответил и пошел прочь. Так-таки взял и пошел, зная, что Таня мне никогда этого не простит. Но почему-то даже не сожалел. Заслоняя все, маячила передо мной тревожная и зовущая версия: «Револьвер прячет Волька!» И я уже ничуть не сомневался в этом. Только удивлялся: как раньше не додумался? Конечно же, на такое не был способен ни один мальчишка в поселке. Только Волчонок.

Странно, но первой команды я не слышал. Проснулся оттого, что в глаза ударил яркий свет, такой непривычный в нашем спальном помещении. Думал, уже день, но тяжкая истома во всем теле говорила, что спал я совсем немного, гораздо меньше, чем собирался спать, когда ложился. До сознания доходил какой-то шумок, он то проваливался, то вновь усиливался, смутно беспокоил, требовал чего-то. Мне чудилось, будто я тону,

выныриваю на шум и свет и снова с голсовой ухожу в темную, глухую трясину. И снова тороплюсь вынырнуть, боясь этой заволакивающей, усыпляющей бездны.

— Застава, в ружье!

Я даже обрадовался, поняв наконец, в чем дело, вскочил, не открывая глаз, протянул руку, схватил штаны, лежавшие рядом на табуретке, рванул их на себя, крутнул портянки, сунул ноги в сапоги и вскочил. На потолке горели все плафоны. В дверях стоял дежурный по заставе сержант Поспелов и собирался третий раз подать команду. Все пограничники топтались возле своих коек. Мой сосед Костя Кубышкин, еще не проснувшийся, ловил ногой штанину, никак не мог попасть в нее. И я понял, что проснулся не позже других, и еще успел удивиться, каким долгим может быть одно-единственное мгновение перехода от сна к бодрствованию.

— Застава, строиться! Без оружия!

Я облегченно вздохнул: если строиться да еще без оружия, значит, ничего особенного не произошло и можно не слишком торопиться. Я даже чуток обиделся, что без нужды подняли такую рань. Хотя что такое рань, а что позднота, совсем уж забыл за два года службы. Дома я мог спать только по ночам, да и то если ложился попозже. Здесь спал претотлично в любое время. Обычно на заставе с этим не обижали: положено восемь часов — начальник заставы сам следил, чтобы не было недосыпов. Он говорил, что это необходимо для боеготовности. Да и все мы понимали: какая бдительность, если идешь и зеваешь? Но тот же самый наш заботливый начальник заставы время от времени становился неузнаваемым: поднимал в ружье и днем и ночью, устраивал нам, невыспавшимся, долгие кроссы в полном боевом. Странно было: машины стояли во дворе под навесом, а мы бегали как ненормальные по горным дорогам. Это в наш-то век техники?! А начальник опять говорил: для боеготовности. «Техника техникой, — говорил он, — а что как она ломается?»

Обычно мы как бы предчувствовали приближение таких периодов учебных тревог. Есть же, например, у птиц биологические часы. Почему бы человеку не выработать у себя чего-то подобного? Обычно тревоги врасплох не заставляли. А эту я начисто прозевал. И, вслед за всеми выбегая на плац, не в силах успокоиться от неожиданности, все чувствовал какую-то внутреннюю дрожь. Но, увидев старшину, непривычно мятого, тоже невыспавшегося, и начальника, застегивающего китель, я понял, что тревога всех застала врасплох, а значит, она все-таки настоящая. И это вдруг успокоило, и сонная вялость улетучилась, будто перед этим спал все свои положенные восемь часов. И я увидел небо, чуть розовеющее над морем, и одинокую тучу со слабо подсвеченной нижней кромкой, и влажную от ночного тумана крышу навеса, под которым уже гудел стартером наш заставский ЗИЛ.

— Пожар на седьмом участке! — коротко сказал, как скомандовал, начальник заставы. — Забрать топоры, лопаты, весь инструмент, какой есть. Бегом!

Теперь и совсем все стало ясно. Ясно и спокойно. Недаром еще Суворов говорил: каждый воин должен понимать свой ма-

невр. Понимаешь, значит, знаешь, что делать, значит, ты смел и инициативен. Мы разбежались по двору и через пару минут все уже были в кузове машины, вооруженные, словно какие повстанцы, кто чем. Но это, наверное, только со стороны так показалось бы, каждый из нас знал свое противопожарное оружие не хуже боевого и был полон уверенности в окончательной победе.

Машина вылетела за ворота и помчалась по знакомой дороге к вышке. Мы вытягивали головы в надежде увидеть впереди огонь и дым, но ничего не видели, разве только белесый туман над дальним сосняком.

Остановились неподалеку от того места, где накануне искали гильзу.

— За мной! — крикнул начальник заставы, выскочив на дорогу.

Мы бежали за ним привычным темпом кросса, бежали молчаливой толпой, лавируя между сосенок и колючих кустов и недоумевая: где же он может прятаться, этот пожар, если не видно ни огня, ни дыма?

Но оказалось, что были и огонь и дым, что во всем виноват ветер, гнавший их в другую сторону — под обрыв. Правда, и того и другого было настолько мало, что, казалось, один пограничный наряд, с остервенением топтавший дымившуюся землю, вполне с ними справится. Но и после того, как мы все кинулись на поляну, дыма не убавилось, он все сочился из сухой травы, из-под кустов. Мне даже показалось, что его стало больше, и я крикнул об этом старшине, который топал рядом, не жалея своих хромовых сапог.

— Дыма больше — огня меньше, — крикнул он. — Смотрите за струйками, которые без дыма!

Я не понял, о чем он говорит, и остановился с очередным вопросом. Но тут сам увидел огонек, струйкой метнувшийся к ближайшей сосне. Он был настолько мал, что я не придавал ему значения. Но, вспрыгнув на сосну, огонек тотчас превратился в огонь, высоко побежал по сухой коре. Я сбивал его сапогами, подпрыгивая и задирая ноги, бил по коре лопатой, но он был проворней меня, ускользал на другую сторону ствола и там забирался выше. И тут я почувствовал настоящий страх. Подумал, что вот сейчас огонь вспорхнет в крону и тогда его не достать никакой лопатой — побежит по верхушкам, не догонишь. И, совсем не отдавая себе отчета, кинулся на сосну, сбивая огонь чем только мог, даже рукавами своей мигом почерневшей куртки. Я прыгал возле сосны, удивляясь тому, что никто не бежит ко мне на помощь. Мне казалось, что тут у меня самая главная позиция...

Уже потом, когда мы, черные, неузнаваемые, покуривали в стороне и, поглядывая на обгоревшую поляну, радостно вспоминали эпизоды этой короткой схватки, до меня вдруг дошло, что у каждого была своя главная позиция. Потому мы справились с пожаром, что каждый осилил его на своем месте. Так, наверное, бывает в бою: побеждают только тогда, когда побеждают все. Нет в бою неважных позиций, через любую может просочиться враг...

Восходившее над морем солнце румянило все вокруг. Даже

лица старшины, с грустью оглядывавшего наше обмундирование, выглядело в розовом утреннем отсвете вполне жизнерадостным.

— Ох уж этот седьмой участок! — вздохнул старшина.

И только тут до меня по-настоящему дошло: не слишком ли много событий для одного места? Случайны ли совпадения?

Я собрался сказать об этом начальнику заставы и встал, чтобы пойти к нему, как вдруг увидел за обгоревшим кустарником у подножия большого камня черное пятно ниши. Ничего о ней прежде я не слышал, поэтому, раздвинув обгоревшие кусты, заглянул внутрь. Ниша была неглубокой, в ней лежала россыпь сухой пыльной щепенки. Не найдя ничего интересного, я снова направился к начальнику, но, прежде чем успел произнести свое «Разрешите обратиться», услышал команду:

— Застава, строиться!

И побежал в строй, решив, что скажу о своих подозрениях в другой раз.

Но едва мы вернулись на заставу, как началась обычная наша круговерть, еще ускоренная тем, что старшина определил коротко и ясно: «Привести себя в порядок». Дома такое событие, как тушение лесного пожара, каждого из нас на неделю выбило бы из колеи. Свалив испачканную порванную одежду на многотерпеливых мам и бабушек, мы ходили бы в кино, пили лимонад или еще что-нибудь, пропускали уроки в школе. Здесь на все про все старшина дал два часа. А кому согласно боевому расчету надо было на службу, и того меньше. И в этих заботах, которые почему-то вовсе не казались нам утомительными, а даже веселыми, в этой начавшейся беготне я вовсе забыл о совпадениях, связанных с седьмым участком.

А потом пришла Таня, подозвала меня к калитке, сказала обиженно:

— Вы, что же, заб-были?

— О чем? — взволновался я. Не столько тем, что мог что-то забыть — это со мной бывало, — сколько ее тоном, заставившим меня судорожно соображать: не пообещал ли вчера чего лишнего.

— Там уж м-мальчишки начали к-копаться, а вы все тянете.

— Я тяну?

Мне захотелось сказать, что сегодня такой день — не до раскопок, но устыдился: ведь и в самом деле не вспоминал о них. К тому же меня обеспокоили эти мальчишки. Разве их теперь остановишь? Найдут старый окоп, разроют, расхватают все...

— Погоди, Танюша, — сказал я, с нежностью погладив ее по плечу. И, даже не обратив внимания на округлившееся от такой фамильярности глаза, побежал в канцелярию.

Начальник и теперь оказался на высоте. Ничего не сказал, только поморщился, когда я напомнил об обещанных на сегодня раскопках. Посмотрел какие-то свои записи и махнул рукой:

— А, ладно, позовите прапорщика.

Через четверть часа мы, все еще не отчищенные, стояли в строю и слушали вдохновенный рассказ начальника заставы об Игоревом письме, без его концовки, разумеется, о наших поисках Иванова окопа, о необходимости произвести раскопки.

Скучать на заставе никому не приходится, но я не знаю ни одного пограничника, которого не мучила бы жажда приключе-

ний. Желających теперь же взяться за лопаты оказалось даже больше, чем лопат. Начальник заставы сам отобрал шестерых, как он сказал, менее занятых по службе. Игорь Курылев тоже оказался в числе «незанятых», что меня вначале удивило, — ведь говорил же о его боязни. Но, поразмыслив над этим решением начальника, я согласился с ним: что за анахронизм — боязнь у пограничников?! Боишься или нет, будь добр, если надо, взять себя в руки...

Мы принялись копать, окруженные кольцом поселковых пацанов. Девчонки вместе с Таней и Ниной сидели поодаль на небольшом курганчике, выделявшемся на пологом склоне, боязливо посматривали в нашу сторону. День был совсем уж по-весеннему жаркий, и мы с разрешения старшины, осуществлявшего, так сказать, административное руководство нашими археологическими изысканиями, разделись до пояса, с удовольствием подставив солнцу свои белые спины. Падкие до подражаний пацаны тоже принялись раздеваться, и вскоре наша толпа на склоне начала напоминать цыганский табор. Старшина некоторое время походил вокруг, все более хмурясь, и вдруг сердито прикрикнул на пацанов, чтоб отошли подальше.

— Разыгрались, — обращаясь уже к нам, ворчал он. — Это вам не праздник-субботник.

Он явно был недоволен тем, что с самого начала не оценил траурной торжественности момента.

— Это вам не яму копать, — поддакнул я. — Надо осторожно, не торопясь.

Старшина обрадовался поддержке. Как-никак, а я в этот день был кем-то вроде научного руководителя.

— Точно, — сказал он, по-своему поняв мои слова. — Всякое можно выкопать, даже гранату.

И сделал неожиданный вывод:

— Всем сейчас же одеться!..

Грунт был слежавшийся, каменистый. Из-под лопат летела белая щебеночная пыль. Но это был все же не скальный монолит, и сразу чувствовалось, что здесь когда-то копали.

Еще в школе мне приходилось участвовать в раскопках. Как-то наш историк, раздобыв в музее разрешение, повел нас в лес раскапывать древнее захоронение. Помню, первый штык мы снимали смело, потом перетирали в пальцах каждый комок, чтобы не выбросить с землей чего ценного, а потом и вовсе стали ковыряться щелочками. Помню, как холодели при виде серых человеческих костей и как постепенно этот холод перерастал в нетерпение, в неистовое любопытство. И сознание того, что мы первые за десять прошедших веков брали в руки найденные черепки и браслеты, наполняло нас ощущением почти мистической важности совершаемого. Будто разрытая могила была окном, и мы, минувя бездну веков, заглядывали через него в давно минувшее.

И теперь, сказав, чтобы не больно спешили копать, перебирая рассыпающийся щебень, я, как тогда на могильнике, чувствовал волнение и нетерпение и трепетал душой от странного ощущения близости эпох. Будто не тридцать пять лет назад, а только вчера обрушило взрывом этот окоп, и мы должны, непременно должны найти засыпанного в нем человека.

Пришел дед Семен, остановился на бруствере рядом со старшиной. Волька тоже явилась вместе с ним, постояла, поковыряла ногой землю и пошла к девчонкам, молчаливо сидевшим на холмике. Я смотрел ей вслед и старался угадать: сказала она про револьвер или, как всегда, отнекалась. Я догадывался, почему так поздно пришел дед Семен: видно, был у него начальник заставы, расспрашивал.

— Чи здесь, чи не здесь? — задумчиво сказал дед, разглядывая кучу щебенки. — Тогда ведь тут гильз было что гальки на берегу...

И сразу пропало мое мистическое предчувствие чуда, и я понял, что волновался главным образом потому, что в этом старом окопе, разрытом уже по грудь, ничего не напоминало о бывшем бое.

— Конечно, не здесь, — сказал Игорь Курылев. Я понял его. Ведь если этот окоп тот самый, а следов боя нет, значит, Иван попал-таки в руки фашистов. И что бы ни говорил дед Семен, это не снимет тяготевшего над всеми нами обвинения.

— Не было такого длинного окопа, только ячейка, — сказал дед. — Точно помню, Иван коленками в стены упирался. Может, этот потом вырыли? Меня-то не было, но, говорят, в сорок четвертом, после освобождения, в поселке наши солдаты стояли...

Мы перестали копать, вопросительно посмотрели на старшину. А старшина уставился на меня, словно спрашивал, что, мол, научный руководитель, обмишурился?.. Трудно сказать, сколько бы мы так вот играли в гляделки, если бы от курганчика, на котором сидели девчонки, не послышался взволнованный говор. Мы все повернулись туда и вдруг вздрогнули от леденящего душу вопля.

Я давно заметил, что человек лучше всего определяется по отношению к крику другого человека. Эгоистичные пацаны тотчас кинулись врассыпную. Все мы, стоявшие с лопатами, застыли на месте, не зная, что делать. И только старшину как ветром сдуло — кинулся туда, на крик. Поймал, грубо схватил за плечи бежавшую навстречу Нину.

— Там!.. — Нина спряталась за старшину, как за столб.

Я сразу подумал, что тоже мог бы побегать и так же вот схватить Таню. Но бежать было уже поздно: паника опадала, как грунт, вскинутый взрывом.

— Там! — твердила Нина. — Ремень...

Смущенная подошла к старшине Таня. Из ее взволнованного расказа стало ясно, что произошло. Они спокойно сидели на своем бугорочке, ковырялись в земле. И вдруг Нина вытянула странный плоский корешок. Наклонилась поближе, чтобы рассмотреть, а Волька как раз в этот момент и сказала, что это ремень того самого пограничника, которого ищут, что он тут и лежит, мертвый.

Мы подошли, быстро разрыли остатки ремня и выкопали совсем зеленую, почти черную красноармейскую бляху со звездой.

— Точно, тут и было, — сказал дед обрадованно. — Еще я подумал: хорошая позиция у Ивана, вся дорога как на ладони.

И в самом деле, с этого места дорога просматривалась лучше. А вот бухту совсем не было видно, только море. Это, наверное, и смутило меня в прошлый раз: как же выбирать позицию, если

не видно самого главного — бухты. Но у тех, довоенных, пограничников, должно быть, имелся еще и другой окоп, специально для наблюдения за бухтой. И бугор меня смущал: кто ж на таком пупе окоп копает? И только теперь я подумал, что это не окоп вовсе, не боевая позиция, а прежде всего наблюдательный пункт. А ему самое место повыше.

Начав копать, мы сразу поняли: точно, тут. Вместе с щебенкой с лопат посыпались гильзы, большие, с узким горлышком, довоенные. Мы складывали их горкой на подостланную газету. Скоро рядом с гильзами легло несколько колец с чеками от гранат. Потом нам попался пустой диск старого дегтяревского пулемета и порванная осколком алюминиевая фляга с ясно различимыми, глубоко выцарапанными инициалами «И. К.».

Было странно и страшно держать в руках наши находки, потому что уже не оставалось сомнений, что все это следы боя, о котором говорил дед Семен. С каждым найденным предметом росла уверенность: не мог человек, один вставший против целого гарнизона без каких-либо надежд на победу, не мог он живым попасть в руки врага.

Нашли мы и ствол пулемета, бесформенный, тяжелый, как палица, с приросшими к нему окаменевшими комьями земли. А вот невыстреленного патрона не было ни одного. Это убеждало: Иван дрался до последнего. Но это же наводило на тревожную мысль: а что было потом, когда патронов не осталось? Тревога росла по мере того, как мы углублялись в землю, потому что никаких останков человека в окопе не было.

Игорь, не спрашивая разрешения, отошел в сторону, сел там и мучился в одиночестве, стараясь не смотреть в нашу сторону и поминутно взглядывая на нас. Копали мы по очереди, осторожно кроша землю, выбрасывая ее руками, потому что с длинной лопатой в узкой ячейке было не развернуться. Старшина и дед Семен коршунами нависали над ячейкой, растирая каждый ком земли. Поодаль терпеливо сидели поселковые ребяташки. Мы копались в земле уже четвертый час, а они все ждали чего-то, не расходились.

И снова подошла моя очередь лезть в ячейку. Я прыгнул в нее и почувствовал под ногами словно бы подвижной гравий. Копнул лопатой и выложил на бруствер сразу пригоршню гильз. Стало ясно, что это дно ячейки и дальше копать бессмысленно. Я машинально ковырял сразу уплотнившийся грунт, все не веря, не решаясь вылезти из ячейки. Но тянуть дальше было уж совсем нелепо, я выпрямился, огляделся последний раз и увидел в стенке небольшую осыпающуюся ямку. Покопавшись в ней, понял, что это была ниша, в какие солдаты обычно складывали боеприпасы. Я и копался-то в расчете найти именно боеприпасы. А нашел массивный, совсем чистый от земли портсигар. Потер его о рукав и скорее из любопытства, чем на что-то рассчитывая, потянул створки в разные стороны. Портсигар неожиданно легко раскрылся, в нем, сложенная вчетверо, лежала толстая вощеная бумага. Не говоря ни слова, я потянул раскрытый портсигар наверх и выпрыгнул из ячейки. Старшина присел на щебенку, принялась разворачивать ломкий лист.

— Бумага? — оживился дед. — Кажись, та самая, та самая, кажись. Погоди-ка, очки достану.

Он засуетился, шаря по карманам. Краем глаза я видел, как оживились пограничники, сидевшие в стороне, как насторожился Игорь, начал уже вставать, чтобы подойти, посмотреть. А старшина тем временем осторожно приоткрыл листок, чтобы не сломался на сгибах. Но он все равно сломался, раскрылся широко, и я не то чтобы прочел, а как-то сразу охватил взглядом трудно-различимые карандашные каракули.

Старшина тут же снова сложил бумагу и захлопнул ее в портсигаре.

— Ничего не разберешь. Надо экспертам отправить. — И подозрительно посмотрел на меня. — Верно говорю?

— Так точно! — машинально ответил я. И лишь после этого удивился странному поведению старшины, потому что написанное на листке было ясным и понятным.

«Любый Иване зачем зря погибать сдавайся немецкому командованию они с нами обращаются хорошо гауптман Кемпке обещал простить тебя и отпустить ко мне сдавайся Иване твоя Анна Романько».

Ну и денек выдался на мою долю! Не было таких в моей жизни и, наверное, не будет. С утра — пожар, потом раскопки и эта проклятая записка. А потом и еще чище...

Едва мы вернулись на заставу, как меня вызвали в канцелярию. Там был уже старшина, что-то горячо доказывал начальнику заставы. Когда я открыл дверь, они оба повернулись и посмотрели сурово, осуждающе. И долго молчали, словно придумывали, что со мной делать — поощрить или наказать.

— Записку читал? — наконец спросил начальник. — Что в ней?

Я слово в слово пересказал содержание. Всю ведь дорогу думал об этой записке, и если вначале улавливал только смысл, то потом она вся восстановилась перед глазами. Как фотоснимок, который видел мельком и который после долгих воспоминаний врезался в память единым цельным образом. Восстановилась до каждой запятой. Впрочем, ни запятых, ни вообще каких-либо знаков препинания там не было. Из чего можно было заключить о «высокой» грамотности «соблазнительницы Анны».

— Во глаз! — восторженно сказал старшина. — Пограничный глаз. Я и прочесть как следует не успел, а он — сразу...

— Ну что скажете? — спросил начальник. — Ведь она приходится теткой вашей Тане.

Вот те на! Я пришел сюда выслушивать, а мне высказываться велят. Что я могу сказать?

— Кто еще знает о записке?

— Товарищ прапорщик.

— Только вы двое?

Я понимал деликатность начальника. Верняком хотел спросить, не проболтался ли. А я, честно говоря, вовсе и не думал секретищать, просто не успел никому ничего сказать.

— Никому ни слова, ясно? — сказал начальник и, задумавшись, посмотрел в окно.

За окном было солнечно и тепло, и я видел, как сержант Истомин, раздевшись до пояса, крутил на турнике свое коронное «солнце». Воскресный день давно перевалил за середину, а мне

еще предстояла уйма дел. Надо было стирать и зашивать — устранять последствия «героической борьбы с пожаром». И письмо домой собирался написать, на которое уже две недели не мог выкроить минуты. И еще поспать следовало и за прошлую ночь, и за будущую, поскольку вечером предстояло идти в наряд на ПТН. И еще подумать надо было, хорошенько подумать о Тане и ее тетке Анне...

— Вот что, — после некоторой паузы сказал начальник. — От службы я вас сегодня освобождаю. Опять пойдете в поселок.

Я затосковал. Идти в поселок, значило встретиться с Таней. А как с ней разговаривать? Легкой болтовни, к какой я привык, сегодня бы не получилось, а быть с Таней серьезным я просто не умел.

— Задание вчерашнее, — сказал начальник. — Попробуйте еще поговорить с этим... Волчонком. Она к вам относится... не как к другим. Ясно?

Мне ничего не было ясно. Но я не стал спрашивать, потому что думал о том, как теперь спасти самолюбие гордой Тани. Лучше всего бы взять да сжечь проклятую записку. Зачем ворошить прошлое?! Но я понимал, что это невозможно. Прошрое уже взяло нас за горло, и просто зажмуриться, не замечать его никак было нельзя. Оно жило, это прошлое, оно надвигалось, словно танк, и единственное, что нам оставалось, — встретить его, как подобает, с открытыми глазами.

— Товарищ капитан, — сказал я, — а может, показать Тане записку? Она найдет какие-нибудь старые письма. Сравним почерк, докажем, что это не Анна писала записку.

— А кто ее мог писать?

— Мало ли... Полицай какой-нибудь. От имени Анны. Весь же поселок знал об их отношениях.

— Та-ак! — Он с любопытством рассматривал меня. — А если не докажем? Разворошим поселок, как улей, а ничего не докажем? Ведь ей жить тут, Тане...

Я был подавлен аргументами. Поселковые такие: никто ничего не скажет, но никто ничего и не забудет. И в первую очередь не забудет сама Таня. Как ей тогда жить с этой памятью?..

И снова был вечер, снова я шел в поселок, не шел — тащился, больше всего опасаясь встретить по дороге Таню. Прежде я думал, что балагурить и балаганить — мое призвание. «Соврешь — не дорого возьмешь», — говорила моя бабушка. И еще будто мне «обмануть — раз плюнуть». Но оказалось, соврать — это одно, а обмануть — совсем другое. Я вдруг с удивлением понял, что обманывать просто не умею. Получалось, что я в своей жизни еще никого и никогда не обманывал?..

Поселок был пустынен. Несмотря на воскресенье, все взрослые находились в поле: в наших местах день прозевать — год прозевать, так быстро пересыхает земля. По улицам слонялись одни пацаны того счастливого возраста, когда ходить хвостом за папами и мамами уже совестно, а бегать за девчонками еще неохота, когда все заботы сводятся к борьбе со свободным временем. И снова, глядя на эти группки слоняющихся без дела

мальчишек, я подумал, что неплохо бы почаще проводить с ними занятия в группах ЮДП. И нам польза, и родители спасибо скажут. И решил, как разделаемся со всеми заботами, серьезно поговорить об этом с начальником заставы. Пусть хоть мне поручат пацанов, уж я бы им показал, почем грамм солдатского пота...

Встречавшиеся по дороге мальчишки сворачивали ко мне так уверенно, словно я бесплатно раздавал конфеты. Я болтал с ними и посматривал по сторонам. И все больше утверждался в мысли, что надо не убегать от Тани, а искать ее. Проследить, когда она придет домой, и сразу постучаться. И оглядеться там: может, удастся найти образец почерка Анны, ничего не говоря Тане.

Потом я увидел Вольку. И обрадовался, решив, что удастся и выпросить ее и заодно использовать в качестве прикрытия. Сказав, что нужно серьезно поговорить, я провел Вольку на улицу, где жила Таня, выбрал поодаль от ее дома укромную скамеечку, сел и задумался. Надо было сказать Вольке что-то посуущественнее, иначе — глупышка глупышкой, а и с ней можно было себя перехитрить.

Волька стояла рядом, колючая, настороженная, глядела мимо меня.

— Эх ты, Волчонок, — сказал я как можно ласковее. — Садись, чего стоишь?

Она передернула острыми плечиками и ничего не ответила. Стояла в двух шагах от меня, тоненькая, стройная. И мальчишечьи джинсы, вытянутые на коленях, и тесноватая в груди куртка, которые, мне казалось, так уродовали ее, теперь были полны изящества и какой-то берущей за душу бравады.

— А ведь ты, наверное, красивая будешь, — сказал я, любясь ею.

Снова она дернула плечами и вдруг покраснела так, что мне самому стало неловко. И тут же я испугался, как бы она не убежала и не оставила меня одного в этой дурацкой засаде у Таниных ворот.

— Почему ты в ЮДП не состоишь? — спросил я.

— А девчонок берут? — заинтересованно спросила Волька.

— Еще как берут. Во всяком случае, прими мое персональное приглашение.

— А разве вы... с ЮДП занимаетесь?

— С тобой буду заниматься только я...

Черт знает чего меня понесло. Но уже не мог остановиться, принялся разрисовывать ей прелести занятий в группе юных друзей пограничников, как я сам покажу ей учебный городок, и устрою экскурсию по границе, и свожу на вышку и на наш пост технического наблюдения, где стоит чудо из чудес — прожектор, и покажу место, где обнаружил нарушителя, и сосну, которую спалил от огня, и темную таинственную нишу у большого камня...

Как ни был я увлечен рассказом, все же заметил ее встревожившиеся, забегавшие глаза. И сам насторожился.

— Можно тебя спросить кое о чем?

— Ну?

— И ты нукаешь? — изумился я.

— Все так говорят.

— А ты не говори, ладно?

— Ладно, — глухо ответила она, словно это был какой разговор между нами.

— Скажи, тебе когда-нибудь стрелять приходилось?

— Один раз только.

— Когда?

— А недавно, — сказала она и отвернулась.

Побоявшись, что она окончательно замкнется, спросил пока о другом.

— Ты всегда ходишь в этой одежде?

— А что?

— Ничего. Просто я тебя всегда вижу в этих джинсах.

— У меня и другие есть. Утром в них по лесу бегала.

— По лесу? — машинально переспросил я. И спохватился: — Никого посторонних не видела? Утром кто-то лес поджег?

— Я не поджигала, — испуганно ответила она.

Меня кинуло в жар от ее слов.

— Да? — сказал я как можно равнодушнее, боясь спугнуть минутную доверчивость. — А от чего он тогда загорелся?

— От газеты.

— От какой газеты?

— От «Пионерской правды». Я хотела пещеру поглядеть, а там темно.

— Какую пещеру?

— А у камня. Вы ее видели.

— Какая же это пещера? Человеку поместиться негде.

— Там еще поворот есть, дыра такая сбоку.

— И ты туда лазила?

— Не, не лазила. Хотела посмотреть, а газета упала и траву зажгла. Я и убежала...

Ну вот теперь все ясно. Так я и знал, что это Волька набедокурила. Но, странное дело, я нисколько не сердился на нее. Надо же, такая проницательная! Настоящий Волчонок. Вот если бы она еще и про револьвер сказала, прямо бы расцеловал. Но про револьвер я прямо спрашивать не стал, чтобы не напугать. К тому же успел заметить Таню с тетрадками, нырнувшую в свою калитку.

— Знаешь что, — сказал я. — Ты погоди меня здесь. Мы с тобой ходим, исследуем эту пещеру. Фонарь возьмем, хороший, пограничный.

— Не, не надо.

— Почему?

— Сейчас не надо, — замялась она. — Потом.

— Почему потом?

— Так...

Мы стояли друг против друга и молчали. Поселковая улица была пустынна. Прогремел мотоцикл, оставив на окаменевшей дороге сизую вуаль, разбудив собак во дворах. Из-за дальнего угла вышли трое школяров, неторопливо направились в нашу сторону. Они-то и заставили меня поспешить к Таниной калитке.

«Ну и Волька! — с неуместным восхищением думал я, пересекая улицу. — Наши ребята узнают, по чьей милости сегодняшний недосып, они ей зададут. И так накопилось против нее, а

теперь увидят на берегу — нарушила или не нарушила, — все равно задержат. На всякий случай. Чтобы опять чего не натворила».

Но мне не хотелось ее ругать. Она была «моим пленным». Говорят, так было на фронте: солдат, взявший «языка», берег его пуще самого себя, даже гордился им...

— Вы? — удивилась Таня, увидев меня на пороге. — Проходите, раз уж п-пришли.

Я шагнул на середину комнаты и заоглядывался, не зная, что говорить.

— Тань, — сказал я, чтобы только не молчать. — Как вы относитесь к сверхсрочникам?

— Хорошо. А чт-то?

— В мае мне домой. Может, все-таки остаться?

— Серьезный вопрос, — засмеялась она, как мне показалось, насмешливо. И вдруг спросила: — А вам не по-попадет? За то, что ко мне зашли?

— Что вы, наоборот...

— Как это «наоб-борот»?

— Ну... — смутился я. — Меня на весь вечер отпустили.

— За что начальник к вам п-подобрел? Прежде ведь не отпускал.

— Все течет, все изменяется. — Я пытался кинуться в стихию привычного трепя, но прежней легкости не получалось, на душе была какая-то тяжесть, словно я проштрафился и жду последствий.

— Ладно, разберемся, — многозначительно сказала Таня. — Давайте пока чай пить?..

Я всегда говорил, что Таня умница. Вот ведь взяла и выручила, ушла на кухню. Но мне тут же стало нехорошо от мысли, что она все поняла и сама за чаем хочет вытянуть из меня жилы. Я ее пытаю, а она меня? И будущая семейная идиллия, которую я не раз рисовал в своем воображении, вдруг представилась мне совсем в другом свете. Это ж вся жизнь, как в аквариуме. Она со своим умом все мои мысли будет наперед знать, не спрачешься.

«Ну это мы еще увидим, кто кого!» Я встал и принялся осматриваться. Комната была как комната, только что не в меру чистая. Посредине стол, покрытый белой скатертью, как во всех домах поселка, стулья, расставленные с точностью до сантиметра. В углу — Танина кровать, не кровать — кроватка, и коврик над ней совсем детский — с зайчиками. На стене в белой рамке цветная репродукция «Девятого вала» Айвазовского, ничуть не тревожного, кажущегося просто красивой деталью, дополняющей одним-единственным беспокоящим штришком больничную аккуратность этой комнаты. И больше ничего на стенах — ни зеркал, ни фотографий, на которые я так рассчитывал и с которых намеревался завести разговор о тетке Анне.

Я внимательно осмотрел книжные полки в расчете найти какой-нибудь альбом. Взял бы тогда не спрашивая. Рассердится Таня, да уж поздно, альбом-то раскрыт. «А это что за пупсик? Ах, это вы и есть в младенчестве? А-яй, как похожи!.. А это и есть тетка Анна? А что там на обороте? Интересно, как писали в стародавние времена?.. А может, и письма ее сохранились?

Любопытно бы взглянуть. Может, она об Иване Курылеве пишет? Ведь он как-никак история заставы...»

Так я представлял себе дальнейшее. Главное не робеть — и все будет в порядке. Женщины на смелость не обижаются, они не любят нерешительных... Я и сам не знал, откуда взялась во мне эта аксиома, во всяком случае, не из своего опыта, но я в нее крепко верил.

Альбома я не нашел и к тому моменту, как вернулась Таня, не придумал никакой другой программы действий.

— Так что же вы хот-тели мне сказать? — Таня расставляла на скатерти чашечки, вазочки, всякие ненужные розеточки и, не поднимая глаз, лукаво улыбалась.

— Чистенько у вас, — сказал я первое, что пришло в голову. — Как в санчасти.

— Это комплимент? Не густо для вашей фантазии. Ну так что же вы хот-тели сказать?

— Что я хотел?

— Про сверхсрочную.

— А... Начальник предлагает, а я не знаю, как быть.

— И вам не с кем посоветоваться? Бед-дневный.

Тут до меня дошло, что она надо мной просто насмехается. И чтобы разом усерьезнить разговор, нахмурился и сказал:

— Не не с кем, а ни с кем. Ни с кем не хочу советоваться. Кроме вас.

Она опустила глаза, ожидая, что еще скажу. А у меня будто язык отсох. Разглядывал ее через стол, можно сказать, совершенно нахально любовался синеватыми, чуточку подведенными ее глазами, мягким локоном, падающим на плечо, сиреневой кофточкой, плотно обтягивающей грудь, немел от восторга, а сказать ничего не мог. Раньше и про любовь говорил, и даже про женитьбу. Но то была игра, хоть и без намека. Теперь же все выглядело серьезнее. А сказать девушке всерьез: «Я вас люблю, чего же боле, давайте жениться», — сказать это, не выяснив ее доподлинных чувств, мне казалось, все равно что оскорбить. К тому же, если честно говорить, всерьез-то я еще и не думал об этом.

— А все-таки зачем вы п-пришли? — спросила Таня, прервав затянувшуюся паузу.

Я почувствовал себя так же, как было со мной четыре года назад, когда, убегая от парней с соседнего двора, с которыми мы то и дело дрались, вдруг оказался в тупике между заборами. Тогда я в злбном отчаянии кинулся на преследователей, и они, двое, побежали от меня одного. И теперь было такое же. Я зажмурился и решительно сказал самое главное:

— Тань, покажите мне письма вашей тетки Анны. Может, там есть что-нибудь об Иване? Он ведь — история заставы...

Таня медленно поставила чашку, поднялась и ушла на кухню. — Н-нету никаких п-писем! — крикнула оттуда. — В-все в войну сгорело вместе с д-домом. Так и д-доложите.

— Тань! — позвал я нерешительно.

Она не отозвалась. Мне бы пойти на кухню, встать на колени или сделать еще какую-нибудь глупость, чтобы не обижалась, но я сидел как истукан, испытывая только неловкость. За окном уже посумеречило, и я думал о том, что следовало бы по-

раньше лечь спать, потому что по опыту знал: если понадобится, начальник прикажет разбудить, даже не вспомнив про свое обещание не поднимать на службу. Граница есть граница, ее требованиям на заставе подчинено все — и личные дела, и общественные заботы, и сама наша жизнь.

— Таня! — снова позвал я. Подождал немного, встал, походил по комнате и крикнул через закрытую дверь: — Тань, я пойду!

Прохладный ветер на улице подбодрил меня. Вольки нигде не было видно, и я пошел домой, чувствуя необычайную усталость и мечтаю лишь о том, чтобы поскорей завалиться спать.

— Товарищ! Погоди, эй!

Оглянулся, увидел деда Семена, торопливо ковылявшего на своем протезе.

— Ну что там, в записке? — спросил он еще издали.

— Не знаю, — сказал я. И спросил, чтобы только переменить разговор: — А чего вы... не отдыхаете?

— Да Волька пропала. Чертова девка, сладу с ней нет.

У меня защемило в груди.

— Куда пропала?

— Черт ее маму знает. Всех переспрашивал.

— Найдется, не иголка, — сказал я и заторопился к заставе, полный какого-то беспокойства. И остановился от новой неожиданной мысли, крикнул деду Семену, продолжавшему стоять посреди дороги: — Семен Иванович, вы ведь были тут в сорок первом. Не помните ли, куда перед немцами колхозные документы дели?

— Бумаги-то? Кажись, зарыли. Точно помню, в коробки из-под кино складывали. И воском залепляли. Я еще сказал: навек, что ли, воском-то?.. А куда потом?.. — Он медленно пошел ко мне, разводя руками. — А чего вспомнил-то?

— Да так. До свидания.

Я быстро пошагал по дороге, свернул на тропу к заставе и побежал, ликуя от собственной сообразительности. Ведь Анна-то была счетоводом в колхозе. Если найти бумаги, то там будет хоть что-нибудь написанное ее рукой. Я представлял, как восторженно посмотрит на меня начальник, когда я доложу ему об этой идее, а потом о Вольке, устроившей пожар в лесу. И совсем развеселился, подумал: если разрешат, снова пойду в поселок расспрашивать деда.

Но едва перешагнул доску у ворот заставы, как сразу же забыл о всех своих открытиях. Во дворе была суета. Шофер заставского «уазика» бежал в гараж, ефрейтор Кучкин торопливо шел за баню, где в загончике у забора уже гавкал в нетерпении его Гром.

У ворот топтались, застегивая куртки и оглаживаясь, трое наших ребят. Все говорило о том, что только что, сию минуту, тревожная группа была поднята в ружье.

— Что случилось? — спросил дежурного.

— А! — он махнул рукой. — Опять этот седьмой участок. Бродит там кто-то...

Не дослушав, я кинулся в канцелярию и налетел в дверях на выходящего навстречу начальника заставы.

— Разрешите мне, товарищ капитан! Это, наверное, опять Волька.

Начальник заинтересованно повернулся ко мне, подумал мгновение и приказал:

— Бегом!

Ученого учить не надо. Через секунду я был в комнате оружия, схватил автомат, подсумок и, выбежав, уже на ходу прыгнул в распахнутый сзади кузов «уазика».

Мы мчались по серой вечерней дороге, заранее привставая на знакомых ухабах. Море багрово горело отражением закатного солнца, гладкое море, непривычно тихое в эту весну. Море мельтешило за соснами, и мы то слепли от его сияния, то таращили глаза в контрастно темном лесном сумраке.

— Почему вы считаете, что это Волька? — спросил начальник, не оборачиваясь, не отрывая взгляда от дороги.

— Дед ее разыскивает. И потом... она там в пещеру лазит. Сегодня утром лазила. С факелом из бумаги. Траву подожгла.

— Она? — изумился начальник и, обернувшись, с недоверием посмотрел на меня.

— Точно, товарищ капитан, сама призналась.

— А чего теперь полезла?

— Думаю, у нее там спрятано что-то. Я сказал, что видел ее пещеру и что еще пойду посмотреть.

— Видели?

— Утром, когда пожар тушили. Она мне показалась просто нишей, а там, Волька говорит, еще нора есть, поворот...

— Чертова девка! — совсем так же, как дед Семен, выругался начальник.

Оставив машину на дороге, мы цепью пошли по редкому лесу. Совсем уверившийся в своей правоте, я, обгоняя всех, побежал прямо к тому месту, где была ниша под камнем. И обрадовался, увидев Вольку, внимательно рассматривавшую какой-то камень, который она держала в руках. За ней был обрыв, и багровое вечернее море силуэтом высвечивало ее всю, тоненькую, напрягшуюся, словно в руках у нее был не камень, а по меньшей мере еж колючий.

— Волька! — крикнул я.

Она вздрогнула и выронила камень. И вдруг прогремел выстрел. Так я подумал в первый миг. Но сразу вспомнил, где слышал такой звук, — на полигоне, когда выполняли упражнение по метанию боевых гранат. Тогда точно так же глухо, совсем по-мирному стучали капсюли-детонаторы. Но тут же меня и ожгло страшной мыслью, что если это ударил капсюль, то сейчас, сию минуту, будет взрыв. Значит, в руках Вольки был вовсе не камень, а боевая граната...

Это уж я потом выстроил в цепочку все пронесшееся в голове в одно мгновение. А тогда дико закричал что-то (после мне говорили, что кричал: «Ложись!»), бросился вперед, с разбегу пнул сапогом этот тяжелый камень, сбил Вольку с ног, навалился, прижал к земле ее тонкие плечи.

Взрыв оглушил. Осколки тяжелым дождем прошлись по вершинам сосен. Задыхаясь от запоздалого страха, я сел на траву, оглянулся на Вольку и увидел, что она сидит рядом и улыбается. Словно все это было детсадовской игрой в пугалки.

— Дура ты! — заорал я и, не в силах сдержать нервную дрожь, не помня себя, ударил ее по щеке.

Она закрылась руками и заплакала громко, навзрыд. И сразу улетучилась вся моя злость. Я смотрел на бегущего ко мне начальника и морщился от непонятной, охватившей всего меня жалости к Вольке.

— Ладно, не реви, — сказал я. И неловко обнял ее. И вдруг почувствовал под ладонью что-то мягкое, упругое. Я не мог понять, что это такое, а когда понял, отшатнулся, испугавшись сам не знаю чего. Она тоже вся сжалась и, опустив руки, смотрела на меня с каким-то новым испугом.

— Что, ранены? — крикнул начальник заставы. — Чего же слезы... Никто не ранен?.. — Нервно, торопливо оглядывая подбежавших к нам пограничников, он в то же время как-то странно, не по-начальнически, тормозил, трогал меня и Вольку, с виноватым видом обессиленно сидевших перед ним.

Огромный Гром рвался с поводка, волоча за собой ефрейтора Кучкина, словно и ему тоже не терпелось излить на нас свои чувства. Волька опасливо косилась на собаку, пряталась за меня.

— А там, под обрывом? Вдруг кто-нибудь там был? — Начальник махнул рукой Кучкину и всем ребятам. — Осмотреть местность!

И мы остались втроем.

— Где ты взяла гранату? — спросил начальник.

— Тама. — Волька небрежно махнула рукой в сторону

большого камня. Она уже приходила в себя, снова становясь обычной, замкнутой, по-детски упрямой.

— Где «тама»?

— А в пещере.

Мы переглянулись, и я, сразу поняв все, кинулся к знакомой нише. И остановился под строгим окликом:

— Отставить!.. Где была одна граната, там может быть и другая, — добавил начальник миролюбиво.

Обломав сапогами черные обгорелые кусты, он встал на колени, заглянул внутрь. И я тоже не утерпел, наклонился.

Из ниши несло холодом, и ничегошеньки в глубине ее не было видно.

— Принеси фонарь.

Я сбегал к машине, через минуту ткнул в темень ослепительным лучом и сразу увидел в стене черную щель, ведущую куда-то вправо.

Начальник заставы отобрал у меня фонарь, приказал отойти подальше и пополз внутрь, осторожно обшаривая на дне каждый камень. Уж и ребята все собрались, и солнечный блик на море погас, и совсем потемнело меж сосен, а начальник все копошился в пещере, и мерцание света в глубине, немое, без каких-либо звуков, будило в душе тревогу, зудящее любопытство, очень похожее на те, что еще помнились из детских сказок о гномах, занятых в подземельях своими всегда таинственными делами.

Но вот свет стал приближаться к выходу, и вскоре мы увидели начальника, все так же осторожно выползавшего из пещеры. В одной руке он держал фонарь, в другой — какой-то непонятный круглый предмет. А из-за пояса, что было уж совсем поразительно, торчала белая от пыли рукоятка револьвера. И глаза у него были какими-то незнакомыми — испуганными, грустными и удивленными.

— Вот, — сказал он растерянно, протянув мне круглый предмет. Я взял его и увидел, что это сморщенная от времени пограничная фуражка с еще не потускневшим зеленым верхом. На обратной стороне ясно были различимы вышитые нитками две буквы: «И. К.».

Начальник вынул из-за пояса револьвер, недоверчиво понюхал ствол, глянул на Вольку:

— Из этого стреляла?

— Угу, — ответила она, не поднимая глаз.

Я ждал сердитых слов о том, что граница есть граница и это должны понимать все школьники, даже если они не состоят в ЮДП. Но вместо этого начальник медленно, как-то церемонно снял фуражку и сказал:

— Там он... лежит... бывший пограничник Иван Курылев... Его останки. — Начальник говорил прерывисто, словно задышался после хорошего бега. — Видимо, он знал об этой пещере. Спрятался в ней и оставил в глубине у поворота последнюю свою гранату. Разогнул чеку, привязал к кольцу кусок проволоки. Если бы враги полезли за ним, ему достаточно было потянуть, чтобы чека выскочила. Так он и умер, держа за эту проволоку...

Стянув с головы фуражку, я мял ее в руке, со смешанным чувством страха и любопытства взглядывая на черное пятно ниши. И хотелось мне радоваться, что разрешилась наконец мучившая нас загадка, и плакать от жалости к Ивану. Словно он умер только теперь, при мне. И хотелось бежать куда-то, что-то делать, чтобы погасить обжигающую меня горечь и злость...

...А еще я люблю жизнь на заставе за неизменность распорядка. Что бы ни случилось, в свой час будет обед и политбеседа, общее построение и уборка территории. Будет и

боевой расчет, когда каждому определяется место в его главном деле — охране государственной границы.

Я чувствовал себя героем дня и в глубине души рассчитывал, что сегодня для меня будет сделано исключение. Но, как сказала бы моя бабушка: «Перед службой мы все равны, как перед богом». В боевом расчете и мне, как обычно, было уготовано место — идти на вышку старшим наряда. Вместе с Игорем Курылевым. Не знаю, чем руководствовался начальник, посылая нас вместе, но я сделал из этого свой вывод: значит, после всего случившегося надо побыть рядом с ним. Ведь человек — это уравнение с тысячей неизвестных, корень квадратный из неведомого числа. Бывает, год проживешь рядом, узнаешь о нем все, даже сколько раз на день сморкается, а случится непредвиденное, и выплеснется из темных глубин души способность необычайная, то ли возвышающая, то ли позорящая.

Не знаю, чего хотел начальник, но я, еще когда мы шли на вышку, начал прощупывать Игоря, заговорил о том, что всем нам не давало покоя, об открывшемся вдруг факте гибели Ивана. Было жутко, почти невозможно представить его безысходность: выйти из пещеры, значит, попасть в руки врага, остаться — наверняка умереть от ран, голода и жажды. Одни из наших ребят говорили, что они на месте Ивана обязательно попытались бы уйти в горы, другие, что поползли бы к поселку: были же там свои люди?! Третий твердили о поголовке насчет того, что помирать, так с музыкой: поднять руки, а потом, как в кино, взорвать себя последней гранатой вместе с врагами... Объединяло нас одно — страстное желание задним числом найти для Ивана другой, как нам казалось, более достойный выход. И было в этом желании что-то от себя, от начитанной о войне самоуверенной молодости, не приемлющей безвыходных положений.

Игорь не принимал в этих дискуссиях никакого участия, был замкнут и печален. И теперь мне не удалось расшевелить его.

Тогда я переменял тему, заговорил о Вольке. Еще вчера, когда начальник заставы только вылез из пещеры, я подумал о недетской ее храбрости. Но оказалось, что она какого-то метра не дотянулась до человеческих останков. И всю дорогу, пока мы ехали обратно, жалась ко мне, дрожа как в ознобе от одной мысли, что могла увидеть их.

— Повезло девке, — сказал я Игорю. — Как пить дать, угробила бы себя этой гранатой. А может, и не только себя.

Игорь снова не отозвался, сопел за моей спиной на положенной дистанции и молчал. И я, совсем уж не зная, что еще говорить, подзадорил:

— А хорошо бы снова повстречать Таню с ребятами.

Теперь я оглянулся и остановился, поджидая его. Мы постояли, посмотрели в светлую морскую даль.

— Не наговорился? — угрюмо сказал Игорь.

— О Тане-то? Это такое дело, чем больше, тем лучше.

— Ты любишь ее?

— А как же! — с вызовом ответил я.

— Не-ет, — грустно сказал Игорь. — А она, кажется, любит.

Сначала меня обрадовали его слова (любой прибавляет в весе, когда слышит такое). А потом удивили.

— Тебе разве не все равно?

Он отвернулся и промолчал.

— Больно ты быстрый, — сказал я назидательно. — Не успел приехать, и нате вам...

— Не надо, — жалобно откликнулся Игорь. — Не надо на службе вести посторонние разговоры.

— Как это посторонние?!

Я чуть не сказал, что разговоры про Таню скоро, может, станут самыми актуальными во всем поселке, но удержался.

— Ладно, пошли.

Мы вскарабкались по знакомой тропе, задыхаясь от крутизны, выбрались к наблюдательному посту и рядом с нашими ребятами, которых собирались сменить, увидели прапорщика Сутеева, нашего несгибаемого старшину. Удивительней всего было то, что все время, пока мы получали боевую задачу да заряжали оружие, старшина, точно помню, был на заставе. Как он успел на пост раньше нас, оставалось загадкой.

— Это вы, товарищ прапорщик?! — удивленно спросил я.

— А это вы? — точно парировал он, поняв сразу все, что я имел и не имел в виду. — Вам полагалось быть на посту ровно десять минут назад.

Это была проверка, обычный контроль, строгость которого отчасти и обеспечивает особую дисциплинированность пограничных войск. Прежде я относился к таким проверкам как к должному, понимая, что нашему брату только дай волю — и армейскую дисциплину под себя приспособят. Но после всего случившегося в последние дни, когда, я думал, могу рассчитывать на особое к себе отношение, такая проверка меня обидела.

— А мы... переобувались, — смело сказал я, не задумываясь о последствиях.

Старшина как-то странно посмотрел на меня и произнес, четко и медленно выговаривая слова:

— Хорошо. О подробностях этого переобувания расскажете в канцелярии. А потом на комитете комсомола.

И я понял, что снова влип со своим языком. Слово, как говорится, не воробей, если уж вылетело, то любой может его поймать и выпотрошить как хочет. Словами-то мы кидаемся, как булыжниками, рассчитывая сразить собеседника и совсем забывая, что сами привязаны к этим булыжникам крепкими веревочками. Кинуть недолго. А если промахнешься? Тогда этот самый булыжник на веревочке, как сказала бы моя бабушка, вытянет раба божьего Константина на свежий воздух. Точно, как в известном фильме «Ну погоди!», когда злой волк попадает в аналогичную ситуацию.

— Извините, товарищ прапорщик, — сказал я, раскаиваясь, как мне казалось, совершенно искренне. — Замешкались по моей вине.

— Принимайте пост.

Пост принять недолго. Чего там принимать? Стереотруба да бинокли, да телефон, да силуэты самолетов в рамке, да четыре стороны света с синей морской далью, распахнувшейся

на полгоризонта. Две минуты — и мы остались одни на вышке с Игорем Курылевым, да с ветром вольным, да со своими ду- мами.

Солнце висело над морем, заливая синий простор ослепи- тельным сиянием. Посредине этого сияния, как в луче про- жектора, шел белый теплоход. Я знал, что он торопится изо всех сил, но скорость его, съеденная расстоянием, совсем бы- ла незаметной. Будто был он маленькой игрушкой, раз и на- всегда приклеенной к серебристой бумаге. «Вот так и мы спе- шим со своими желаниями, — думалось мне. — А взглянуть со стороны — все топчемся на месте. Жизнь огромна, как мо- ре, а мы, крохи, затерянные в ее просторах, плывем друг за дружкой, боимся отстать, затеряться в этом безбрежье».

«Хватит! — сказал я себе. — Пора за ум браться». В чем это должно было конкретно выражаться, я и сам толком не по- нимал, знал только, что надо серьезнее относиться к самому себе и к девушке Тане, и к этому молчаливику Курылеву, и ко всем товарищам, включая зануду Костю Кубышкина. И, ко- нечно, к хитрому нашему старшине, хватит уж рассчитывать на его снисходительность...

Многих перебрал я в уме, перед многими мысленно пока- ялся. И, как это часто бывает, когда перестарался, почув- ствовал облегчение, будто уж и не я виноват перед своими начальниками и товарищами, а вроде они передо мной. Зна- вал такой хитрый выворот за собой. Но я все-таки сумел не расхныкаться от жалости к себе, как не раз бывало, впился в мирные воды с таким вниманием, словно хотел разглядеть еще и то, что под водами.

Прошло много времени, не знаю уж сколько. Серебряное сияние на морской глади давно погасло, солнце зашло за го- ру, и зажглись редкие облака над потемневшим горизонтом. Тогда я заметил, что Игорь недоуменно косится на меня. Но не обернулся.

— Ты чего? — наконец не выдержал Игорь.

— Смотри себе. — Мне не хотелось разговаривать. Не толь- ко потому, что знал: старшина не бросает слов на ветер. Но еще и тошно мне было от своей собственной болтливо- сти. Первый раз в жизни тошно. Так дома однажды, не слу- шая увещаний бабушки, ел да ел свое любимое сливовое варенье. И вдруг оно само собой опротивело мне. Объялся.

— Чего смотреть-то? — сказал Игорь. — Уж и не видно ничего.

Я позвонил дежурному, доложил, что возвращаемся, и мы, спустившись с вышки, пошли на заставу. Дорогой снова нава- лилась на меня обида. Ведь сколько хорошего сделал! Одна граната чего стоит. Растеряйся я хоть на миг, было бы ЧП на границе, какого во всем отряде не бывало. Конечно, по- нимал, что между гранатой и опозданием на пост нет никакой связи, но обида не проходила. И чтобы разом избавиться от нее, а заодно, может, от обещанного старшиной «собеседо- вания», решил опередить события, сегодня же зайти к началь- нику заставы. Спросить, почему, несмотря на все хорошее, такое ко мне недоверчивое отношение.

Сдав патроны и почистив оружие, я пошел в ленкомнату,

где по телевизору показывали любимые мои мультфильмы. Но и мультфильмы не развлекли. Тогда я вышел во двор, забрался в пустующую в этот поздний и холодный час беседку у забора, откуда лучше всего было видно море. Но скоро продрог там без куртки и вернулся на заставу. Постоял в нерешительности у двери канцелярии и постучал.

— Разрешите обратиться по личному вопросу? — как полагается, доложил я начальнику заставы, сидевшему за столом, усталым белым разлинеенным листом расписания занятий.

— Серьезный вопрос? — спросил он, подняв глаза от бумаги.

— Очень серьезный.

Начальник вздохнул, как-то грустно посмотрел на меня и отложил ручку.

— Садись, коли так.

Но едва я открыл рот для длинной и страстной тирады, как вошел дежурный, доложил, что у ворот какая-то женщина спрашивает начальника. И он встал и вышел. И вернулся только минут через десять. Сказал, печально улыбнувшись, что это женщина из поселка, просит приструнить разбуянившегося мужа.

— Я ей про участкового милиционера, а она: «Дак он с ими вмeстях пьет». Один раз вмешался и, пожалуйста, — авторитет участкового подорвал...

Я понимал: какой ему собеседник? Да, видно, наболело, а пожаловаться некому, вот и начал рассказывать все это мне, пряча усталость за бодрыми интонациями голоса.

Еще не закончив фразы, начальник подтянул к себе толстую тетрадь с надписью на обложке «Книга пограничной службы», раскрыл и взял ручку.

— Чего молчишь? — спросил он, написав целый абзац.

— Так вы же пишете.

— Ты говори, говори. Кстати, как насчет сверхсрочной?

— Никак, товарищ капитан. Какой из меня сверхсрочник? Таким, как наш прапорщик, мне не стать...

— Каким «таким»?

— Строгим, требовательным...

— Вы можете стать таким, — уверенно сказал он. — У вас для этого есть главное качество: вы добрый.

— Добрый?

— Вот именно. Доброта и строгость — две стороны одной медали. Наш прапорщик потому и требовательный, что очень заботливый...

Его прервал телефон, тренькнувший на столе. Звонил кто-то из отряда, потому что начальник первым делом доложил, что на заставе без происшествий, а потом долго слушал и торопливо записывал какое-то очередное ЦУ.

Положив трубку, он посмотрел на меня вопросительно и удивленно, словно собирался спросить, чего это я тут расселся. И я начал объяснять причину моего визита к нему. Но тут вошел дежурный по заставе и принялся докладывать обстановку. Что ночью температура воздуха опустится до плюс семи градусов, а завтра днем поднимется до шестнадцати, что ветер будет северо-западный до трех баллов, что рыбаки, ко-

торые выходили в море, все вернулись, что ночью курсом на юго-запад пройдет итальянский теплоход «Прима», что личный состав находится в классе на самоподготовке и что ужин готов, и повар приглашает к столу.

— Ну как, потерпишь до послезужина? — спросил начальник.

Но мне уже ничего не хотелось. Четко и ясно, чтобы не подумалось ничего плохого, я попросил разрешения не приходить после ужина, поскольку все старые вопросы уже прояснились, а новых не предвидится и, повернувшись, как можно старательнее, даже прищелкнув каблуками, шагнул за дверь.

«Идиот! — ругал я себя, по инерции все тем же строевым шагая по коридору. — Возвел свою изжогу до уровня мировых проблем, лезешь с нею к занятым людям. Подумаешь, обиделся! На себя обижайся. Свое дело получше делай, свое!..»

Я вышел на крыльцо, подставил лицо холодеющему ветру. Выходила луна, и морская даль, словно золотым шнурком, отрезалась от черного неба. По плацу, печатая шаг, ходил часовой. Как всегда, монотонно гудела на вышке вращающаяся антенна. И, как всегда в тихие вечера, доносился из поселка разноголосый гомон — всплески чье-то смеха, крики парней, песни, лай собак, сонное мычание коров. Я стоял и слушал, как затихают эти звуки, гаснут, словно их, как свет в домах, выключают один за другим. И во мне тоже что-то все выключалось, спадала нервозность, липнувшая целый день, и я все больше желал только одного — спать.

Утром меня разбудил Игорь.

— Иди, тебя дед Семен спрашивает.

— Чего ему не спится? — спросил я, потягиваясь. Не только куда-то идти, но и вылезать из-под одеяла не хотелось. Оно, родное, казалось, вовсе приросло ко мне, как вторая кожа.

— Ну! — изумился Игорь. — Скоро общий подъем. Ты знаешь, сколько проспал?

Это само по себе было поразительно. Чтобы наш всевидящий старшина просмотрел такой случай?! Обычно он точно знал, кому когда полагалось вставать. У него было особое чутье на всех праздно шатающихся или слишком заотдыхавшихся, и он быстро пристраивал таких к очередному своему хозяйственному делу, которых у него на заставе всегда было превеликое множество.

— А где старшина?

— Только что был во дворе.

— Странно, что не поднял.

— Так он сам не велел тебя будить.

От такой новости я даже привстал. Может, мне уже и отпускные выписали? Или к медали представили? За отличие в охране государственной границы... Но реальной было другое: старшина решил, что хозяйственные дела от меня не уйдут, и просто дал отоспаться после всего. Нервы даже у погра-

ничников не железные. Вчерашний день тому пример: сорвался как салажонок первого месяца службы.

— Так ты идешь или нет? — рассердился Игорь.

— А чего деду надо? — Мне не хотелось вставать, и я, понимая, что не миновать неприятной процедуры подъема, все же тянул, рассчитывая сам не зная на что.

В дремотном застое спального помещения слышно было, как билась о стекло ожившая муха.

— Сам спросишь, — сказал Игорь. — Иди, он в беседке сидит. Со своим Волчонком.

— С Волчонком? — Это было уже интересно. Чего Вольке-то надо? Может, проняло ее наконец, извиняться пришла? Как-никак, а страшновато мне было вспоминать гранату. Когда бежал к ней, ничего не чувствовал, а потом, как вспоминал, не знал, куда деваться от жути: рвани она на секунду раньше, и напоролся бы я с разбега на острые осколки.

Быстро одевшись, я сбегал к умывальнику, ополоснул лицо, погляделся в зеркало и уже без спешки вышел на высокое крыльцо заставы.

Дед и Волька встали, увидев меня. Такого я еще никогда не удостаивался, и мне приходилось выбирать: краснеть от неловкости или принимать церемонию с юмором.

— Спасибо тебе, — сказал дед и неожиданно дал Вольке подзатыльник. — Благодарю человека, благодарю, тебе говорят.

Она смотрела на меня, и в ее взгляде я не видел ни испуга, ни вины, только любопытство. Словно был я игрушкой, которую ей не терпелось выпотрошить, чтобы узнать, что там внутри.

— Ладно, мы с ней сами разберемся, — сказал я, вспомнив пощечину.

Эти мои слова словно бы освободили деда от несвойственной ему скованности. Он затоптался на месте, стуча протезом и подталкивая Вольку.

— Чертова девка! — то ли восхищаясь, то ли возмущаясь, заговорил он. — Тринадцатый год ведь, почти невеста. В мое время таким приданое готовили, а эта — чистый мальчишка...

Волька вдруг вырвалась и убежала, а дед, словно того и дожидаясь, уцепил меня за рукав, усадил на скамью.

— Послушай-ка, а я ведь знаю, где бумаги-то колхозные.

Я оглянулся, чтобы, не дай бог, начальник или старшина не услышали.

— В колодце надо искать. Он тогда во дворе был, где правление колхоза находилось. В последний день прятали, не оставалось ночи, чтобы зарыть незаметно. Опять же воск. Зачем воском-то заливали, смекаешь? Чтоб не промокло, значит...

— В земле тоже может промокнуть, — сказал я больше машинально, чем из интереса. Что-то перевернулось во мне за это время, и не было уж того нетерпения во что бы то ни стало найти образец почерка Анны Романько. Кто бы ни написал записку, теперь это не имело значения. А тень, которая в случае огласки ляжет на Татьяну, так тенью и останется. Даже если выяснится, что записку писала не Анна, что это докатившаяся до нас фашистская провокация. Люди есть люди, иные и экспертизе не поверят...

— Семен Иванович, — сказал я, — пусть этим Волька займется, она найдет...

— Она-то найдет. Нырнет в колодец — и поминай как звали.

— Тогда Тане скажите, учительнице. Они ж собирают все об истории поселка. А мне некогда, честное слово. Хоронить будем Ивана-то, сами знаете, сколько хлопот.

— Как не знать, — быстро согласился дед и задумался, как все старые люди, когда речь заходит о вечном покое. — Меня-то не забудьте позвать.

— Всех позовем...

Меня опять заносило. Конечно, я знал, что предстоит захоронение останков Ивана Курылева, но не имел представления, какую роль во всей этой процедуре отведут мне. Я говорил уверенно, наверное, потому, что не мог изображать незнайку сразу после того, как пережил (все-таки пережил) гордое чувство исключительности, когда меня встречали стоя.

— Некогда мне, Семен Иванович, честное слово. — Я поднялся, и дед тоже вскочил, торопливо начал жать мне руку. — Заходи, если что, в любой час заходи, мы с Волькой всегда будем рады...

Он еще что-то говорил мне вслед, а я уже шел, почти бежал к спасительному крыльцу, радуясь такому ко мне отношению и не зная, куда деваться от непривычных похвал.

Но дел у меня в тот час не было никаких. Как воробей, которого спугнули с облюбованного места, я, послунявшись по заставе, снова вернулся в беседку, сел на скамью и стал смотреть на море, вновь и вновь вспоминая Волькин восторженный взгляд и дедовы торопливые слова. «Странно человек устроен, — размышлял я, почему-то сразу кинувшись в обобщения. — Жаждет похвал, а сам убегает от них, а потом снова ждет, когда похвалят. Слово он всю жизнь ребенок, которого надо гладить по головке». И еще я подумал о роли похвалы в воспитании, по-новому оценил любимую фразу бабушки: «Не похвалишь — не поедешь». А поскольку похвала — та же благодарность, то мысли мои тотчас и перекинулись на нее, словно я уже сверхсрочник и стал прапорщиком и обязан думать, как пронять нашего брата.

— Костя!

Голос был таким, что я его вначале и не расслышал. Да и никто на заставе, кроме двух-трех приятелей, не называл меня по имени. В армии, как известно, у человека остается только фамилия. С прибавлением воинского звания.

— К-костя! — Теперь в голосе звучали уже настойчивость и обида.

Оглянувшись, я увидел Таню, стоящую у входа в беседку. В белом платье и белых, никогда мною не виденных туфельках, она была как фея из праздничного сна.

— Доброе утро.

— Д-да какое же утро?!

— Это там день, — я кивнул в сторону поселка, — а у нас еще подъема не было.

— Ну вы и сони!

Она засмеялась тихо, смущенно. И до меня вдруг дошло, что

она имеет в виду не всех пограничников, а меня одного. А раз так, то, стало быть, она давно тут и знает, что я завалился спать еще с вечера, и ждет, когда соизволю проснуться. Теплая волна признательности окатила меня. Захотелось сказать что-нибудь особенное, чтобы и она тоже поняла, что ничего я не забыл, а только подрастерялся после проклятой записки. Но вместо этого выпалил банальную фразу:

— Солдат спит, а служба идет.

Она замолчала, посмотрела на море, на небо и снова на меня.

— Вот вы к-какой, ок-казывается, смелый!

— Да разве я смелый!..

Но человеку, видать, свойственно стремиться к соответствию с мнением о нем. Холодея от собственной решимости, я добавил:

— Был бы я смелый, еще в прошлом году поцеловал бы вас.

— Да?! — деланно изумилась она. И лукаво сощурилась и задрожала губами, собираясь сказать еще что-то. А я ждал, думая, что если теперь не обидится, то возьму и поцелую, не обращая внимания, что окна заставы все нараспашку и что оттуда, из глубины, может, смотрит начальник. Но тут рядом послышался радостный возглас:

— Вот вы где!

Рыжая Нинка обежала беседку и явилась перед нами, трянула кудрями, плюхнулась на скамью напротив.

— А я думаю: куда это Таня вырядилась? А она на свиданье...

Таня сразу переменялась, сидела пай-девочкой, положив руки на колени, полуобернувшись, смотрела в море.

— А чего тут Волька делала? — холодно, с явным намерением переменить тему разговора спросила Таня. — В калитке чуть не сшибла меня, так бежала. Я подумала: уж не натворила ли еще чего?

— А она влюбилась! — захохотала Нинка.

— В кого?

— В кого, в кого, вот в него.

В первый миг я был возмущен. Но возмущение как-то сразу улетучилось, и вместо него заметались в душе удивление, смущение, радость. Что меня обрадовало, я и сам не знал, сидел, глупо улыбаясь, не решаясь взглянуть на Таню.

Вслед за Нинкой, как дух из-под земли, явился Костя Кубышкин, затоптался возле беседки, не решаясь войти. За ним пришел Игорь Курылев, сел на скамью, не глядя на Таню. На крыльце нетерпеливо похаживали еще двое наших. Они поглядывали поверх беседки и поправляли ремни, что означало последнюю готовность присоединиться к нашей компании.

— Скоро подъем? — спросил я, ни к кому не обращаясь, чтобы хоть как-то нарушить затянувшееся молчание.

— Все уже поднялись, — тотчас отозвался Костя. — Счас построение будет.

— Да? — изумился я так, словно это было для меня внове. — Мне ведь еще побриться надо...

Но я не успел даже встать, как у ворот требовательно загудела белая «Волга». Тотчас на крыльцо вышел начальник

заставы, быстро сбегал по ступенькам и, поправив ремень, крикнул:

— Застава, смирно!

И пошел строевым шагом через плац навстречу въезжавшей во двор машине.

Из «Волги» вышел худощавый, почти весь седой начальник политотдела полковник Игнатьев, вскинул руку к фуражке, выслушал обычный доклад, что на заставе без происшествий, и оглянулся на ворота, в которые въезжал большой крытый ЗИЛ. Машина остановилась возле газона, отгораживавшего плац от нашей спортплощадки, и из кузова сразу же, словно торопясь куда-то, начали выпрыгивать сержанты и прапорщики. Первые спрыгнувшие протянули руки к кузову точно так, как делают мужчины, когда собираются помочь сойти женщинам. Из кузова им подали ослепительно сверкавшие на солнце оркестровые трубы. Они положили трубы на траву, снова протянули руки и приняли, осторожно вынесли из кузова... красный гроб.

И сразу все стало ясно. Я думал, что меня это дело никак не обойдет, а оказалось, что все уже решено и вот и начальник политотдела прибыл с оркестром, чтобы отдать последний долг бывшему пограничнику, геройски погибшему Ивану Курьеву.

Три часа мы долбили камень на высотке у бухты, копали Ивану могилу. Узкая, длинная, глубокая, она была похожа на отрезок траншеи. Потом под плач оркестра, под всхлипывания женщин, собравшихся со всего поселка, мы от самой заставы несли на плечах наглухо заколоченный гроб.

Мы поставили гроб на краю могилы, положили сверху новую зеленую фуражку (старая заняла место среди экспонатов комнаты боевой славы), построились напротив и замерли, ожидая команды.

Первым выступил полковник Игнатьев, сказал что-то короткое и энергичное, с непонятным ожесточением кидая слова в толпу, обступившую нас. Похоже было, что проснулось в нем забытое и незабываемое от тех пережитых тяжких лет, которые нам, не видавшим войны, казались только романтическими. Попытался высказаться дед Семен, но сразу же сбился, заерзал протезом по сухой щебенке и отошел к толпе. Затем на пыльную кучу щебня взобрался начальник заставы. Я слушал его и не слушал, потому что чувствовал себя не просто участником, а чуть ли не виновником происходящего.

По другую сторону могилы стояла толпа — чуть не весь поселок. Впереди — дед Семен со своей Волькой, Таня и Нина.

Таня неотрывно глядела мимо меня. И я понял, куда она глядела, — на Игоря, стоявшего рядом со мной. И стало мне от этого ее пристального взгляда беспокойно и тоскливо.

«Придется, видно, и впрямь на сверхурочную оставаться, — подумал я. — А то что же получится: я уеду, а Игорь останется? И будет морочить Татьяне голову? И ведь заморочит. Любовь, повторенная через поколение, это же почти родство...

Конечно, можно бы сделать красивый жест. Как в песне, где поется про третьего, который должен уйти. Или взять да всерьез предложить Татьяне руку и сердце?..» Но почему-то не хотелось мне горопиться. И уезжать тоже не хотелось.

И тут я заметил, что Волька рассматривает меня пристально, словно диковинный музейный экспонат. Совсем забыв об обстановке, я взял и подмигнул ей. Она покраснела, спряталась за деда и, длинная, тут же испуганно выглянула из-за его головы.

«Эх, Волчонок, — мысленно сказал я ей. — Погоди, придет время, скрутит тебя непонятное, по-другому забегаешь...»

— ...Прошлое — это не камень от забытого дома, — говорил начальник заставы, — прошлое живет в нас, сегодняшних, влияет на наши мысли и поступки, каждый день, каждый час болью и радостью отзывается в наших сердцах. Мы сами убедились: старые гранаты и сегодня взрываются. Так и старые дела приходят к нам примерами мужества. Каждый день и каждый час их надо оберегать от старых и новых провокаций, от равнодушия и забвения. В этом залог нашей чистоты и последовательности, нашей верности Родине...

Игорь толкнул меня локтем и показал на дорогу, по которой, быстро приближаясь, пылил заставский «уазик». Машина резко затормозила, из нее вышли наш старшина и еще один совершенно незнакомый мне человек в черном костюме, перечеркнутом длинной полосой золотистых медалей. Они вдвоем постояли возле «уазика» и медленно пошли к нам.

— Узнаешь? — сказал Игорь. — Щека-то обожжена, помнишь? Тот самый Алексей с торпедного катера.

— Ты почему знаешь?

— Я его давно разыскиваю.

— И ничего не сказал?

— Ты мне тоже не все говорил. Про записку, например. Да мало ли...

Я хотел напомнить, что все говорят только девки на вечерницах, да не успел.

— Застава, смирно! — скомандовал начальник.

Над берегом парили чайки, крутили черными головами, что-то выискивая со своей высоты. Под их беспокойные крики мы опустили гроб, первыми прошли мимо могилы, бросая вниз комья сухой земли, незнакомо и тревожно стучавшие по гулкой крышке. И все поселковые прошли не проронив ни слова. И долго в застоявшейся тишине стучали камни, то одиноко ухая, то рассыпаясь дробью ударов, похожих на пулеметные очереди. А потом щелкнули затворы, и прощальным эхом прогремели три отрывочных сухих залпа.

Чайки шарахнулись в сторону, но сразу же вернулись, снова застонали, заплакали над обрывом, словно знали, что выстрелы не опасны, что отныне ничто не нарушит тишины этих берегов.

Ольга ЛАРИОНОВА

«Щелкунчик»

Фантастический рассказ

Этот рейс начинался просто и буднично, как, впрочем, и большинство рейсов, вошедших в анналы Большого Космофлота своим невероятным нагромождением случайностей и аварийных ситуаций. Собственно говоря, вся предыстория этого рейса сводилась к традиционной воркотне Полубояринова, который не жаловал новичков, недолюбливал вундеркиндов и затирали молодежь. Был у него такой маленький недостаток, которого никто бы не замечал, если бы он сам не рекламировал его при каждом удобном случае. Вот и теперь, когда надо было законсервировать базу на Земле Тер-Деканозова — просто снять людей и часть оборудования, — Полубояринов скорчил самую кислую мину, подписывая назначение Сергея Тарумова.

Хотя «за» было многое, а главное — Тарумов давно считался одним из лучших первых помощников. Командиры говорили о нем, что у него интуитивная способность оказываться на подхвате в любой взрывоопасной ситуации. Доходило до того, что если после вахты Тарумов почему-то задерживался в рубке, значит, можно было ждать метеоритной атаки, нейтринного смерча или подпространственной ямы. Но Полубояринову этого было мало. «Рано ему садиться в командирское кресло, — брюзжал он, — а может, и вообще противопоказано. Тарумов — врожденный дублер». — «А вот

это только в самостоятельном рейсе и обнаруживается», — справедливо возражал ему Феврие, который давно уже ходил первым штурманом. Собственно говоря, Тарумова Феврие знал только понаслышке, но скверный нрав Полубояринова был ему давно известен. Рейс несложный — отдохновение души плюс три нырка в подпространство — как раз то, чтобы проверить новичка. Чем черт не шутит! Командиров на флоте не перечесть, но вот НАСТОЯЩИХ командиров...

«Ладно, — сказал Полубояринов. — Пусть получает своего «Щелкунчика», чтоб не было этой обиды — продержали, мол, всю жизнь на положении правой руки. Я же сейчас не о нем, я о тебе, Дан. Подумал бы ты серьезно о моем предложении».

«Ладно, ладно, — отмахнулся тогда Феврие. — Еще будет время. Думаешь, приятно сидеть тут рядом с тобой в управлении? Брюзжишь на все Приземелье...»

Так Тарумов получил свой корабль и со сдержанным восторгом стартовал к Земле Тер-Деканозова, или попросту Тера.

Там его не задержали: экспедиция доказала абсолютную бесперспективность освоения Теры, а засиживаться на «пустышке» было просто противно. К прилету «Щелкунчика» все контейнеры были тщательнейшим образом упакованы — только грузы. В бытность свою первым помощником Тарумов уже сталкивался с людьми группы освоения, которым приходилось сворачивать работы. Как правило, такая группа являла собой полный спектр естественного человеческого раздражения — от корректного и сдержанного до абсолютно разнузданного, переходящего в бешенство. Еще бы, никто лучше освоенцев не знал, во сколько обходятся Базе такие неудачные попытки!

Но ничего подобного не было здесь. Тарумов приглядывался к четкой, несуетливой работе экспедиционников и все более и более убеждался, что залогом этого спокойствия была Лора Жмуйдзинявиченене, руководитель экспедиции — маленькая полная блондинка лет сорока пяти, сочетавшая неукротимую энергию с удивительно мягким и нежным голосом, и Тарумов, вполне согласный с Шекспиром в том, что сей дар составляет «большую прелесть в женщине», вдруг совершенно незаметно для себя оказался под властью ее обаяния. За последние десятилетия женщин в космосе значительно поубавилось, и новоиспеченный командир, отправляясь на Теру, даже не задумывался над тем, кем же может оказаться начальник экспедиции с чудовищной фамилией Жмуйдзинявиченене. Но она протянула ему пухлую маленькую ладошку и просто сказала «Лора», и теперь за теми редкими завтраками или ужинами, когда предстартовые хлопоты позволяли им вместе сесть за стол в кают-компанию, он мрачно завидовал Феврие, который с высоты своих семи десятков лет непринужденно обращался к Лоре по имени. Тарумову же, учитывая его неполные тридцать четыре, было неловко называть ее так, и он натянуто молчал, являя собой этакую образцовую дубину в комбинезоне с командирскими нашивками.

Эти неуклюжесть и скованность были если не первой ошибкой, то, во всяком случае, предысторией всех последующих промахов. Но поначалу все шло идеально. За пятьдесят часов отошли так далеко от Теры, что ее гравитационное поле было не страшно для совершения подпространственного перехода — практикой было установлено, что при нырке в подпространство близко от какой-нибудь, пусть даже незначительной массы корабль выныривал не в расчетной точке, а где-то в другой галактике. Подпространством пользовались, имея весьма смутное о нем представление, как в прошлые века гравитацией.

И оно нередко мстило за пренебрежение к себе.

Так случилось и с «Щелкунчиком» — он вынырнул не там, где надо. Правда, в нужной зоне деятельности локаторы с трудом, но нащупали один из контрольных автоматических буюв, по которым можно было сориентироваться для следующего нырка. Но перед этим нырком нужно было тщательнейшим образом перепроверить гиперпространственный преобразователь корабля. Тарумов со своими механиками промаялся трое суток, но никакой аномалии в работе этого агрегата не нашел. Оставалось признать смещение на выходе случайным и продолжать путь.

Вот тут-то Тарумов и заметался. Сначала он посоветовался с Феврие, но тот был слишком осторожен, чтобы высказаться категорически, и отослал его прямехонько на Базу.

База тоже сочла ошибку случайной. Позднее, перебирая в памяти все этапы этого рейса, Тарумов не сомневался, что, прими он решение единолично, он положил бы «Щелкунчика» в дрейф после первого же нырка и спокойно ждал подхода ремонтного буксира, невзирая на тот возможный позор, который ожидал бы его, молодого командира, окажись вдруг, что корабль задрейфовал понапрасну.

Несмотря на тщательнейшую подготовку ко второму нырку, выход из него оказался коронным по стечению неблагоприятных обстоятельств. Мало того, что их отбросило в систему Прогиноны — тусклого красенького солнышка с тремя убогими планетами, — они оказались в одном из опаснейших уголков Галактики, который обладал такой плотностью комет, что напоминал прибрежную полосу Черного моря ранним августовским утром, когда вода кажется комковатым студнем от обилия медуз.

Собственно говоря, корабль, лежащий в дрейфе или идущий на планетарных двигателях, кометы нимало не тревожат — локаторы связаны с кибер-штурманом, который автоматически изменит курс корабля или даст сигнал заблаговременно нырнуть в подпространство.

Современному звездолету комета страшна только тогда, когда она находится именно в той точке, в которой он выныривает, или, как это принято говорить, «проявляется». Вероятность подобного совмещения в пределах солнечной системы практически равна нулю, но в таких космических дырах, как Прогинона, все могло быть.

И случилось именно с «Щелкунчиком».

В первый миг их попросту тряхнуло, словно корабль икнул

всеми своими трюмными потрохами. Экипаж привычно занял аварийные посты и закрепился на случай последующих толчков — пока все это напоминало учебную тревогу, нежели реальную катастрофу. Но слово «комета» прозвучало во всех отсеках, и все знали, что корабельный компьютер уже рассчитывает массу кометного вещества, оказавшегося в том объеме пространства, в котором «проявился» корабль, и теперь заключенного внутри корабля. В центральной рубке на компьютерном табло уже начали загораться первые цифры, и по мере их возникновения по всем отсекам раздался вой сирен — высокий, прерывистый, означавший опасность нулевой степени, или, попросту говоря, опасность смертельную.

Внутри корабля находилось целых четыре грамма посторонней массы!

Конечно, «Щелкунчику» могло повезти, если бы эти злополучные четыре грамма оказались где-нибудь внутри трюмных помещений, тогда это облачко пара бесследно растворилось бы в воздухе, наполнявшем корабль.

Но могло быть хуже — чрезвычайно редко, но так случилось. Неощутимые частицы чужеродной материи проявлялись в металле корпуса корабля, его машин и механизмов. В таком случае даже единичная молекула, мгновенно возникающая между атомами титана, вызывала так называемый «подпространственный резонанс» и как бы вспарывала изнутри сверхпрочный сплав. Единичная!

А здесь «Щелкунчик» нахватался такого количества ледяной пыли, что теперь в нем каверн было как в сыре. При включении двигателей корабль просто-напросто мог треснуть, как яйцо. А двигатели надо было включать, и побыстрее, ведь не вечно же сидеть на самом загривке у кометы — генераторы защитного поля и так работали на полную мощность. Правда, можно было бы уйти в подпространство, но в таком мощном гравитационном поле, да еще с неисправным преобразователем, была возможность вынырнуть в совершенно неизученной части Метагалактики. Ни сигнальных буев, ни других ориентиров. Как тогда прикажете добираться домой?

И запрашивать Базу не было времени: генераторы защиты переключились на форсаж, и нескольких часов, потребных для установления связи через две зоны дальности, они просто не выдержали бы. На этот раз Феврие не стал ждать, когда командир обратится к нему за советом, и тихонько послал Воббегонга, первого помощника, за Лорой.

И вот она сидела в командирском кресле посреди рубки, а они втроем перед нею, словно курсанты на экзамене. Она уже выслушала все варианты и теперь, в свою очередь, выжидающе смотрела на Тарумова — ему же решать, в конце концов.

— Насколько я понимаю, — резюмировала она, — мы или погибнем сразу, или растянем это удовольствие на несколько лет и в неведомой глуши. Так? — Она беспомощно развела пухлыми ручками.

«И эта женщина спокойно командует тремя десятками мужчин!» — с отчаянием подумал Тарумов. Он завидовал ей

с первого же момента пребывания на Тере, но никогда эта зависть не была так сильна, как сейчас.

А Феврие смотрел на них со стороны — молодчина Лора, умница Лора, она так уютно, по-домашнему толкует с этим щенком, словно вся проблема выеденного яйца не стоит. Она прямо-таки накачивает своим спокойствием этого растяпу. А ведь она видит его впервые. И никто не говорил ей, что он прирожденный дублер, не способный принимать самостоятельные решения. Сама разобралась. И ведь главное — она сейчас меньше всего думает о том, какое решение примет командир в данный момент. Она уже уловила, что риск — пятьдесят на пятьдесят. Она заботится о том, чтобы Тарумову не было стыдно вспоминать о своем первом рейсе, когда он пойдет в третий, четвертый, десятый...

— В конце концов, — заключила Лора, — если оба выхода не сахар, то почему бы не взять от каждого по половинке?

Она тряхнула головой, и завитые кудряшки несерьезно подпрыгнули над ее висками. Совершенно не к месту Тарумов подумал, что очарование этой немолодой уже женщины и состоит в органичности ее контрастов...

— Воббегонг, — обратился он наконец к первому помощнику, — попытаемся слезть с заливки этой кометы на самой малой тяге.

— Курс? — спросил Феврие.

— Халфвинд правого галса.

Феврие обернулся к компьютеру — посчитать курс. Слава вселенной — раз уж пошли лихие команды, то все в порядке. Тарумов уже врубал на центральном пульте клавиши оповещения, издавала доносилось хлопанье трюмных люков, зудение сигналов... Обычная предстартовая суэта. И Лора, спокойно и даже несколько безучастно наблюдавшая за всем этим из командирского кресла. А ведь для нее старались. Тарумов лихо командовал, Воббегонг каблуками щелкал. Полный набор звуковых сигналов по всем трюмам воеет — Филадельфийский симфонический, да и только. Устроили последний парад. Мальчишки. Феврие нажал кнопку, и из стены выдвинулось амортизирующее кресло. Он сел, пристегнулся. Тарумов и Воббегонг последовали его примеру.

— Планетарные — на прогрев! — скомандовал Тарумов.

Планетарные двигатели — штука мощная. Вибрация поначалу чуть заметна, ее угадываешь только потому, что ждешь, да иногда начинает тоненько зудеть попавшая в резонанс лампочка. Но затем гигантское тело корабля наливается напряжением, и крупная, с трудом сдерживаемая дрожь бьет эту титановую посудину, словно какое-то живое существо мчалось изо всех сил, пока не наткнулось на невидимую преграду, и вот теперь оно замерло, а дыхание продолжает хлопотать, и сердце готово разнести свою оболочку... И только когда двигатели будут переведены с холостого хода на маршевый, дрожь эта сгладится, стиснутая невыносимо тяжелой лапой перегрузки.

— Штурман, — сказал Тарумов, — как только выйдем

в периферийную зону шлейфа, ляжем в дрейф и пропустим комету мимо себя. Генератор защиты выдержит. А там считаем, что дальше.

— Хорошо, — не по-уставному ответил Феврие.

Однако хорошо ему не было. Феврие давно уже стало страшно и тоскливо, потому что в этот рейс он мог и не идти — Полубояринов давно уже звал его к себе, в координационный центр. Но он отказался, потому что в этот раз набиралось уж слишком много новичков — не считая командира, механика, второй штурман и оба врача.

А сейчас ему было страшно, и еще страшнее стало от одного-единственного слова Тарумова «посчитаем».

За все время пребывания в космосе Тарумов так и не научился решать. Он научился только считать. Считать даже в тот единственный момент, когда четко и безошибочно должна вступить в действие интуиция настоящего космолетчика.

Феврие, как и все старики, удержавшиеся в космосе, такой интуицией обладал, но сейчас работала не она, а простой автоматизм, и он безошибочно вколачивал программу в корабельную «считалку», а закончив свое дело, невольно оглянулся на Лору — впрочем, на нее все оглядывались, словно спрашивая ее молчаливого согласия и одобрения. Она полулежала в командирском кресле, сцепив на крепежной пряжке свои маленькие руки, и безмятежно улыбалась Тарумову.

— Поехали! — сказал командир.

Раньше это слово, с незапамятных времен ставшее уставной командой, ничуть не коробило старшего штурмана, но теперь Феврие почему-то захотелось, чтобы молодой командир сказал что-то свое, а не традиционное. Ведь сейчас после этого слова может случиться все, что угодно.

Ничего не случилось. Тошнотворность перегрузки — и все. Вот уже три секунды — и ничего. Четыре. Пять. Шесть. Семь...

Удар сотряс всю громаду корабля, словно в носовом отсеке разрядился на себя гаубичный десинтор континентального действия. Кажется, был еще лязг и скрежет рвущегося как картон металла, но кровь ударила изнутри в нос и уши, черной режущей болью застлало глаза. Феврие показалось, что его вывернули потрохами наружу и в таком виде швырнули с пятого этажа. Затем «Щелкунчик» подкинуло и опустило, словно на волне. Еще. Еще... Это было не так уж плохо — значит, работали автоматы-стабилизаторы, гасили колебания; но тут, кроме боли и тошноты, появилось еще какое-то внешнее ощущение — на каждом взлете и падении корабля кто-то методически бил штурмана по ногам.

Он разлепил веки и, с трудом подняв руку, протер глаза: нет, ничего — крови на ладони не было. Осторожно, не расслабляя ремней, глянул вниз и оцепенел: то, что било его по ногам при каждой конвульсии корабля, было телом Лоры.

Вероятно, во время первого, самого страшного, удара ее ремни лопнули или она сама нечаянно нажала на затвор пряжки, и ее выбросило из кресла; но рука попала в ремennую петлю, и теперь все тело билось о станину кресельного

Рисунки Г. СУНДАРЕВА

амортизатора, а ноги в высоких зашнурованных ботинках задевали колени Феврие.

Он знал, что надо отстегнуться и попытаться хоть что-нибудь сделать, он даже чувствовал, что у него на это пока еще есть силы, но оцепенение безнадежности было сильное

разума, и он не мог заставить себя шевельнуться и только повторял:

— Все. Все... Все...

Откуда-то сверху на него свалился Тарумов, продержался секунды две, вцепившись в комбинезон, выжидая миг затишья между взлетом и падением корабля, а затем метнул свое тело вниз, в промежуток между креслами. Феврие увидел его бешено дергающиеся губы и скорее угадал, чем услышал сквозь звон в ушах:

— Всем медикам — в рубку! Всем медикам — в рубку!!!

И словно в ответ — глухой стук и вспышка сигнального табло: «Дегерметизация первого горизонта».

Так и есть, рвануло в носовой части. Двигатели вне опасности, но вот большинство систем внутреннего обеспечения... И, между прочим, аварийный лифт, которым обязательно воспользуются все медики. Только бы они успели...

Феврие поймал себя на том, что он инстинктивно ждет еще какой-то беды. Уж если в массу корабля всажено четыре грамма льда, то тут одной каверной не обойдешься. Он скопился на Тарумова — тот уже втащил Лору в кресло и теперь старательно проверял пружки. Значит, и он ждет.

Успели бы медики...

Он не додумал до конца, как вдруг что-то грохнуло прямо над головой, словно треснул потолок, и Феврие почувствовал такую тяжесть, как будто его тело размазали по креслу...

Когда он пришел в себя, корабль шел как ни в чем не бывало. Если бы не специфический запах медикаментов и отсутствие подушки под головой, Феврие подумал бы, что он просто проснулся у себя в каюте. В следующий момент он почувствовал ледяные прикосновения к левой руке — так и есть, поддожины манипуляторов массировали локоть. Вот он где. Медотсек. Но где же врачи?

В этом полупрозрачном саркофаге, способном обеспечить первую помощь без вмешательства людей и именуемом не иначе, как «гроб Гиппократ», Феврие побывал за свою жизнь не один десяток раз. Он бесцеремонно выдернул руку из цепких лапок манипуляторов и сел. «Гроб» не был закрыт. Это говорило о том, что ничего серьезного не произошло и он может самостоятельно покинуть свое место. Но рядом кому-то повезло меньше — крышка была задвинута, и под полупрозрачной выпуклостью синтериклона мелькали многочисленные манипуляторы с иглами и тампонами... Только вот кто бы это мог быть? Ни в экипаже «Щелкунчика», ни в составе экспедиции вроде бы не числилось бритоголовых, тем не менее в саркофаге лежал кто-то небольшой по росту и абсолютно лысый.

Феврие перегнулся через борт и захватил кончик перфоленты, высовывавшейся из-под изголовья соседнего саркофага. Ленту уже отрывали, и фраза начиналась на полуслове: «...ной вибрации. Движения корабля необходимо стабилизировать. Множественность травм черепной коробки...»

В верхнем люке, расположенном у самой стены, показались ноги: по штормтрапу слетел вниз Воббегонг, молча вы-

хватил ленту из рук Феврие, так что он не успел дочитать и до середины, и снова исчез в люке. Феврие продолжал сидеть, подогнув колени и чуть покачиваясь, и все не мог решить, почему это Воббегонг воспользовался межгоризонтальным штреком, а не аварийным лифтом? Каким-то сторонним углом сознания он отмечал, что просто боится думать о главном и цепляется за второстепенные проблемы, экранируя их кажущейся легкостью от чего-то главного и страшного.

Он невольно всматривался в мелькание тампонов и никеля под крышкой соседнего саркофага, как вдруг в неожиданно открывшемся просвете увидел лицо бритоголового незнакомца.

Это была Лора.

Ужас, от которого он пытался заслониться, настиг его, ударил в голову, как бывало при внезапном торможении, когда вся кровь, кажется, готова вырваться через нос и уши. Такого страха у него не бывало ни разу, ни при какой аварии. Степень собственного потрясения ужаснула его, и он вдруг понял, что страх такой непреодолимой силы при виде гибели знакомого человека бывает только у настоящих стариков.

Так вот что с ним. Приступ самой страшной, необратимой болезни — старости.

Он тяжело перевалил свое тело через край саркофага и побрел к штурмтрапу, стараясь не глядеть в сторону Лоры.

То, что они шли на Землю Чомпота — единственную пригодную для посадки планету системы Прогиноны, — не было решением Тарумова. Это было просто единственным выходом. Первый взрыв — вернее, раскол титанира — произошел в главной регенерационной. Вода теперь подавалась только в медицинский отсек, с воздухом было и того хуже — ведь, кроме экипажа, на борту находилась еще и вся Лорина экспедиция. Хотя нет, уже не вся...

Во время второго толчка медики находились в аварийном лифте. Остался ли кто-нибудь из них в живых, когда кабина была сброшена на дно ствола шахты? Теперь это не имело значения — дегерметизация носовых горизонтов... Вот почему надежнее всего было поручить Лору заботам кибердиагностера, в задачу которого входило не только дать полный анализ состояния пациента, но и поддерживать в нем жизнь до оперативного вмешательства людей. Но оперировать было некому.

Поэтому искалеченный «Щелкунчик» мчался к единственной планете, которая могла его приютить до подхода спасателей.

В овальном иллюминаторе тускло голубела освещенная сторона планеты. Один материк был сплошь покрыт обледенелыми скалами, второй, экваториальный, почти сплошь заболочен, так что для высадки годилась только каменистая терраса, спускавшаяся от молодого горного массива, ощерившегося скальными пиками, к топкой равнине. На этот единственный пятачок и нацеливался штурман.

На экране корабельного компьютера ползли данные по климатическим условиям Чомпота: средние температуры, сезонные ветры, зависимость радиопомех от активности Прогиноны...

— Пропустим это? — полувопросительно обратился Тарумов к тяжело осевшему в кресле Феврие. — Погоду дадут нам зонд, а на целый сезон мы тут вряд ли задержимся...

Штурман едва удержался от того, чтобы не спрятать руки за спину и там костяшками пальцев постучать по деревяшке.

— Да-да, — отозвался он с преувеличенной озабоченностью. — У вас ведь шесть зондов, а с посадкой на Чомпоте ни у кого до нас затруднений не было, насколько я помню.

Помнить этого он, разумеется, не мог: космолетчик его класса держал в памяти от двухсот до трехсот планет, но Чомпот не входил в их число. Потому-то командир и предложил:

— А все-таки перепроверим предыдущие посадки...

Садился только «Аларм», разведчик, а «Мирко Сташич», ремонтёр, ходил вокруг да около. Данные корабельного информатория были скупы, из них только следовало, что «Аларму» повезло почти так же, как и «Щелкунчику», с той только разницей, что у него полетели двигатели. Они вызвали ремонтёра и болтались на стационарной орбите, пока не подошел «Мирко». При этом разведчики произвели вполне удовлетворительную съемку поверхности и набрали порядком статистики по атмосфере. База, оперативно разобравшись с этими данными, признала Чомпот к освоению не вполне пригодным, и поэтому высадка людей не производилась. Экипаж «Аларма» прямо на орбите перешел на ремонтёр. «Аларм» был изрядно потасканным кораблем, и его решили бросить, то есть дистанционно опустили на поверхность, дабы он служил автоматическим маяком или, коли понадобится, пристанищем для потерпевших крушение.

— Надо бы задействовать маяк, — забеспокоился Тарумов. — Инженера по связи — в рубку!

Лодария, старший связист, вылез из люка бородой вперед. Следом показался угрюмый Воббегонг с очередной лентой в руках.

— Вы можете задействовать маяк на Чомпоте? — спросил Тарумов.

— А почему нет? — в своей обычной манере вопросом на вопрос ответил Лодария, постоянно раздражавший командира.

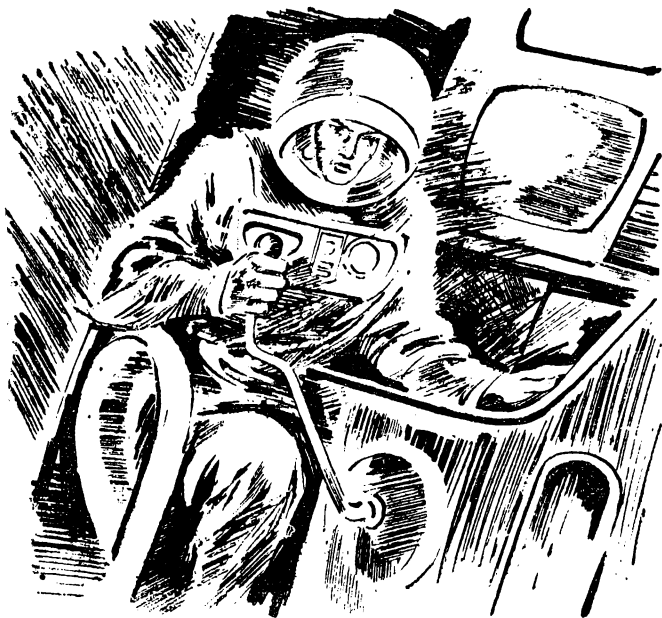
— Вызывайте Чомпот, — сухо сказал Тарумов.

— Это недолго. Только мне бы сначала наладить связь с Базой.

— Что-нибудь с передатчиком? — спросил Воббегонг.

— Боюсь, что с антенной. Ее выход в носовой части не проверишь, пока не сядем.

Это и так было ясно — вся носовая часть, разгерметизировавшаяся при ударе, была наглухо перекрыта автоматическими щитами.

— Проще будет воспользоваться аппаратурой на «Аларме», — сказал Воббегонг. — Главное, быстрее. «Гиппократ» торопит.

— Теперь только сесть как можно ближе к этому разведчику, — почти просительно проговорил Тарумов. — Аппаратура на нем работала надежно, во всяком случае, когда «Мирко Сташич» вышел из зоны слышимости, База приняла все данные с АРПС.

Да, АРПС — автоматическая разведочно-поисковая станция, опустившаяся на поверхность вместе с обезлюдевшим «Алармом», — долгое время посылала сведения об атмосфере, почве, растительности и прочих характеристиках этой малопривлекательной планеты, и сейчас все эти сведения, хранившиеся на всякий случай в электронной памяти каждого корабля, светлыми колонками цифр и обозначений проскальзывали по экрану. Животный мир полностью отсутствовал, даже на уровне простейших, но вот плотность зеленой массы на квадратный километр позволила бы там разводить стада мастодонтов или протоцератопсов.

Но сейчас это мало кого интересовало, и Тарумов протянул уже было руку, чтобы выключить подачу данных, когда на экране возникла лаконичная надпись:

СЛЕДЫ ВНЕЗЕМНЫХ ПОСЕЩЕНИЙ: ЛЕМОИДЫ (!).

— Что? — вне себя крикнул Тарумов. — Еще и лемоиды?

Феврие только покачал головой — это было закономерно. Уж если в этом рейсе на них начало все сыпаться с самого начала, то и кончиться должно было какой-нибудь нечистью.

— Ложимся в дрейф, — чуть слышно пробормотал командир. — Теперь только одно — лечь в дрейф...

Свободный дрейф. Ах как это было бы хорошо, как это было бы спокойно, если б не регенераторы. Если б не передатчик.

И если бы не Лора.

— Командир! — Похоже, что до старшего связиста медленно, но верно начало доходить, кто ими командует. — Командир, я не гарантирую, что мы установим связь с Базой и за десять дней...

— «Щелкунчику» лечь в дрейф, — повторил Тарумов.

«Если бы мои подчиненные когда-нибудь посмотрели на меня так же, как сейчас Воббегонг и Лодария на своего командира, — мелькнуло в голове у штурмана, — я, наверное, выбросился бы в открытый космос. Хотя... чем я лучше его?»

— Воббегонг, — заставил он себя произнести чужим, твердым и молодым голосом, — посмотрите еще раз, как там в медотсеке. А вы, Лодария, постарайтесь не затягивать ремонт на десять дней.

Люк за ними захлопнулся чересчур поспешно.

— А теперь, Сергей, в сложившейся обстановке я беру командование кораблем на себя.

Тарумов прикрыл глаза, словно на него замахнулись.

— Первое, — продолжал штурман, — необходимо проверить, кто из нашего экипажа или из состава экспедиции имел дело с лемоидами. Если таковые имеются — немедленно их в рубку.

Тарумов кивнул.

«Не торопись соглашаться, растяпа, — с горечью подумал Феврие. — Посмотри сначала, а могу ли я взять на себя такую тяжесть. Я ведь не могу. И не возьму. Ты растерялся, ты не знаешь, что главное сейчас — корабль с онемевшими передатчиками, угроза удушья или эти веземные механические нелюди на этом треклятом Чомпоте, куда нам все-таки придется садиться. Но главное не это, с этим мы как-нибудь справимся. А главное — любой ценой спасти Лору Жмудзинявичене. Как это сделать, решать будешь ты».

— И во-вторых, — проговорил штурман тоном, не допускающим никаких возражений, — то, что кораблем команду фактически я, в бортовой журнал ВНЕСЕНО НЕ БУДЕТ.

— Или это не «Аларм», — проговорил Сунгуров, микробиолог экспедиции, — или он валяется как бревно.

Все напряженно всматривались в иллюминатор, который давал цветное изображение поверхности с пятикратным увеличением.

— Можно сбросить еще километра два высоты, но это нам ничего не даст, — проговорил Тарумов. — Пускаем зонд?

Впрочем, вопросительная интонация улавливалась только одним человеком — Феврие. Он так же незаметно кивнул.

— Давайте, — обернулся Тарумов к Воббегонгу. — Если только и зонды не заклинило.

Зонд отделился от корабля исправно и бесшумно, только канареечным светом трепыхнулась сигнальная лампочка и матово затеплился приемный экранчик, дающий изображение. Сначала он был покрыт тенью, но, по мере того как зонд отделялся от корабля, на оливковой поверхности появилось и начало уменьшаться изображение четыреххвостового кашалота — именно так выглядел «Щелкунчик» со стороны. Видимость была ниже средней — распределитель недодавал энергии.

Все смотрели затаив дыхание, словно на экране вот-вот мог появиться лемоид в натуральную величину. Собственно говоря, «лемоид» — это был космический жаргон. С колонией саморазвивающихся киберов люди столкнулись впервые в системе Бетельгейзе спустя четыре столетия после того, как эта мелкая и всесильная своей массой нелюдь была описана Станиславом Лемом, и как-то само собой получилось, что киберы эти оказались на совести писателя, словно он их не только предсказал, но и реально создал, и брошенное кем-то прозвище «лемоиды» вдруг стало общепринятым термином.

С тех пор лемоиды были обнаружены не менее чем в десяти различных уголках вселенной — как на планетах, так и на астероидах. В большинстве случаев они давно уже были безнадежно и неотвратимо мертвы. Различные пути эволюции, в которых проходило это развитие, привели к тому, что ни разу формы киберов не были хотя бы отдаленно схожи. Правда, возраст их был предположительно одинаков, но с такой натяжкой, что на Земле так и не пришли к единому мнению: считать ли всех лемоидов изначально единообразными, принимать ли их за детища одной цивилизации, но разных времен и назначений, или вообще не связывать одну лемоидную популяцию с другой.

Из экипажа «Щелкунчика» только Дан Феврие встречался с лемоидами, но это была мертвая колония, кажется, на Белой Пустоши. Зато из состава экспедиции специалистом по лемоидам оказался Петр Сунгуров, имевший дело с абсолютно живыми и, надо сказать, вполне боеспособными тварями, полонившими Землю Краузайте и обратившими землян в беспрецедентное бегство.

Между тем изображение «Щелкунчика», передаваемое с зонда, стало совсем крошечным.

— Высота три тысячи пятьсот, — доложил Лодарий. — А не пора ли переориентировать зонд на изображение Чомпота?

— Давно пора. И запрашивайте наконец маяк на «Аларме», как-никак, он кувырчался так, что аппаратура...

— Чомпот планетка молодая, — поспешил прервать его опасения штурман. — Его трясет и ломает беспрестанно, так что не будем все беды валить на лемоидов, может, и мертвых.

Видно было, что об этом втайне мечтают все присутствующие.

Внезапно рубка наполнилась прерывистым свистом, словно кто-то нетерпеливо звал собаку.

— Ага, — удовлетворенно хмыкнул Лодария. — «Аларм» таки отозвался. Хотя почему бы аппаратуре и не работать? — Он нахлобучил шлем и переключил прием на себя. Стало тихо.

— Алармовый компьютер на связи, — доложил Лодария. — Рвется дать метеосводку, словно ничего нет важнее. Принять?

— Попозже, — сказал Тарумов. — Есть ли у него связь с Базой?

Лодария мотнул бородой и начал отстукивать шифр запроса — при общении с компьютерами звуковой код был ненадежен.

— Так... Сверхдальняя связь действует... Последняя проверка была сто восемьдесят часов назад... В настоящий момент нет выхода на ближайшую ретрансляционную зону — помехи.

— Защитное поле «Аларма» можно включать дистанционно?

Лодария немного поколдовал своим ключом, прислушался. Все напряженно ждали — собственные генераторы защиты на «Щелкунчике» отказали сразу же после того, как корабль вылез из кометного хвоста. Дьявольский форсаж, а генераторы находились близко от носовой части... Никто из экипажа не говорил об этом вслух, но пока они шли на планетарных, один-единственный метеорит размером в горошину мог покончить с громадой беззащитного «Щелкунчика».

— Поле, оказывается, включено постоянно, — доложил старший связист, — но отсюда управлять им возможно.

— Радиус?

— Триста метров.

Тарумов оглянулся на Феврие — что-то странно было, что у разведчика такого класса, как «Аларм», защитное поле ограничивалось таким малым радиусом.

— Ничего, — сказал штурман. — Возможно, радиус был задан с уходящего ремонтера. Пеленг сейчас устойчивый, и посадить нашу посудину прямо под бок «Аларму» — пара пустяков. А там мы сразу прикроемся его защитным полем.

На словах выходило все удивительно легко.

— Добро, — сказал командир. — А пока страховки ради посадим по пеленгу зонд. И самое время поинтересоваться метеосводкой, мы ведь должны сесть так, чтобы и посуда не зазвела.

Все время наблюдая за Тарумовым, который с каждой командой становился все увереннее, Феврие невольно задавал себе вопрос: а не происходит ли с командиром естественный и неизбежный процесс слияния со всем кораблем, когда чуть и чуть ли не болезненно начинаешь чувствовать работу каждого, особенно искалеченного узла, когда дышишь каждым регенератором и чихаешь при каждой пробке в топливном трубопроводе? Штурман знал, что именно так и рождается НАСТОЯЩИЙ командир, но настоящим Тарумов был не создан. Но если он и способен был в какой-то степени овладеть кораблем, то наверняка забыл о людях.

И вот теперь, после ничего не значащих для посторонних слов, Феврие понял, что и тут он недооценивал своего командира. Тарумов действительно знал, что сейчас самое главное. И, пожалуй, никогда об этом не забывал. Мягкая посадка. Пуховая посадка. Потому что это необходимо для Лоры.

Словно угадав его мысли, Воббегонг нырнул в люк и минутой через полторы выскочил обратно.

— Командир, «Гиппократ» требует в течение часа сообщить ему о возможном режиме движения. И беспокоится о кислороде...

— Высота зонда? — отрывисто спросил Тарумов.

— Тысяча триста.

— Через час мы будем на поверхности и в полном покое.

Феврие снова подумал — не постучать ли по деревяшке...

— Странные помехи, — сказал вдруг Лодария.

Все разом повернулись к экрану зонда. Действительно, вся его оливковая поверхность была испещрена какими-то растушеванными запятыми. Продолговатая туша «Аларма», обозначающаяся было с нормальной четкостью, теперь оказалась как бы закапанной чернильными брызгами.

И брызги эти росли.

— Высота?

— Тысяча шестьдесят пять.

Кляксы уже расплылись по всему экрану, в промежутках между ними едва видимая теперь поверхность Чомпота встала вдруг ребром, совершила противоестественный курбет — и экран погас.

— Запустить второй зонд! — крикнул Тарумов прежде, чем кто-либо успел опомниться. — Второй зонд аналогично по пеленгу, третий — с разрывом в двести метров!

Теперь светилось два оливковых экранчика: нижний с самого начала следил за поверхностью, верхний давал изображение нижнего зонда, напоминавшего несимметричную грушу.

— Тысяча триста... — негромко диктовал Лодария. — Тысяча двести восемьдесят... двести шестьдесят... двести сорок...

— Вот они! — крикнул Воббегонг. — Бросились. Свора.

Отдельные черные запятые становились видимыми не сразу — похоже, что размеры их были порядка метра в поперечнике. Они шли на нижний зонд, не рыская, словно по магнитной наводке.

— Третьему зонду закрепить постоянную дистанцию в сто пятьдесят метров по вертикали!

— Сделано. Тысяча сто во...

Экран нижнего зонда дернулся, задрожал. На нем уже ничего нельзя было разобрать. Зато на верхнем экране было отчетливо видно, как происходит нападение. Тупорылые конусообразные тела налетали на нижний зонд и вцеплялись в него мертвой хваткой. Естественно, в первую очередь доставалось всем выступающим частям: антеннам, датчикам, смотровым линиям, стабилизаторам. Везде, где можно было зацепиться, висело уже по две-три механические твари, нередко друг на дружке. Лемоиды, если это действительно

были они, заваливали зонд собственной массой. Нижний экран погас, на верхнем было видно, как черный бесформенный сгусток валится на поверхность.

— Третий зонд — вверх!

Ошеломленные этим натиском, все забыли о том, что связанной заданной дистанцией третий зонд следом за вторым вошел в зону поражения.

— Поднять третий зонд на высоту тысяча триста!

Поздно. На верхнем экране изображение подбитого зонда дернулось, кувыркнулось — и все повторилось.

Тарумов успел прикинуть, что для того, чтобы вывести зонд из строя, лемоидам потребовалось шесть-семь секунд.

Из шести зондов на «Щелкунчике» осталось только три, а между тем лемоидов даже не удалось как следует разглядеть.

— Хорошо, — неожиданно сказал Тарумов, — очень хорошо. Что общего у этих тварей с теми, которые вам уже встречались?

— Внешне — ничего. — Сунгуров вроде бы даже обрадовался, что настал его черед и он может чем-то помочь. — Наши киберы были много мельче, передвигались прыжками, но не выше, чем в три-четыре метра. Хотя от наших особей как раз и можно было бы ожидать большей легкости в движениях: видите ли, на Земле Краузайте высшей формой жизни являются насекомые, и наши «краузайки» напоминали гибрид муравья и кузнечика...

Командир жестом остановил Сунгурова. Это так просто, неужели никто раньше не обратил внимания?..

— Скажите, Феврие, а кого напоминали лемоиды на Пустоши?

«Ох, мальчик, — подумал Феврие, — ты бы меня не дергал. Я сижу в уголке, изредка одобрительно киваю тебе, когда ты на меня оглядываешься, — и я весь тут. Я не знаю, как назовут это медики: какая-то депрессия, вероятно, но мне сейчас не семьдесят лет, а все сто сорок. Моих сил сейчас хватает только на то, чтобы держаться прямо в кресле...»

Но он пожевал губами, собираясь, и медленно ответил:

— Никого. Никого из земных. Биомеханизмы укоренились...

— Все-таки аналогия есть: земные кораллы, — подхватил Воббегонг. — Я хорошо помню ваши отчеты. Помните, был у вас такой второй механик — Поссомай, он обломил ветку и обнаружил внутри биоконденсатор. Только тогда у вас и возникли подозрения о том, что перед вами останки саморазвивающейся биосистемы.

— А какова наивысшая форма жизни на Белой Пустоши? — спросил Тарумов.

— Если туда ничего не занесли, — уверенно продолжал первый помощник, — то на всей планете не найдешь даже инфузории.

— Так, — сказал Тарумов, — а не кажется ли вам, что лемоиды механически репродуцируют наивысшую форму жизни?

— Да, кажется, — оторвался от своих экранов Лодария, —

но вряд ли это по плечу малому передвижному киберу. Другое дело, если бы колонией управлял единый мозг...

— В отчетах было упоминание об останках какой-то биокомпьютерной системы на Белой Пустоши, — вставил Воббегонг.

— Ну а мы не успели даже толком оглядеться, — честно признался Сунгуров. — Уж очень наши «краузайчики» были хозяйственные: так и норовили растащить все на составные части и упрятать в свои муравейники. Вездеход разобрали по винтикам, а кроликов отпрепарировали в лучшем виде — по косточкам.

— Минуточку, — остановил его Тарумов. — Тогда сразу же напрашивается вопрос: откуда у здешних лемоидов эта агрессивность, если на Чомпоте, как и на Пустоши, нет зверей?

— Мда, — сказал Сунгуров. — Задача. Тем более что «Аларм»-то спокойно приземлился на том же самом месте. Вон он, целый и невредимый, валяется на боку и даже попискивает.

Действительно, «Аларм» тоненько маячил внутри шлема, лежащего на коленях у Лодарии, и эти сигналы звучали, как метроном, отсчитывающий секунды. Время шло.

— Хорошо, — встрепенулся Тарумов. — Четвертый зонд спустим на высоту тысяча триста, и ни миллиметра ниже. Так?

Он привычно обернулся на Феврие, но не стал ждать одобрительного кивка, а продолжал:

— Прочешем район плоскогорья. Движение зонда — по спирали. Посмотрим, как они попрыгают. Посчитаем.

— А может, — с надеждой спросил Лодария, — они однократного действия? Прыгают и разбиваются?

Ох как всем этого хотелось!

Четвертый зонд ринулся вниз, но на этот раз ему было велено не только сохранять заданную высоту, но также держать дистанцию в пятьдесят метров от ЛЮБОГО движущегося предмета.

Зонд опустился, пошел по расширяющейся спирали, но на такой высоте лемоиды не «клевали». Пришлось его приспустить, и вот первые твари пошли в атаку. Зонд беспокойно запрыгал, шарахаясь от каждого агрессора, и видимость стала совсем скверной. Оливковый экранчик транслировал форму «пляску святого Витта», а в иллюминатор нельзя было рассмотреть никаких деталей.

— Что же они делают с нашими зондами, интересно узнать? Жрут, что ли? — Лодария всегда отличался неуемной любознательностью, но сейчас этот вопрос равно волновал всех.

Вопрос действительно требовал ответа, и сделать это мог сейчас только корабельный компьютер, который с самого начала копил все данные с зондов. Тарумов отстучал запрос. **«ПРОИСХОДИТ ПОЛНЫЙ ДЕМОНТАЖ КОНСТРУКЦИЙ»** — появился ответ на компьютерном табло.

— Да, действительно жрут, — уныло констатировал Лодария. — А все-таки, как это выглядит в натуре?

— В натуре это охота за металлоломом, — сказал Воббегонг.

— Почему же они не растащили «Аларм»? — спросил Сунгуров.

— Законсервированный корабль автоматически включает защиту при первой же попытке демонтажа, — рассеянно проговорил Тарумов. — Сам-то корабль они тронуть не смогли...

— Но ведь там не было же людей?!

— Не о людях речь... не о людях...

Видно было, что Тарумов что-то лихорадочно обдумывает.

— Сейчас важно другое... — пробормотал он, одновременно набирая очередной запрос «считалке». — Можно ли считать размещение лемоидов по поверхности в первом приближении равномерным?

Ответ загорелся через доли секунды:

«В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ — ДА».

— Все ли особи, находящиеся в радиусе атаки, принимают участие в нападении?

«АБСОЛЮТНО ВСЕ».

— Воббегонг, проведите зонд по той же самой траектории, но в обратном направлении, по сужающейся спирали. Черные запятые запрыгали столь же резво, что и прежде.

— Равно ли число нападений на прямом и обратном пути? — не доверяя себе, запросил Тарумов.

«ДА».

— Кому там захотелось, чтобы лемоиды разбивались при падении? — спросил командир. — Не вышло.

— Мне хотелось, — покаянно вздохнул Лодария. — А все-таки, командир, что вы имели в виду, когда говорили, что лемоиды не тронули ТОЛЬКО корабль? «Аларм» зондов не пускал...

Тарумов, казалось, не слышал. Он неотрывно следил за экраном, на котором возникали, росли, на какую-то секунду замирали и, сверкнув жирным металлическим боком, уходили вниз конические кляксы. Пробриться сквозь такой рой было бы немислимо. Незащищенный «Щелкунчик», обвешанный мерзкими тушами, обязательно будет дебалансирован. Может быть, он и не рухнет, но посадку никак нельзя будет назвать мягкой. И страшно подумать, что будет в госпитальном отсеке после такого приземления...

Командир молчал. Молчал и Феврие, который за последний час не проронил ни единого слова. Он радовался только тому, что никто, а в особенности Тарумов, не догадывался о его состоянии. Встречаясь взглядом с Тарумовым, он только опускал веки, даже не кивая, но Тарумов чувствовал, что это означает: «Так, командир. Ты все делаешь правильно, командир. Молодчина».

Но где-то в глубине души Феврие чувствовал, что, если бы сейчас Тарумов сделал что-нибудь не так, у него больше не нашлось бы сил вмешаться. И он прикрыл бы веки: «Так, командир», — но больше, вероятно, их не поднял.

Однако с тех пор, как старший штурман взял всю ответ-

ственность за корабль на себя, Тарумов не допустил ни одной ошибки.

— Четвертый зонд застопорить над «Алармом», — продолжал командовать Тарумов. — Давид, еще и еще раз проверьте надежность дистанционного управления защитой. Ведь нам нужно будет отключить ее, когда будем подсаживаться под бок «Аларму».

Командир впервые обратился к связисту по имени, но Лодария этого вроде бы и не заметил. Да, дистанционку он проверит, дело нехитрое, но как командир собирается пройти этот отрезок по вертикали: от тысячи ста до трехсот метров, то есть от линии атаки до границы защиты?

В этот момент раздался металлический сигнал внутренней автоматической связи и на видеофоне возник госпитальный отсек.

В аварийной обстановке один только «Гиппократ» имел право подключиться к рубке, не дожидаясь согласия командира.

— Категорически предлагаю лечь в дрейф, — послышался металлический голос. — Необходим покой и оперативное вмешательство. Почему медперсонал не реагирует на данные кибер-диагностера? Делаю замечание командиру.

Командиру не надо было делать замечаний. В первую же секунду он вскочил и непроизвольно заслонил собой экран со зловещими тупорылыми тенями, словно Лора из своего саркофага могла увидеть этот кошмар. Что он мог объяснить «Гиппократу»? Что взамен покоя он готов отдать все: от последнего глотка воздуха до всей своей крови? Этого было мало. А покоя он гарантировать не мог.

— Мне нужен еще час, — хрипло проговорил он в микрофон. — Один час. Продержитесь любой ценой.

И никто не понял — то ли он просит машину, то ли обращается к самой Лоре. Но Лора слышать его не могла...

— Воббегонг! — Командир сжал спинку своего кресла с такой силой, словно корабль вот-вот должно было снова встряхнуть. — Бомбовый удар по Чомпоту, кольцевой охват «Аларма» с радиусом от трехсот до двух тысяч метров. Плотность заряда ноль, двадцать пять сотых тонны на сто квадратных метров!

На этот раз он даже не оглянулся на Феврие. Внизу не было больше потомков неведомых цивилизаций — было механическое препятствие, подлежащее уничтожению. И если бы кто-нибудь осмелился возразить ему, он, наверное, напомнил бы старинную легенду о том, как несколько веков назад на Землю прилетел всемогущий пришелец. И надо же — сел прямо на шоссе, по которому шли танки Гудериана. Пришелец прекрасно понимал, что перед ним орудия уничтожения, но не посмел вмешаться: видите ли, детища чужой цивилизации, с ними надо еще разобрататься, не двигают ли они каким-нибудь боком прогресс... Бить танки пришлось тогда русским.

А может, он и не вспомнил бы эту байку, а просто отрезал бы: «Всю ответственность беру на себя».

— Готов! — доложил Воббегонг.

— Залп!

В иллюминатор было видно, как стремительно пошли вниз кассеты с бомбами. Вот они промелькнули на экране зонда. Навстречу им метнулись было черные попрыгунчики, но кассеты раскрылись, и лемоиды заметались, сбитые с толку внезапной множественностью целей. На зондовом экране можно было наблюдать, как некоторые киберы все-таки зависают на несколько секунд, словно прицеливаясь, затем вцепляются в корпус бомбы и спускаются вниз мертвым сцепом, но зато явно медленнее, чем при свободном падении. Проследить их дальнейшую траекторию было невозможно, потому что далеко внизу уже запенились первые крохотные бурунчики взрывов, такие нестрашные ввиду своей дальности и бесшумности. Но все прекрасно понимали, какой ад творится там, в трехстах метрах от лежащего «Аларма». Дым и пылевые тучи уже скрыли все плато, и только сам корабль под невидимым куполом защитного поля смотрелся с высоты, как бычий глаз.

— Защита хоть выдержит? — робко подал голос Сунгуров.

Тарумова даже передернуло от такого вопроса. Если полетит защита, то один черт — что садиться, что оставаться на орбите. Без помощи, которая могла прийти только с Базы и только через радиорубку «Аларма», Лора все равно продержится считанные часы. А все остальное — несущественно.

— Регенераторы дохнут, — шепотом предупредил Воббегонг.

— Всем надеть скафандры, — бросил через плечо Тарумов, словно отмахнулся от несущественной мелочи.

Сейчас это действительно было далеко не самым страшным. Гораздо страшнее было то, что снова подключился «Гиппократ»:

— Могу гарантировать еще один час. Командиру принять меры.

— Приготовить параллельный гипнофон, — как нечто совсем обычное и не вызывающее сомнения приказал командир, отключая экран медотсека. — Воббегонг, повторите бомбовый удар, только возьмите радиус побольше. Можно врезать им и по третьему разу. Это еще мой приказ, за него я и отвечу на Базе. А сейчас командование кораблем передаю старшему штурману Дану Феврие. Я буду в медотсеке. Все.

— Нет, — сказал Феврие, — не все.

Тарумов развернулся на этот голос с такой яростью, что, казалось, кресло вылетит из амортизационной станины.

— Нет, — устало, но твердо проговорил Феврие. — Вам предстоит ТАКАЯ посадка, что необходим каждый член экипажа.

— Вы меня извините, Сергей Александрович, — неожиданно вмешался Сунгуров, — вы, разумеется, не в курсе, но у нас с Лорой уже отработан пси-контакт. Так что если дошло до гипнофона, то ни у кого так хорошо это не получится, как у меня. Вы уж позвольте, Сергей Александрович...

И тут Тарумов не нашелся, что возразить. Если бы Сунгуров требовал, доказывал — другое дело. Но он просил.

К тому же отработанный пси-контакт — против такого и

возражать-то было бессмысленно. Гипнофон — дело темное, он далеко не всегда давал положительные результаты.

— Хорошо, — сказал Тарумов. — Идите. Но я прошу вас подождать еще пятнадцать минут — может быть, мы сядем сейчас же и беспрепятственно. Тогда посмотрим...

— Спасибо, Сергей Александрович, — проговорил Сунгуров, смущенно опуская свои длинные азиатские ресницы. — Я пошел.

Он молча втискивался в люк, и все смотрели на него — до сих пор такого неприметного человека, который мог обратить на себя внимание разве что поразительным сходством с гогеновскими таитянами: тот же неевропейский приплюснутый нос, влажные огромные глаза и тропическая медлительность движений. А сейчас он взял на себя параллельный гипнофон, крайне опасную штуку, разрешенную только на сверхдалних рейсах и в таких вот безвыходных ситуациях, как сейчас на «Щелкунчике». Эта «штука» складывалась из обычного гипнофона — аппарата для лечения сном и столь же безобидного мнемопередатчика, используемого для механического впечатывания в память больших объемов статистического или лингвистического характера. Здесь же мнемопередатчик использовался как транслятор, передающий на гипнофон био- и пси-ритмы здорового человека. Опасность заключалась в том, что такое чудовищное напряжение, в котором приходилось пребывать пси-донору в течение нескольких часов без малейшего перерыва, обязательно выливалось в тяжелейшее перенапряжение, а суточный сеанс грозил донору амнезией.

Вот на что ушел Сунгуров, и если бы у него не был налажен контакт с Лорой, Тарумов ему ни за что бы не уступил.

Командир обвел взглядом оставшихся — все тяжело оступившись, штурман был очень бледен.

— Почему не надеты скафандры? — взорвался командир. — Воббегонг, проверьте отсеки. Регенератор работает на лазарет.

Тарумов вздернул змейку скафандра и прокашлялся в микрофон. Надо было поторапливаться — в баллонах запас воздуха на сорок восемь часов, а ведь это и на посадку, и на организацию обороны, и на переселение в «Аларм», а если понадобится — и на частичный ремонт последнего. Так что — времени в обрез.

— Давид, приспустите четвертый зонд, но подтвердите удаление на пятьдесят метров от любого предмета.

Зонд пошел вниз — на оливковом экранчике начали расти и приближаться кучевые облака пыли и пепла. Зонд был уже на высоте шестисот метров. Пятьсот, четыреста. Повис над тучей. Еще немного — и он оказался в медленно поднимающемся тяжелом мареве.

— Переключить на инфракрасный локатор и спускать дальше!

На экране завихрились смерчи нагретого воздуха, а в иллюминаторе все это выглядело далекой пеленой. Впрочем, нет — кажется, возникло какое-то едва уловимое мельтешение...

— Обошли сверху! — резанул слух крик Лодария.

Каша на экране зонда забурлила так, словно кто-то включил гигантскую мешалку. Замелькали светлые тупорылые призраки — значит, внизу, на поверхности, было погорячее. Все уже понимали, что зонд доживает последние секунды. Экранчик засветился ярче, призраков прибавилось, они были уже почти неотличимы от фона. И — разом темнота отключения.

— Их там снова полным-полно, — констатировал Воббегонг. — Может быть, запасные подземные укрытия?..

— Размножаются, скоты, — мрачно предположил Лодария.

— Паника на борту! — прикрикнул командир. — Мы, естественно, ничего в этой каше рассмотреть не могли. Но зонд работал до самого соприкосновения с поверхностью. Как бы он ни кувыркался, наша «считалка» получила достаточно кадров для анализа. Сейчас мы будем знать, что там, внизу, происходит на самом деле.

Его пальцы бесшумно забегали по клавиатуре компьютера, и почти мгновенно на табло заструились строчки ответа:

«В МОМЕНТ ВЗРЫВА В ВОЗДУХЕ НАХОДИЛОСЬ ПРИМЕРНО 75 ПРОЦЕНТОВ ВСЕХ ЛЕМОИДОВ. ИЗ КОТОРЫХ ПОВРЕЖДЕНО НЕ БОЛЕЕ 10 ПРОЦЕНТОВ. ИЗ НАХОДИВШИХСЯ НА ПОВЕРХНОСТИ УНИЧТОЖЕНО 80 ПРОЦЕНТОВ. ПРИНЦИП РЕГЕНЕРАЦИИ ПОКА НЕ ЯСЕН, ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ АНАЛОГОВОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО».

— А откуда они берут металл для этого самого аналогового воспроизводства? — справедливо поинтересовался Лодария.

— А вот это — то, что они могли награбить, не трогая корабля, — ответил Тарумов. — С «Аларма» сошли люди, но, спустившись на поверхность, корабль запустил автоматические станции исследования, которые и снабдили уходящий ремонтник всеми сведениями о Чомпоте. Передвижные биологические лаборатории, метеостанции, буровые самоходки, наконец, солнечные батареи — все, что высунулось за радиус защиты, могло быть разграблено.

— Вдобавок наши собственные зонды, а может быть, и бомбы, — брякнул Воббегонг. — У меня сложилось впечатление, что они поддерживали бомбы в воздухе и опускали их бережно, как сырые яйца. Запросите-ка «считалку», какой процент невзорвавшихся бомб?

Ответ был более чем неутешительный: 40 процентов.

— Мы кормим их сырьем, — резюмировал Лодария. — То-то мне показалось, когда они бросились на четвертый зонд, что их стало даже больше, чем в первой атаке. Проверим?

На табло опять побежали слова:

«ИЗ УЦЕЛЕВШИХ ЛЕМОИДОВ В АТАКЕ НА ЗОНД УЧАСТВОВАЛО ТОЛЬКО 33 ПРОЦЕНТА, ПРИЧЕМ ИХ АКТИВНОСТЬ И, В ЧАСТНОСТИ, СКОРОСТЬ ВОЗРОСЛИ В ТРИ РАЗА.

48 ПРОЦЕНТОВ ЗАНИМАЛИСЬ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ.

ПОЛАГАЮ ЧИСЛЕННОСТЬ ПОПУЛЯЦИИ УЖЕ ВОССТА- НОВЛЕННОЙ».

— У нашей «считалки» хроническая процентомания, — не выдержал вездливый Лодария. — Сорок восемь, тридцать три... В жизни статистика не была более бесполезной, чем тут. Их надо глушить удар за ударом, а тут числовая абра-кадабра...

— Нет, нет, — быстро заговорил Воббегонг, — это не абра-кадабра. Это какие-то строго закономерные цифры, но я видел что-то аналогичное... Но весьма далекое от киберов. Может, спустим еще один зонд, чтобы проследить их поведение?

— Следующего зонда я им не подставляю, — жестко отрезал Тарумов. — А разгромчик будет. Воббегонг, плотность удара увеличить втрое, внешний радиус поражения — пять километров. Залп!

Кассеты ринулись вниз.

— Зонд следом, но не ниже тысячи двухсот метров!

На экране было видно, как расходятся веером смертоносные кассеты. Но их ждали — черные кляксы рванулись на встречу.

— Вот вам и поведение, — Тарумов скрипнул зубами. — Вся свора в воздухе, а мы можем поразить их только по поверхности!

Но в воздухе были не все. Компьютер констатировал:

**«В АТАКЕ УЧАСТВУЮТ 66 ПРОЦЕНТОВ ЛЕМОИДОВ.
АКТИВНОСТЬ ВОЗРОСЛА В ПОЛТОРА РАЗА».**

Воббегонг, обминая похрустывающий скафандр, хлопал себя по несуществующим карманам, словно пытался отыскать затерявшуюся шпиргалку.

Бомбы, обвешанные лемоидами, канули в первичную тучу. Через некоторое время она начала пучиться, указывая на разрывы второй атаки. Но теперь этих разрывов было совсем мало.

— Я же должен, должен вспомнить... — маялся Воббегонг.

Тарумов привычно обернулся на Феврие — тот так же машинально кивнул. Но Тарумов истолковал это по-своему и проследил направление кивка. Адресовался он прямо к пульту.

— Черт побери! — воскликнул командир. — Вы же не в первом рейсе, в самом деле. Если уж вы что-то читали недавно, то это не могли быть ни настоящая книга, ни бумажный журнал, а только фильмокопия, хранящаяся в памяти нашей собственной «считалки». Но ведь она дает и ассоциации первого порядка. Вы давным-давно могли запросить компьютер, какие ассоциации у него вызывают все эти проценты действующих и воспроизводящих...

А Воббегонг уже отстукивал запрос. Вряд ли на него стоило так кричать — ассоциативным блоком в полетах практически не пользовались. Но блок работал безотказно — на табло высветилось:

«РЕГЕНЕРАЦИЯ КЛЕТОК ПЕЧЕНИ».

— Ну, естественно, — обрадовался Воббегонг, — статья Меткафа!

Но его радость осталась неразделенной.

— Ну и что? — воскликнул Тарумов. — При чем тут клетка, если лемоиды в жизни не видели ни одной печени? Не могли же они исследовать дистанционно экипаж «Аларма», пока он находился на орбите? Мы валяем тут дурака, а Сунгуров...

— Да нет же! — чуть не плача, крикнул Воббегонг. — Эти твари действительно воспроизводят картину регенерации клеток печени, словно они проходили курс прикладной бионики!

— А я идиот, — вдруг примирительно сказал Тарумов. — Простите, ради бога, Воббегонг, что я орал на вас. Лодария, быстро выудите из видеозаписи какой-нибудь кадр с крупным планом лемоидов... нет... покрупнее... назад крутите, там их навалом... Вот. Стоп. Включайте ассоциативный блок.

Похоже, что он уже знал ответ. На табло возникло одно слово:

«КРЫСЫ».

— В передвижных лабораториях часто содержатся крысы. Вероятно, алармовская «считалка» сочла планету безопасной и выпустила все свои передвижки из-под защиты. Лемоиды начали грабить все подряд, и животные разбежались. У киберов появилась высшая форма жизни, достойная стать эталоном развития...

— Какое счастье, — прошептал Воббегонг, — что у них были ограничены запасы сырья, иначе они налепили бы чудовищ величиной с вездеход. А пришельцы-то тоже кретины: расшвыряли дары своей цивилизации по всей вселенной и даже не удосужились подумать, до какой степени озверения может довести их киберов элементарная борьба за существование. А нам теперь...

— Стойте! — прервал его причитания командир. — Госпитальный отсек, вы меня слышите? Вызывает командир корабля. Сунгуров, вы не успели... Вижу. Прекрасно. Начинать контакт запрещаю до следующих распоряжений. Все. Отключаюсь. Воббегонг, бегом в камбуз и принесите мне ведро воды. Нет, не обязательно кипяченой. Но поскорее.

Феврие смотрел на него с возрастающим изумлением. Да, Сергей был щенком, но талантливым, всемогущим космическим щенком, упоенным собственным юным всесилием. И еще это был прирожденный, настоящий Командир, испытывавший себя в первом рейсе — и каком рейсе!

— Теперь так: всем взять микрофон... да, сбоку от пульта, в гнездах... Нужна запись с нескольких точек. Лодария, вы самый длинный? На кресло! Воббегонг, передайте ему ведро. Так. Лейте на крышку люка — звончее получится и не слишком скупой струей. Микрофоны пониже... Начали запись!

Меньше чем за минуту стереопленка была готова.

— Давид, оба корабля — на прямую связь. Пленку — в кольцо, и непрерывно транслировать на все плоскогорье. На все не получится? А алармовские вездеходы? На них же пятидесятиваттные динамики. Та-а-ак... Сейчас мы устроим филармонию под открытым небом... Воббегонг, все имеющиеся у нас грозоразрядные ракеты — вниз! Нам надо вызвать вселенский потоп, чтобы обмыть это плато от крысиной

скверны. Готово? А теперь главное: установите связь между гипнофонами наших кораблей. Я знаю, что этого никто никогда не делал. Я знаю, что гипнотрансляция на неизученных планетах строго запрещена. Давайте связь, Давид, а всю кару я приму на себя. Гипноатака неэтична по отношению к разумным или хотя бы живым существам, но перед нами только механические крысы, усвоившие всю крысиную психологию: тупую жадность, звериную агрессивность, эту мерзостную тенденцию вцепиться целой сотней в одного... Но у них должна быть и крысиная трусость. Как там с потопом, Воббегонг?

— Ракеты пошли... видимость ни к черту.

— Ладно, не пожалеем предпоследний зонд. А теперь — приказ по всему кораблю: всем членам экипажа и экспедиции надеть шлемы и подключиться к ближайшему щитку каналов мнемозаписи. Проверьте мембраны на висках! Готово? А сейчас напрягите воображение: наш корабль затоплен водой. Вода сверху и снизу. Мы тонем. Единственный выход — бежать, бежать, бежать без оглядки... Начали! Создайте картину наводнения! Ужаса! Бегства! Минуту, пять, десять — пока я не дам отбоя. Но ни одной посторонней мысли!

Феврие прикрыл глаза. Он знал, что решение будет гениально простым — оно таким и оказалось. Разбудить присвоенный киберами крысинный инстинкт, попасть ему в резонанс, раскачать его, как бы слабо он ни теплился... На какое-то время инстинкт сильнее разума. А этого времени будет достаточно, чтобы сесть и прикрыться чужой защитой.

А между тем зонд уже спустился над самой тучей, еще более разбухшей от мгновенно сконцентрировавшейся над плоскогорьем влаги. Вот ее плотную массу пронизали первые ослепительные разряды... Потоп начался!

— Трансляцию! — кричал Тарумов. — Давид, дайте тысячекратное усиление шума! Воббегонг, где вездеходы? Есть? На тридцать секунд снимите защиту, чтобы они прошли... Хорошо, восстанавливайте защиту! Никому не прерывать гипнотрансляции! Вода! Кругом вода! Ничего, кроме воды!

...Вода стремительно подымалась, затопляя все кругом, она была уже выше колен, подбиралась к поясу... Мутная, ревущая, обрушивающаяся сверху и бьющая фонтаном снизу — вода...

Тарумов очнулся. Если и остальным это удалось с такой же силой — это здорово. Он огляделся. На лицах с полуприкрытыми глазами читался и ужас, и напряжение, и готовность сорваться с места и панически бежать... Впрочем, нет, одни глаза не были закрыты. Бессильно прищуренные, слезящиеся, старческие.

— Очень плохо? — одними губами спросил Тарумов. — Сейчас мы сядем. Они же бегут, Дан! Они бегут...

Зонд бесстрашно влез в самую тучу, и на его инфраэкрane мелькали последние призрачные контуры, напоминающие непомерно разжиревших крыс. Затем мельканье прекратилось.

Командир выждал еще несколько минут. Удирали они на пяти «g», но лучше подстраховаться... А вот теперь пора.

— Отбой по всему кораблю! — Он обернулся к Феврие. — Садимся по пеленгу, пока они не опомнились. Садимся, Дан! Мы садимся.

«Мы, — подумал Феврие. — МЫ. А если сказать ему правду? Сказать, что все это время он действовал сам, и действовал по большому счету, как настоящий командир? Сказать, что я сломался в самом начале, после первого толчка, что со мной произошло то, во что я просто не верил, хотя мне про это и рассказывали старики, — что ко мне не постепенно, как это бывает на Земле, а разом, в единый миг, пришла глубокая старость, когда не можешь ничего: ни духом, ни телом... Надо бы это ему сказать — заслужил. Собственно, спас всех, не одну только Лору. Но если сказать это ему — он останется командиром. Он ринется во второй рейс, и все будет благополучно. И в третьем ему все сойдет. И в десятом. Такие фантазмагории, как эта, бывают чрезвычайно редко. Но где-то в самом безопасном, неприметном рейсе все повторится, а рядом может не оказаться старого космолетчика, который поймет, что перед ним дублер, второй номер, который скажет: считай командиром меня. Действуй так, словно ты находишься за моей спиной. Будь спокоен, первый здесь и до посадки — я, а ты — только второй... Нет. Ничего я ему сейчас не скажу. Мы посадим корабль, твердо зная, что делаем это в последний раз. И, вернувшись на Базу, мы уйдем вместе: я — потому что я кончился как звездолетчик, а он... он больше не сможет командовать кораблями, ни на минуту не забывая, как он сажал «Щелкунчика» на Чомпоте, спрятавшись за мою спину...

На поверхности плато гигантскими оспинами виднелись воронки. И только за чертой силовой защиты начиналась гладкая поверхность. В иллюминатор влезли оплавленные дюзы «Аларма».

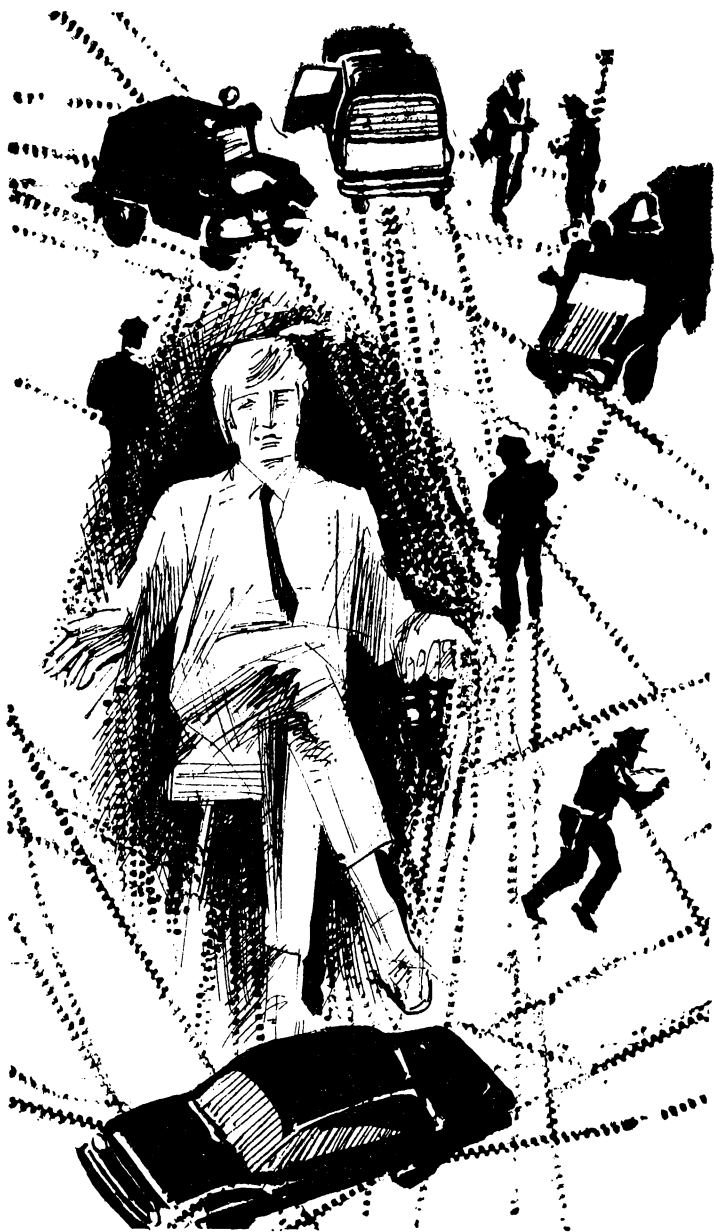
— Отключить защиту! — скомандовал Тарумов.

«Щелкунчик» сел так мягко, что никто этого не заметил.

— Защиту восстановить, наладить связь с Базой... Госпитальный отсек, как гам Лора?

— Лора держится, — ответили ему из госпитального.

ДЕЛО О НАЕЗДЕ

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Некотрые боссы придерживаются твердого правила — никогда не смешивать работу и личную жизнь. Именно к такому типу начальников принадлежал Роджер Эйткен. Лишь после того, как он упал с лестницы и сломал себе ногу, я попал к нему домой и увидел его жену.

До этого случая он меня к себе ни разу не приглашал, и это меня нисколько не беспокоило. По-моему, нет ничего хуже, когда начальник, крупная птица, изображает из себя эдакого отца родного. Если шеф раз в месяц устраивает дома званый ужин для сотрудников, совершенно нестерпимый ужин, на котором все боятся притронуться к рюмке или повысить голос, от такого шефа надо бежать как от чумы — в этом я твердо уверен.

Роджер Эйткен являл собой совершенно противоположный тип босса — это был босс-феодал. Людей он подбирал себе очень тщательно и платил им на четверть больше, чем любое другое рекламное агентство. Примерно неделю он присматривался — подходит человек или нет, и если решал, что нет, невезучим приходилось с треском вылетать вон.

Эйткен возглавлял «Международное Тихоокеанское агентство» — самое большое и лучшее рекламное агентство на всем побережье. Прежде чем попасть туда, я работал в маленьком занюханном рекламном бюро, которое одной ногой стояло в финансовой могиле, а босс его вскоре загремел в дом для неизлечимых алкоголиков. Было это года два назад. Хорошо помню, я сидел за своим столом и ломал голову, как лучше подать рекламу посудомоечной машины — это убогое создание даже не могло счистить с тарелки остатки соуса — как вдруг мне позвонила секретарша Роджера Эйткена. Она сказала, что Эйткен хочет видеть меня по личному делу и просит зайти к нему в шесть часов.

Я, разумеется, много слышал об Эйткене. Я знал, что он управляет агентством, принадлежащим кучке богатых бизнесменов, и делает это очень здорово. Естественно, я сразу же подумал: а не хочет ли он предложить мне работу? Естественно, я заволновался: работать в «Международном» считалось мечтой для любого рекламщика на побережье.

В шесть часов я как штык стоял в приемной агентства, а еще через пять минут — перед столом Эйткена, стараясь мужественно выдержать взгляд стальных голубых глаз, который, как нож масло — по-моему, здесь это сравнение уместно, — пронзал меня до самого затылка.

Эйткен был крупный, выше ста восьмидесяти сантиметров роста мужчина, ширококостный, с живым лицом. Рот его напоминал защелкнутый капкан, агрессивная челюсть — челюсть крупного чиновника. Выглядел он лет на пятьдесят семь и был полноват в талии, но если это и был жирок, то жирок тугой, плотный. Короче говоря, было ясно, что этот человек держит форму.

Секунд десять он пристально рассматривал меня, потом поднялся, вытянул вперед руку и крепко, до боли в косточках, пожал мою.

— Вы Честер Скотт? — требовательно спросил он. Голос его, безусловно, можно было услышать в приемной, не прикладывая ухо к замочной скважине.

Не знаю, за кого еще он мог меня принять, поскольку, прежде чем добраться до его кабинета, я назвал свое имя по меньшей мере четырем его служащим.

Я сказал, что я — Честер Скотт.

Он открыл лежавшую на столе папку и постучал по ней пальцем.

— Ваша работа?

В папке было около двух десятков вырезок из разных газет и журналов — реклама, сделанная мной за последние четыре-пять месяцев.

Я сказал, что это — моя работа.

Он закрыл папку и начал вышагивать по комнате.

— Не так уж плохо, — заметил он. — Вы могли бы мне подойти. Сколько они вам платят?

Я назвал сумму.

Он приостановился и уставился на меня, как будто не слышал.

— Вам известно, что вы стоите больше?

Я сказал, что известно.

— Почему же вы сидите сиднем и ничего не предпринимаете?

Я сказал, что последнее время у меня было много работы, и думать о чем-то другом не приходилось.

Еще несколько секунд он не спускал с меня глаз, потом обошел вокруг стола и сел в свое кресло.

— У меня вы будете получать на сотню в неделю больше, чем сейчас. На работу можете выйти с понедельника.

Так я начал работать в «Международном».

С тех пор прошло два года. Я за это время вырос, стал в агентстве вторым человеком после Эйткена и подчинялся только ему самому. Получал я столько, сколько два года назад мне и присниться не могло. У меня появились «кадиллак» с открывающимся верхом, бунгало с тремя спальнями и видом на океан, мальчишка-филиппинец, помогавший мне вести холостяцкое хозяйство, а также счет в банке на кругленькую сумму.

Только не думайте, что я вышел на этот уровень, посиживая в кресле и покуривая сигаретки. Если вы попадете к Эйткену, вам приходится вкалывать до седьмого пота. Каждый день, включая субботы, я садился за свой стол ровно в девять утра и нередко просиживал до полуночи. Платили в «Международном» прилично, но Эйткен за эти деньги драл три шкуры. Я, наконец, в жизни своей так много не работал, но мне это нрави-

лось, к тому же со мной работали хорошие ребята: каждого парня или девушку Эйткен отбирал лично, а это кое-что значило. Короче говоря, я был на вершине блаженства. Слезать с этой вершины я никак не собирался, но, к сожалению, иногда обстоятельства складываются не так, как нам этого хочется.

Однажды жарким июльским вечером все вдруг полетело кувырок. Я поздно засиделся на работе — было что-то после девяти. Со мной оставались только моя секретарша Пэт Хэнесси и художник-график Джо Феллоуз.

Феллоуз показывал мне какие-то куски рекламы для еженедельников, и тут на столе Пэт зазвонил телефон.

Я не слушал, о чем она там говорила, — мы с Джо исправляли один из его эскизов. А Пэт повесила трубку и тихим спокойным голосом сказала:

— Мистер Эйткен сломал ногу.

— Жалко, что не шею... — сострил было Джо, но тут же осекся. — Шутись, что ли?

Пэт взглянула на меня.

— Звонила его экономка, — сказала она. — Мистер Эйткен поскользнулся на лестнице в «Плаза Грилл». Он упал и сломал ногу.

— Это в духе нашего шефа! — довольно беспардонно воскликнул Джо. — Если уж ломать ногу, так не где-нибудь, а в «Плаза Грилл». А какую ногу, она не сказала?

— Заткнулся бы ты, Джо, — оборвал его я. Потом спросил у Пэт: — А где он? В больнице?

— Его отвезли домой. Он хочет видеть тебя. Экономка просила передать, чтобы ты приехал прямо сейчас.

Тут я вдруг сообразил, что и понятия не имею, где живет Эйткен.

— Где его найти? — спросил я, вставая.

— У него небольшая хибарка на Пальмовом бульваре, — с циничной улыбкой ответил Джо. — Такой милый домишко на двадцать четыре спальни, а гостиную можно вполне использовать под автобусный гараж. Ни дать ни взять — загородная дачка из рекламного проспекта.

Его юмор был явно неуместен. Я вопросительно повернулся к Пэт.

— Это «Гейблз», на Пальмовом бульваре, — быстро сказала она. — Третий дом справа.

Она начала вытаскивать из ящиков и папок какие-то бумаги и складывать их в одну папку.

— Это еще зачем? — удивился я.

— Могут пригодиться. Ты думаешь, Р. Э. зовет тебя только для того, чтобы ты посидел с ним? Завтра заседание правления, и вести его придется тебе. Он обязательно захочет посмотреть все бумаги, вот увидишь, — и она сунула папку мне под мышку.

— Да человек же ногу сломал! Какая ему сейчас работа! Небось на стенку лезет от боли!

— Возьми бумаги, Чес, — сказала Пэт серьезно. — Вот увидишь, понадобятся.

Она была права. Бумаги действительно понадобились.

«Гейблз» оказался огромным домом, окруженным садом акра примерно на два, с прекрасным видом на океан и далекие горы.

Насчет двадцати четырех спален Джо, конечно, загнул, но за десять я мог поручиться. Дом был хороший. Во всяком случае, я бы в таком жил с удовольствием.

Слева от дома находился приличных размеров бассейн, а также гараж на четыре машины, в котором стояли солидный «бентли» — Р. Э. ездил в нем на работу, спортивный «кадиллак», «бьюик» фургонного типа и маленький «ТР2».

Залитый светом сад утопал в цветах: розы, бегонии, петунии... Пустынный в эту пору бассейн тоже был освещен. Я проехал по дорожке, посыпанной гравием. Вот это бассейн! Ну и красотища! А если еще вокруг будут нежиться красотки в бикини...

Я был слегка ошарашен всей этой роскошью. Я, конечно, знал, что Р. Э. — птица высокого полета, но и подумать не мог, что у него такие доходы.

Я вышел из машины, поднялся по лестнице — к парадной двери вели двадцать мраморных ступенек — и нажал на кнопку звонка.

Через некоторое время дверь открылась. На пороге, вопросительно подняв седые брови, стоял высокий полный человек в костюме английского дворецкого. Позже я выяснил, что звали его Уоткинс и Р. Э. выписал его из Англии за приличную сумму.

— Я Честер Скотт, — отрекомендовался я. — Мистер Эйткен ждет меня.

— Да, сэр. Сюда, пожалуйста.

Я прошел за ним через большой холл, потом вниз по лестнице в комнату, видимо, служившую Р. Э. кабинетом. Там стояли стол, диктофон, четыре кресла, радиоприемник. Вдоль стен — полки с книгами, тысячи две книг.

— Как он себя чувствует? — спросил я Уоткинса.

— Все необходимые меры были приняты, сэр, — сказал он замогильным голосом. — Прошу вас, подождите несколько минут, пока я сообщу ему о вашем приходе.

Он удалился, а я подошел к полкам и стал рассматривать корешки книг.

Через некоторое время Уоткинс вернулся.

— Мистер Эйткен готов принять вас.

Прижимая к боку папку, которую мне сунула Пэт, я прошел за Уоткинсом по коридору в лифт, который поднял нас на два этажа. Через широкий вестибюль мы подошли к двери. Уоткинс легонько постучал, повернул ручку и сделал шаг в сторону.

— Мистер Скотт, сэр.

Я вошел в большую и типично мужскую комнату. Портьеры на большом окне были раздвинуты, и за ним плескался освещенный луной океан. А на единственной в комнате софе лежал Эйткен.

Выглядел он как всегда, если не считать того, что я привык видеть его на ногах, а не в постели. В зубах у него торчала сигара, а поверх одеяла была навалена куча бумаг. У изголовья горела лампа, остальную же часть комнаты скрывала темнота.

— Входите, Скотт, — сказал Эйткен, и по тому, как скрипнул его голос, я понял, что собственное положение доставляет ему мало удовольствия. — Здорово я устроился, да? Берите стул. Ну, ничего, я заставлю этих кретиннов заплатить! Я послал моего адвоката полюбоваться на эти ступеньки — это же настоящая

волчья яма! Прищучить-то я их прищучу, только нога от этого здоровей не станет.

Я поставил стул поближе к софе и сел. Потом начал было выражать соболезнование, но он отмахнулся.

— Не надо, — устало произнес он. — Это все пустые слова, какой от них толк? Если верить этому дураку доктору, я вышел из строя по крайней мере на месяц. В моем возрасте и при моем весе ломать ноги не очень-то рекомендуется. Если не отлежать сколько положено, можно остаться хромым на всю жизнь, а такая перспектива мне никак не подходит. Поэтому я буду лежать. А завтра заседание правления. Вести его придется вам. — Он посмотрел на меня. — Справитесь?

Проявить скромность? Нет, это был явно не тот случай.

— Скажите, как я должен провести заседание, — твердо сказал я, — и я его проведу.

— У вас бумаги с собой?

Спасибо тебе, дорогая моя Пэт! Каким балбесом я бы сейчас выглядел перед шефом, если бы не ты!

Я вытащил из папки бумаги и протянул их Эйткену.

Секунд десять он смотрел на меня в упор, потом на его непроницаемом лице появилось некое подобие улыбки.

— Знаете, Скотт, — сказал он, беря бумаги, — вы очень толковый малый. Как вы догадались взять это с собой? Как догадались, что я не лежу здесь бездыханный и ни на что не годный?

— Я просто не могу представить вас в таком состоянии, мистер Эйткен, — учтиво произнес я. — Свалить такого человека, как вы, не так-то просто.

— Да уж это точно.

Я понял, что попал в самую точку. Положив перед собой бумаги, он наклонился вперед стряхнуть с сигары пепел в стоящую на столике пепельницу.

— Ответьте мне на один вопрос, Скотт, у вас есть деньги?

Вопрос был настолько неожиданным, что какой-то миг я с удивлением смотрел на Эйткена.

— У меня есть двадцать тысяч долларов, — ответил я наконец.

На этот раз удивился он.

— Двадцать тысяч? Совсем недурно, а? Похоже, я вас так перегрузил, что вам некогда было их истратить?

— Да нет, — ответил я. — Просто большая часть этих денег досталась мне по наследству.

— Я вам объясню, почему я задал этот вопрос, — сказал он. — Мне надоело гнуть спину на какого-то дядю. Я хочу перебраться в Нью-Йорк и открыть там самостоятельное дело. В ближайший месяц управлять «Международным» придется вам. Я вам буду говорить, что надо делать, и делать будете вы, а иногда решение придется принимать с ходу, консультироваться со мной будет некогда. Мне ни к чему, чтобы вы звонили сюда каждые полчаса и спрашивали, как сделать это и как сделать то. Я дам общую установку, а уж действовать будете сами. Если увижу, что вы справились, я дам вам возможность, за которую любой, занятый в нашем бизнесе, отдал бы все на свете: если вы согласитесь вложить деньги в дело, будете моим компаньоном. Это значит, что Нью-Йорк будет на вас, а я буду пока продолжать зани-

маться «Международным». И тогда мы оба сможем зарабатывать хорошие деньги. Ну как?

— Господи, ну конечно. — Я выпрямился. Как сильно колотится сердце!— Вы можете рассчитывать на меня, мистер Эйткен.

— Ну ладно, посмотрим. Пока что ваша задача — справиться с «Международным». Справитесь — я вас беру. Не справитесь — разговора не было. Ясно?

Не успел я как следует обдумать, какая передо мной открывается возможность, мы сразу же перешли к обсуждению завтрашнего заседания. Но позже я понял: такое выпадает раз в жизни. Это запросто позволит мне подняться на один порядок выше, перейти в класс Эйткена, а там, рано или поздно, — полная самостоятельность! С двадцатью тысячами долларов на кону, с возможностями, какие открывает Нью-Йорк перед молодым предприимчивым рекламщиком, и с поддержкой Эйткена это действительно был случай, за который любой в нашем бизнесе отдал бы все на свете.

Я просидел у Эйткена два с половиной часа. Мы изучали протоколы предыдущих заседаний, потом обсуждали задачи на новую неделю. Наконец примерно в половине двенадцатого в комнату вошла высокая худая женщина в черном шелковом платье — это, как я потом выяснил, была его экономка миссис Хэппл — и прервала наше бдение.

— Пора вам немножко и отдохнуть, мистер Роджер, — сказала она, и по глазам ее было ясно, что никаких возражений она не потерпит. — Вы уже пересидели лишних полчаса.

Я ожидал, что Р. Э. пошлет ее к черту, но этого не случилось.

— Ох уж мне эти лекари, — не глядя на нее, проворчал он и оттолкнул от себя бумаги. — Ладно. Забирайте эту макулатуру, Скотт.

Я начал складывать бумаги в папку. Эйткен продолжал:

— Что ж, придется целый месяц со всем этим мириться. Как только заседание правления окончится, звоните мне. Будьте осторожны с Темплменом. От него в любой момент можно ждать пакостей. А завтра вечером снова приезжайте сюда. Я хочу знать, как вам удастся утрясти вопрос со счетом Вассермана.

Я заверил его, что все сделаю, как надо, пожелал ему спокойной ночи и с облегчением вышел из комнаты.

Подойдя к лифту, я нажал на кнопку, но ответного сигнала не было. Наверное, кто-то внизу забыл захлопнуть дверцу шахты. Я пошел вниз по лестнице.

Внизу я увидел площадку, на которую выходило несколько дверей. Одна из них была широко распахнута, и лившийся из нее свет прямоугольником высвечивал бело-зеленый ковер.

Ковер на ступеньках был такой толстый, что я не слышал собственных шагов. Поэтому, наверное, их не услышала и она.

Она стояла перед большим, в полный рост зеркалом и любовалась собой. Чуть склонив голову набок, она поднимала с плеч длинные каштановые волосы. На ней были забавные короткие штанишки, которые кончались чуть выше колен. А ноги босые.

Более очаровательного создания я не встречал за всю свою жизнь. Ей было года двадцать два, а скорее всего двадцать. Это была сама молодость, красота и свежесть, и все в ней, от

длинных блестящих волос до маленьких босых ног, манило и будоражило.

Я увидел ее и почувствовал, как во мне вспыхнула искра, которая словно разожгла костер — меня всего обдало жаром, голова пошла кругом.

Замерев на месте, я стоял в полутьме и смотрел на нее. Никогда еще я не встречал женщину, которую желал бы так страстно — иначе почему же так громко стучит в висках кровь, почему так бешено колотится сердце?

То ли она инстинктивно почувствовала, что на нее смотрят, то ли ей просто надоело, любоваться собой — во всяком случае, она шагнула в сторону, и дверь захлопнулась.

Еще секунд десять я заворуженно глядел на закрытую дверь, потом машинально пошел вниз и через один пролет оказался в холле. И только там я остановился, достал платок и вытер вспотевшее лицо.

Из гостиной вышел Уоткинс.

— Сегодня теплая ночь, сэр, — сказал он, буравя меня хитрым пронизательным взглядом.

Я сделал движение в сторону парадной двери. Он предупредительно открыл ее.

— Доброй ночи, сэр.

Я что-то буркнул в ответ и вышел в теплую тихую тьму. Как хорошо, что сейчас надо будет ехать, держаться за баранку!

Ее отделяло от Эйткена лет тридцать пять, не меньше, но что-то подсказывало мне, что она ему не дочка и не любовница. Что-то внутри говорило мне, что она ему жена, и от этой мысли меня затошнило.

2

В ту ночь я спал плохо — от разных мыслей пухла голова. Я думал о предложении Эйткена — такой случай, безусловно, выпадает раз в жизни. Я думал о предстоящем заседании правления — орешек, который необходимо разгрызть.

«Международное Тихоокеанское агентство» имело пять директоров. Четверо из них были банкирами, они полностью доверяли Эйткenu и в вопросах политики фирмы всегда шли ему навстречу. Пятый же — адвокат Селвин Темплмен — считал себя крупным знатоком рекламного дела и поэтому часто вмешивался в работу Эйткена. Завтра тягаться с ним придется мне, и эта мысль не доставляла никакого удовольствия.

Еще одна проблема — счет Вассермана. Джо Вассерман возглавлял крупнейшую фирму на всем побережье по изготовлению телевизоров. Он принадлежал к числу наиболее важных наших клиентов, платил большие деньги и прекрасно это знал. Время от времени он грозился, что расторгнет с нами всякие отношения и передаст всю рекламу, а вместе с ней и деньги другому агентству. Но пока нам удавалось его удержать. Он был одним из немногих, с кем всегда имел дело лично Эйткен. Теперь эта обязанность ложилась на меня, и это тоже не доставляло мне удовольствия.

Наконец, меня мучила мысль о том, что, по всей вероятности, в течение целого месяца хозяином в «Международном» буду я.

Это значит, что под моим началом будут работать сто пятнадцать мужчин и женщин, а в любое время рабочего дня мне могут позвонить, написать или обратиться со своими проблемами лично двести три клиента нашего агентства, ни секунды не сомневаясь, что я мгновенно отвечу на любой их вопрос. Раньше это меня не особенно беспокоило — я знал, что, если захожу в тупик, всегда можно обратиться к Р. Э. и предоставить искать выход из лабиринта ему. Собственно, я мог поступить так и сейчас, но его мнение обо мне резко бы упало.

Короче говоря, и эта мысль доставляла мне мало радости.

За окном светила луна, с легким шелестом накатывался на берег океан, а я лежал в постели, окруженный, казалось, совершенно неразрешимыми проблемами. И вдруг я понял, что лежу в темноте без сна вовсе не из-за них — у меня перед глазами стояла любующаяся собой в зеркале жена Роджера Эйткена.

Вот почему я не мог заснуть! В сознании у меня еще и еще раз проигрывалась виденная мною картина: она — сама свежесть и красота — поднимает с белых плеч густые каштановые волосы, тонкая рубашка обтягивает изящную грудь. Такая невыразимо желанная, но, увы, жена Роджера Эйткена.

Почему Эйткен женился на ней — ведь она годилась ему в дочери? А она, она-то почему вышла за него замуж? Уж, конечно, не по любви, какая же девушка полюбит такого человека, как Р. Э.?

Только не думайте, что я не пытался отогнать эти мысли. Наоборот, я всячески старался не думать о ней. Но ничего не помогало.

Утром я приехал на работу в начале десятого. У самого лифта столкнулся с Пэт. Лифт был переполнен, и нас прижали к стенке. Мы только молча улыбались друг другу — вокруг было слишком много ушей.

Как только мы выбрались из лифта, я рассказал ей о предложении Р. Э.

— Ой, Чес, как это прекрасно! — воскликнула она. — Я всегда удивлялась, почему он не перебирается в Нью-Йорк. Подумать только — ты будешь там за главного!

— Еще ничего не решено. Я могу все завалить здесь, и тогда затея лопнет.

— Что значит завалить? Как ты можешь так думать? Ты прекрасно со всем справишься.

— Если я попаду в Нью-Йорк, ты мне там понадобишься, Пэт. Без тебя я просто не смогу работать.

Глаза ее блеснули.

— Даже если ты меня не возьмешь, я все равно поеду. Мне всегда хотелось работать в Нью-Йорке.

Через некоторое время, когда я занимался изучением почты, в комнату ввалился Джо Феллоуз.

— Привет, босс, — он осклабился. — Как там наш старик?

— Все такой же. Единственная разница — не ходит взад-вперед, а лежит, — отшутился я. — Слушай, Джо, я сейчас занят. Через десять минут мне проводить заседание правления. У тебя какое-то дело?

Рисунки А. ГУСЕВА

Джо сел на край моего стола.

— Успокойся, малыш. Подумаешь — заседание правления. Я хотел услышать, что наш старик корчится от боли и страдает— мне бы это доставило удовольствие. Готов спорить, что от его стонов разлетелись все вороны.

— Как бы не так. Он профессиональный стоик. Так что я вынужден тебя разочаровать, Джо, а сейчас сматывайся, мне нужно прочитать почту.

Джо не пошевелился. Он с недоумением смотрел на меня.

— Ты плохо выглядишь. В чем дело?

Мы проработали вместе два года, и он мне нравился. Среди рекламщиков второго такого графика не было. Он часто говорил, что вместо Эйткена предпочел бы иметь шефом меня, и я знал — если мне когда-нибудь выпадет возможность открыть свое дело, он пойдет ко мне работать с радостью.

Поэтому я рассказал ему о перспективе покорения Нью-Йорка.

— Потрясающе! — вскричал он, как только я кончил. — Ты, Пэт и я — это будет такая группа, какую еще не знал мир! Если ты не заграбастаешь эту работу, Чес, я тебя задую.

— Ну если так, придется постараться, — с улыбкой ответил я.

Он соскользнул со стола.

— А кстати, ты вчера, когда был у Р. Э., жену его не видел?

Меня бросило в жар. К счастью, я в этот момент перебирал бумаги и, слава богу, мог не смотреть на него, иначе, боюсь, я бы себя выдал.

— Жену? — Я вложил в голос все бесстрашие, каким располагал. — Нет, не видел.

— Ну так ты пропустил премьеру. Это такой блеск, доложу я тебе! Я как-то случайно видел ее, так она мне с тех пор снится.

Я уже более или менее овладел собой и поэтом поднял голову и взглянул на него.

— И что уж там такого особенного?

— Вот ты ее увидишь и поймешь, что задал глупейший вопрос года. Что особенного? Да один ее мизинец довел меня до такого экстаза, до какого не доводила ни одна девушка! Ей всего-то лет двадцать, но ты бы видел эту красоту! Как подумаю, что такая конфетка досталась этой маринованной старой кислятине с кулаком вместо сердца — сдохнуть хочется!

— Откуда ты знаешь, может, она с ним счастлива.

— А ты поставь себя на ее место. Разве молодая и красивая девушка может быть счастлива с таким мужем, как Р. Э.? — спросил Джо с ухмылкой. — Эта сказка стара как мир. Ее могла вдохновить на такой брак только одна вещь — его чековая книжка. Плоды налицо: она живет в доме с двенадцатью спальнями, она может украсить свою прелестную шейку брильянтовым ожерельем, даже сам Р. Э. целиком принадлежит ей. Но вот что она при этом счастлива — это уж дудки, но поверю.

— Знаешь, а я, как ни странно, никогда не слышал, что он женат. Откуда она взялась?

— Понятия не имею. Скорее всего дрыгала ножками в каком-нибудь кабаре. Он женился на ней за год до того, как к нам пришел ты, — сказал Джо. — Это значит, когда он ее подцепил, ей было лет семнадцать — прямо, можно сказать, из колы-

бельки. Короче, при случае советую на нее взглянуть. Она того стоит.

Задуматься над словами Джо сразу мне было некогда, но позже я над ними задумался, задумался серьезно. Мысль о том, что она просто продалась Эйткену, казалась отвратительной, но я чувствовал — Джо не ошибся. Она вышла за него замуж из-за денег — никакой другой причины здесь быть не могло.

Часов около трех я позвонил Эйткену. Чувствовал я себя так, будто меня пропустили через бельевой барабан. Заседание правления только что закончилось — мне пришлось изрядно попотеть. Увидев, что Эйткена нет, Темплмен совсем было распоясался и ничего не хотел слушать, но мне удалось поставить его на место, а заодно и остальных директоров. Я получил их согласие по всем важным для Эйткена позициям, и это само по себе было полным триумфом.

Поэтому, как только кончилось заседание, я позвонил Эйткену. Трубку сняли после первого гудка, и женский голос сказал:

— Алло! Кто говорит?

Я сразу понял, что это она, и от звука ее голоса у меня захватило дух.

— Алло! Кто говорит? — повторила она.

— Это Честер Скотт, — выдавил я с трудом. — Я хотел бы поговорить с мистером Эйткеном.

— Мистер Скотт? — переспросила она. — Конечно, разумеется. Он ждет вашего звонка, одну минуточку.

— Как он себя чувствует? — спросил я, чтобы продлить удовольствие — боже, какой мягкий, волнующий голос!

— Спасибо, хорошо. — Особого энтузиазма в ее голосе не было. А может, мне просто так казалось? — Доктор им очень доволен, — добавила она, затем щелкнул какой-то рычажок, и через мгновение я разговаривал с Эйткеном.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Около восьми часов я подъехал к «Гейблз».

В дороге меня одолевала одна мысль: увижу ли я ее сегодня? Во рту, словно после болезни, было сухо, а сердце билось глухо и неровно.

Я оставил машину перед парадным входом, взбежал по лестнице и нажал на кнопку звонка. После обычной паузы дверь, как и вчера, открыл Уоткинс.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он. — Сегодня чудесная погода.

— Да, — пробормотал я, проходя за ним в холл. — Как мистер Эйткен?

— Я полагаю, лучшего ожидать трудно. Правда, к вечеру он стал слегка нервничать. Если не возражаете, я попросил бы вас не засиживаться слишком долго.

Мы поднялись в лифте. Старик тяжело дышал. Каждый вымученный вздох сопровождался похрустыванием его накрахмаленной манишки.

Эйткен полусидел в своей постели, зубы мертвой хваткой сжимали сигару. На коленях у него лежали какие-то счета, а рядом — карандаш и блокнот. Он был явно утомлен, а при свете лампы на лбу можно было различить капли пота. Углы рта чуть провисли вниз, а веки отяжелели. Вчера он выглядел гораздо лучше.

— Входите, Скотт, — проворчал он, словно предупреждая меня, что сегодня он не в настроении.

Я подошел к его софе и сел в кресло.

— Ну как ваша нога? — спросил я, сосредоточив все внимание на своем портфеле.

— Нормально, — он смахнул счета прямо на пол. — Мне звонил Гамильтон и сказал, что заседание вы провели отменно.

— С Темплменом все-таки были трудности, — скромно произнес я. — Он заставил меня здорово попыхтеть.

Рот Эйткена искривился в улыбке.

— Вы с ним справились. Гамильтон мне все рассказал. Вы прикрутили хвост этому старому ослу. Протокол у вас с собой?

Я протянул ему протокол.

— Я пока почитаю, а вы возьмите что-нибудь выпить и мне налейте. — Он махнул рукой в сторону столика у стены, на котором стояли бутылки и стаканы. — Я хочу виски, да побольше.

По голосу я понял, что спорить с ним бесполезно, поэтому подошел к столику и плеснул в два стакана виски с содовой. Один из них я протянул Эйткену. Посмотрев на стакан, он нахмурился.

— Я же сказал побольше! Вы что, не слышали?

Я вернулся к столику и долил Эйткену виски. Он залпом осушил стакан, потом ткнул им мне в грудь.

— Налейте еще, потом садитесь.

Я налил ему столько же, поставил стакан рядом с софой и сел. Наши глаза встретились, и Эйткен вдруг ухмыльнулся.

— Не сердитесь на меня, Скотт, — сказал он. — Когда человек ломает ногу, он становится совершенно беспомощным. В этом доме против меня организовали заговор — они мне всячески внушают, что я болен. Весь день я ждал, когда придете вы и дадите мне выпить.

Я зажег сигарету и отпил немного из стакана. Минут десять Эйткен читал протокол, потом уронил его на колени, потянулся к стакану и отхлебнул изрядную дозу.

— Для начала совсем недурно, — похвалил он. — Более того: я сам не провел бы заседание лучше. Если и дальше пойдет в таком же духе, считайте, что Нью-Йорк у вас в кармане.

Услышать такое было приятно и лестно.

— Ну, хорошо, — продолжал он, — им пришлось уступить, и вы должны этим воспользоваться. Есть какие-нибудь идеи?

Я знал, что он задаст этот вопрос, поэтому перед уходом с работы посоветовался со старшими в отделах.

В течение получаса я излагал свои идеи. Он спокойно лежал и слушал, потягивая виски и время от времени кивал головой. Я говорил то, что нужно, — это было ясно. Когда я кончил, он сказал:

— Ну, что же, неплохо. Совсем неплохо. Сейчас я расскажу вам, как можно сыграть лучше.

Настала моя очередь слушать — это был хороший предметный урок. Все идеи были мои, но поворачивал он их слегка по-своему, причем я сразу же видел, в чем был не прав. Его вариант давал агентству экономию в десять процентов, а самому Эйткену — право считать себя по сравнению со мной бизнесменом более высокого класса.

Я вдруг заметил, что стрелка часов уже перевалила за девять, и сразу вспомнил слова Уоткинса о том, что встречу желательно не затягивать.

— Понятно, сэр, — сказал я, укладывая бумаги в свой портфель. — Все будет сделано. А сейчас, если вы не возражаете, я полечу. У меня в десять свидание.

Он ухмыльнулся.

— Не надо лгать, Скотт. Я знаю, это вас надоумил старый хитрюга Уоткинс. Ну да черт с ним. Сматывайтесь. Завтра жду вас в восемь. — Он допил виски и поставил стакан. — У вас есть девушка, Скотт?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я даже выронил на пол несколько бумаг. Нагнувшись за ними, я ответил:

— Постоянной нет, если вы об этом.

— Я не об этом. Время от времени мужчине нужна женщина. Женщины — это благо, а блага для того и созданы, чтобы ими пользоваться. — Циничные потки в его голосе неприятно резали слух. — Я не хочу, чтобы вы все время работали. Отдыхать тоже надо. Вы не мальчик и должны знать, что женщина — это весьма приятная форма отдыха. Но только не позволяйте ей подцепить вас на крючок. Стоит вам поддаться — вы пропали.

— Да, сэр, — произнес я, закивая бумаги в портфель. От него я ничего подобного не ожидал, и такой цинизм задел меня за живое. — Завтра в восемь я буду у вас.

— И не работайте в выходные. В пятницу вечером приходить не надо — позвоните только в понедельник утром. Давайте, Скотт, стройте планы на выходные. В гольф вы играете?

Я сказал, что играю.

— Лучшая в мире игра, если вы не относитесь к ней серьезно. В этом смысле ее можно сравнить с женщиной.

Я наконец вышел из его комнаты. Цинизм Эйткена оставил неприятный осадок, я даже не мог сообразить, ехать ли мне в лифте или спустаться по лестнице. Но тут в мозгу возникла навязчивая картина: она перед зеркалом, и я направился к лестнице.

Там я остановился и через перила взглянул на нижнюю площадку. Свет не горел, и я почти физически ощутил боль разочарования. Потом до меня дошло, что было только десять минут десятого. Конечно, еще рано, и в спальне ей делать нечего.

Поэтому я вернулся к лифту и спустился в холл.

Там меня ждал Уоткинс.

— Мистер Эйткен сегодня не совсем хорошо себя чувствует, — сказал я, направляясь вместе с ним к парадной двери.

— Его немного лихорадит, сэр. Я полагаю, в этом нет ничего удивительного.

— Вы правы. Завтра вечером я приду снова.

Мы попрощались, и я вышел. Стоял жаркий лунный вечер.

«Кадиллак» я оставил на площадке у лестницы и сейчас мед-

ленно пошел вниз. Спустившись, оглянулся на дом. Светилась только комната Эйткега, остальные смотрели на меня поблескивающими черными окнами. Где же она — уехала или, может быть, где-то в задней части дома? Вдохнув, я подошел к машине, открыл дверцу, кинул папку на заднее сиденье, а сам скользнул за руль.

Рядом, сложив руки на коленях, сидела она. В машине было темно, но я различил очертания ее головы, глядя на меня, она чуть склонила ее набок. Я знал, что это она. Будь это другая женщина, меня бы не бил такой озноб, а сердце не стучало бы так гулко.

Секунд, наверное, пять я заворуженно смотрел на нее, ощущая легкий запах духов и слыша ее нежное прерывистое дыхание. Пять секунд — мир словно поплыл у меня перед глазами.

2

— Здравствуйте, — сказала она. — Испугались? Я думала, вы еще не скоро придете.

— Пожалуй, есть немного. — Мой голос предательски скрипел. — Я не ожидал...

Она засмеялась.

— Это ваша машина?

— Моя.

— Какая замечательная машина! У меня это просто болезнь — машины. Когда я ее увидела, я не смогла удержаться и забралась внутрь. Она мне нравится даже больше роджеровского «бентли». Могу спорить, ходит она быстро.

— Да, достаточно быстро.

Она откинулась на спинку сиденья и стала разглядывать обивку крыши. Луна, проникшая через окно, высветила ее профиль. Она была поразительно красива — у меня даже захватило дух.

— Роджер мне рассказывал о вас, — сообщила она. — Он говорил, вы будете его новым партнером.

— Это еще дело не решенное.

Я сидел, вытянувшись, как струна, руки на коленях сжались в кулаки. Я не мог прийти в себя от изумления — она рядом, она разговаривает со мной, словно мы знакомы всю жизнь.

— Я бы хотела жить в Нью-Йорке. — Она подняла руки и сцепила их на затылке. — Здесь, в Пальмовом городе, разве жизнь? Скучища. А вы как думаете?

— Наверное, в вашем возрасте это действительно скучно.

Повернув голову, она окинула меня оценивающим взглядом. — Вы говорите так, словно вы уже старый, а вам, наверное, и тридцати-то нет?

— Мне тридцать один.

— Вы, должно быть, ужасно умный. Роджер мне сказал, что вы вкладываете в дело двадцать тысяч. Как это вам удалось в тридцать один год обзавестись такими деньгами?

— В основном по наследству от отца. Ну и кое-что я сумел отложить.

— И вы хотите вложить все эти деньги в дело Роджера?

Меня слегка покорило от бесхитростной прямоты ее вопросов.

— Можно подумать, для вас это очень важно, — сказал я.

— А для меня это и правда важно. — Она снова повернула голову и улыбнулась. — Мне всегда было интересно знать, как мужчины делают деньги. У девушки ведь есть только один способ разбогатеть — выйти замуж. А мужчины могут делать деньги самостоятельно. Конечно, так получаешь больше удовлетворения.

Она чуть наклонилась вперед и провела рукой по панели приборов.

— Как мне нравится ваша машина! Научите меня водить, а?

— Здесь нечему учить. — Голос мой звучал неровно. — Почти полная автоматика. Нажимаете на стартер, и все — машина поехала.

Она взглянула на меня.

— Хотите верить, хотите нет, но я ни разу в жизни не водила машину. У Роджера ведь их четыре, а мне он ни к одной даже притронуться не дает.

— Почему же?

— Он ужасный собственник. Если мне нужно куда-то ехать, я еду на велосипеде. С ума сойти! У него одна отговорка — ты не умеешь водить! Вот если бы я научилась, ему бы некуда было деться, и он дал бы мне машину. Научите меня?

Я не стал колебаться.

— Ради бога, если уж вы так хотите.

Она сцепила руки вокруг колен и подтянула их к подбородку. На ней были светлые брюки.

— Я хочу этого больше всего на свете. Вы будете меня учить сейчас или у вас на вечер другие планы?

— Прямо сейчас?

— Если только у вас есть время.

— Ну хорошо. Давайте поменяемся местами. — Я начал было вылезать из машины, но она потянула меня за рукав. От прикосновения ее пальцев кровь горячей волной прилила к позвоночнику.

— Не здесь. Они увидят и расскажут Роджеру. Лучше уедем куда-нибудь, чтобы нас никто не видел.

— Они? Кто это они?

— Миссис Хэппл и Уоткинс. Вы видели миссис Хэппл?

— Видел.

— Она меня не любит. Только и ищет, на чем бы меня зацепить. А Роджер ее слушается.

Мне вдруг открылась вся опасность происходящего.

— Если мистер Эйткен не хочет, чтобы вы учились водить...

Ее рука легла мне на запястье, и слова застряли у меня в горле.

— Ну а мои желания — они ничего не значат, да?

Наши глаза встретились. Я отвел взгляд и включил зажигание.

— Если вы хотите научиться водить, я вас научу, — произнес я.

Я включил скорость и нажал на педаль газа. Машина пулей скользнула вдоль длинной подъездной дорожки. У ворот я притормозил, потом выехал на шоссе и снова как следует газанул.

Минут пять я гнал машину миль под девяносто, потом сбавил скорость, свернул на боковую дорожку и остановился.

— Вот это да! — восхищенно воскликнула она. — Вы настоящий ас! Никогда в жизни с такой скоростью не ездила.

Я вылез из машины и обошел ее.

— Двигайтесь на мое место, — сказал я, открывая дверцу. — Место шофера — за баранкой.

Она скользнула по сиденью, а я сел рядом. Кожа сиденья еще хранила тепло ее тела, и кровь забилась у меня в висках.

— Ничего сложного тут нет. Вот это переключение передач. Вы этот рычаг чуть двигаете вниз, вот так, а потом правой ногой нажимаете на педаль газа. Если хотите остановиться, убираете ногу с этой педали и нажимаете на другую педаль, побольше, слева. Это тормоз. Поняли?

— Так это же совсем просто! — И не успел я глазом моргнуть, как она хлопнула по переключателю передач и лихо нажала на газ.

Словно обезумевший зверь, машина кинулась вперед. О вождении жена Эйткена не имела никакого понятия. Она, кажется, даже не смотрела, куда едет.

Я был настолько ошарашен, что секунды две или три сидел как истукан. За эти секунды машина вырвалась с дороги, взлетела на заросший травой склон, скатилась с него на противоположную сторону, отчаянно при этом буксуя правыми колесами, потом снова выскочила на дорогу. По другую сторону дороги находилась живая изгородь, и мы уже были готовы врезаться в нее, но тут я сграбастал руль и вывернул машину.

— Ногу с газа! — заорал я и тут же сбросил ее ногу с педали. Не отпуская руль, я нажал на тормоз, и машина резко остановилась.

Это были веселенькие секунды! Еще чуть-чуть — и мы бы оба разбились как милье.

Я выключил зажигание и повернулся к ней.

На ее лице я не прочел и тени испуга — она улыбалась. Она была так хороша собой, что у меня комок подкатил к горлу.

— Она, оказывается, вон какая сильная, — протянула она. — А я тоже хороша — нажимала изо всех сил. Надо было полегче. Давайте еще разок.

— Погодите, — остановил ее я. — Это совсем не лучший способ покончить жизнь самоубийством. Ногой нужно не топтать, а...

— Я знаю, — нетерпеливо перебила она. — Можете не говорить. Я слишком сильно нажала на газ. Давайте попробуем еще разок.

— Только смотрите, пожалуйста, на дорогу, когда слете. Главное — ехать прямо.

Она быстро взглянула на меня и засмеялась.

— Да-да, знаю.

Она поставила в нужное положение переключатель передач и поехала со скоростью миль двадцать в час. Рулем она совсем не владела — это было ясно. Машина сразу завихляла, то заезжая на траву, то снова выбираясь на дорогу, но сейчас мы ехали с небольшой скоростью, к тому же я был начеку и положил руки на руль. Метров пятьдесят мы проехали прямо.

— Если вы все будете делать сами, я ничему не научусь, — и она оттолкнула мои руки.

Машину тотчас же понесло к изгороди. В самый последний момент я успел нажать на тормоз.

— Что-то туго у нас идет дело, — озабоченно сказал я. — Неужели мистер Эйткен ни разу не пробовал научить вас водить?

— Роджер? — она засмеялась. — Что вы, у него бы терпения не хватило.

— Вы пытаетесь ехать быстро, а за дорогой не смотрите. Давайте попробуем еще раз, только совсем медленно.

На этот раз ей удалось на скорости миль пятнадцать проехать сотню метров точно по центру дороги.

— Ну, вот, — похвалил ее я, — это совсем другое дело. Так и езжайте дальше, потихоньку разберетесь, что здесь к чему.

Тут я заметил, что навстречу нам, сверкая фарами, быстро движется машина.

— Возьмите вправо, — велел я, — и двигайтесь тихонько. Смотрите за дорогой.

Она забрала вправо слишком круто и слишком далеко, и правыми колесами машина заехала на травяной бордюр. Встречная машина, переключив дальний свет на ближний, приближалась. Я был уверен, что в следующий миг моя ученица захочет съехать с травы и повернет руль чуть влево — вполне достаточно, чтобы врезаться во встречную машину, поэтому я нажал на тормоз, и «кадиллак» с легким толчком остановился. Машина с ревом пронеслась мимо нас и умчалась в темноту.

— Почему вы не дали мне разъехаться с ним самой? — чуть капризным тоном произнесла она. — Я бы справилась.

— Не сомневаюсь, но все-таки это моя единственная машина.

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— А как здорово! Мне все больше и больше нравится. Скоро я смогу водить — я чувствую. Надо спросить у Роджера — может, он хоть одну из своих машин даст мне покататься. А если нет — вы будете иногда давать мне вашу?

— Прежде чем выступать соло, вам нужно еще как следует поучиться.

— Но когда я все-таки научусь — дадите?

— Хорошо, только будет трудно увязать со временем. Я ведь каждый день езжу на ней на работу.

— Ну, может быть, когда она мне разок понадобится, вы съездите на работу автобусом?

— Что ж, это, конечно, мысль, но, честно говоря, ездить автобусом мне не особенно улыбается. К тому же мне и во время работы приходится много ездить.

Она чуть прищурилась.

— Короче говоря, давать мне свою машину вам неохота, — мягко произнесла она. — Правильно?

— Дело не в этом, — сказал я. — Я просто боюсь, что вы кого-нибудь стукнете либо кто-то стукнет вас. У вас же нет никакой практики, как же вы поедете одна? А куда вы, кстати говоря, собираетесь ехать?

— А мне все равно, куда. Главное — вести машину и ехать быстро, чтобы в ушах свистел ветер. Это моя давняя мечта.

— Ну хорошо, когда я увижу, что вы ездите достаточно уверенно, я дам вам машину.

Она взяла меня за руку. От прикосновения этих холодных пальчиков можно было сойти с ума.

— И я смогу брать машину, когда захочу? Стоит только позвонить и сказать, когда она мне будет нужна, и вы разрешите?

— Разрешу.

Несколько мгновений она не сводила с меня глаз, потом мягко пожала мою руку.

— Вы ужасно милый и добрый.

— Я бы этого не сказал, — голос мой почему-то звучал хрипло. — А пока что у вас мало практики. Поэтому на сегодня хватит. Теперь поведу я.

— Ну, ладно, — она взглянула на часы, встроенные в панель приборов. — Ничего себе! Мне пора возвращаться, а то он, чего доброго, начнет меня искать.

Эти слова как бы сделали нас заговорщиками, и во рту я ощутил какой-то странный сладковато-горьковатый привкус.

— Пожалуйста, поезжайте побыстрее, — попросила она, когда мы поменялись местами. — Быстро-быстро, ладно?

Я нажал на газ. Через несколько секунд машина понеслась сквозь ночь со скоростью девяносто миль в час.

Обхватив руками колени, она во все глаза смотрела вперед, сквозь ветровое стекло, где по дороге впереди нас, как взнузданные кони, скакали два пучка света.

Без двадцати одиннадцать мы были у ворот «Гейблз».

— Как здорово вы водите! — В голосе ее слышался восторг. — Мне ужасно понравилось. Вот так бы и мчалась всю жизнь! Когда у меня будет второй урок?

Секунду я колебался. В глубине души я сознавал, что эта авантюра может принести массу неприятностей.

— Послушайте, — сказал я. — Я совсем не собираюсь доставлять вам неприятности. И если ваш муж не хочет, чтобы вы учились водить...

Ее холодные пальчики обхватили мое запястье.

— Так он же ничего не будет знать. Ну как он узнает?

Это прикосновение убило во мне последние капли рассудка.

— Завтра я приеду сюда в восемь, — сказал я. — Где-то после девяти мы, наверное, покончим с делами.

— Я буду ждать вас в машине. — Она открыла дверцу и выскользнула наружу. — Вы даже не представляете, какое удовольствие вы мне доставили. Кругом такая скука, я уж и не помню, когда мне выпадало столько радости и наслаждения. Меня зовут Люсиль, — сказала она. — Запомните?

Я сказал, что запомню.

Она взглянула на меня и улыбнулась.

— Ну, тогда до завтра. Спокойной ночи.

Я смотрел ей вслед, сжав баранку до боли в пальцах, пока Люсиль не скрылась из виду.

Она проникла в мою кровь, как вирус, да-да, таящий смертельную опасность вирус.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Следующие три дня жизнь моя текла по установленному порядку. Каждое утро в девять часов я приходил на работу, уходил в семь, в итальянском ресторанчике у обочины ведущего к «Гейблз» шоссе проглатывал легкий ужин и ровно в восемь звонил в дверь большого дома. Часа полтора мы с Эйткенем обсуждали все текущие дела, потом я уходил и садился в «кадиллак», где меня ждала Люсиль.

Ради этого момента я и жил все последние дни. Все остальное превратилось в вынужденную обязанность, от которой я хотел отделаться как можно быстрее.

С половины десятого до одиннадцати мы с Люсиль катались по безлюдным боковым дорогам. Говорили мы мало: во время разговора она никак не могла сосредоточиться на вождении, и машина начинала вилять из стороны в сторону. Кроме того, ощущение власти над «кадиллаком» приводило ее в неопикуемый восторг, и прерывать это упоение мне не хотелось. И только когда машина подкатывала к железным решетчатым воротам «Гейблз», несколько минут мы разговаривали.

За эти три вечера я влюбился в нее до такой степени, что мне стоило огромных усилий не выказывать свои чувства.

Никаких признаков поощрения с ее стороны я не замечал. Она обращалась со мной как с другом, общество которого ей приятно, но это было все.

Гораздо больше меня беспокоило мое собственное к ней отношение. Я был уверен, что при малейшем поощрении с ее стороны я не смогу удержать себя в руках.

Я прекрасно сознавал, что играю с огнем. Узнай Эйткен о том, что происходит за его спиной, — он тут же выбросит меня вон. В первый вечер она сказала, что он ярый собственник. Я и сам знал его достаточно хорошо и не сомневался — он и секунды не потерпит, чтобы я развлекался с его женой, пусть даже наши отношения будут десять раз платоническими.

Когда мы прощались в конце третьего вечера, я напомнил ей, что завтра вечером не приеду.

— Мистер Эйткен отпускает меня на выходные, — объяснил я. — Так что завтра меня не будет.

— Что же, значит, завтра я останусь без урока? — спросила она, круто повернувшись ко мне на сиденье.

— Да, теперь только в понедельник вечером.

— Вы куда-нибудь уезжаете?

— Нет, никуда.

— Так почему же вы не можете приехать, как всегда? В дом не входите, встретимся прямо здесь. Или вам не хочется?

— Дело не в том, что мне не хочется. Просто временами меня это беспокоит, — ответил я, глядя на нее. — Ведь если о наших уроках узнает ваш муж, он придет в бешенство.

Она засмеялась, смех у нее был на редкость заразительным.

— Он просто лопнет от злости. Ну и пусть лопается, правда? Да все равно он ничего не узнает, но для страховки давайте встретимся у вас. Я приеду на велосипеде. Можно? Я очень хочу посмотреть, как вы живете.

Сердце мое неистово заколотилось.

— Лучше не надо. Нет, приезжать ко мне вы не должны. Если вы хотите получить завтра урок, я приеду сюда ровно в девять, но только если вы очень этого хотите.

Она открыла дверцу и выскользнула из машины, потом повернулась и посмотрела на меня через открытое окно.

— Вы ужасно милый, Чес, — сказала она. — Скажите честно, я ведь делаю успехи, а? Скоро я уже смогу сдавать на права, а?

— Да, успех налицо, — хрипло произнес я. Ну почему я не могу обнять ее и прижаться губами к ее губам — таким манящим? — Ладно. Увидимся завтра.

Дома я приготовил себе двойное виски с содовой, сел в кресло и принялся обдумывать положение.

В жизни своей я не влюблялся так сильно. Понимала ли она это? Или вполне искренне верила, будто я готов рисковать расположением Эйткена только ради того, чтобы поучить ее водить машину? Неужели она настолько наивна? В этом надо разобраться.

Меня сильно беспокоило ее предложение приехать ко мне. Я как-то говорил ей, что мой мальчик-слуга уходит в семь и что живу я один. Что же это — намек, что она готова ответить мне взаимностью?

Это маловероятно, с неохотой признался я себе. Я был для нее услужливым другом, который любезно согласился научить ее водить машину и который доставлял ей массу удовольствия, не ожидая ничего получить взамен.

На работу я пришел невыспавшийся и злой и был счастлив, когда рабочий день окончился. Я захватил с собой кое-какие бумаги, решив посмотреть их в выходные.

Когда я проходил по коридору, из своего кабинета вышел Джо.

— До вокзала подвезешь?

— Давай.

Сейчас его общество было мне совсем ни к чему, но отказать я не мог — он знал, что по дороге домой я еду мимо вокзала.

В лифте Джо спросил:

— Сегодня ты к Р. Э. едешь?

— Нет. На выходные он меня отпустил. Хочу почитать вассермановский телевизионный сценарий. Мельком я его уже проглядел, вроде бы неплохо.

— Что ты все работаешь и работаешь, надо же и отдыхать немножко, — неодобрительно произнес Джо. — У тебя уже нервы не выдерживают. Что-нибудь не в порядке?

— Да все в порядке, — отрезал я.

Мы сели в машину.

— А чего же ты последние два дня на людей бросаешься? Сегодня днем Паолу даже до слез довел.

— Кретинка твоя Паола! Три раза я ее вассерманом соединил меня с Вассерманом — и все без толку.

— Так он же куда-то уезжал! А волшебной палочки у нее нет.

— Какого черта, Джо? Мне твоя критика совершенно не нужна.

— Ну вот, пожалуйста, — хмыкнул Джо, устраиваясь поудобнее на сиденье. — Теперь, стало быть, моя очередь. Если ты,

друг любезный, считаешь, что ты у нас теперь крупная птица, то и держать себя надо соответственно, я тебя одергивать не собираюсь. Просто посоветую чуть сбросить обороты. Уж слишком ты весь окунулся в работу.

Конечно же, он был прав, и мне вдруг стало стыдно.

— Извини меня, старик. В понедельник я буду в норме.

— Да брось ты, — великодушно заявил Джо. — Ясно, на твоей шее сейчас висит много собак. А никаких новых разговоров не было насчет Нью-Йорка? Р. Э. про это не вспоминал?

— Говорил вчера вечером. По-моему, дело в шляпе. Он спрашивал, когда я смогу внести деньги.

— А ты уверен, Чес, что ничем не рискуешь, вкладывая деньги в одно с ним дело?

— Абсолютно. Открыть агентство в Нью-Йорке — что может быть лучше! Вложив долю, я, помимо зарплаты, буду получать пять процентов от общего дохода. Надо быть идиотом, чтобы упустить такую возможность.

— Эх, если бы у меня были сейчас деньги! — вздохнул Джо. — Пять процентов от общего дохода! Так ты быстро сколотишь капиталчик, Чес.

Руки мои крепче сжали руль. Сколочу капиталчик, подумал я, если Эйткен не разнохает про мои амурные дела. А капиталчика этого может хватить и на то, чтобы увести Люсиль от Эйткена.

— Многое будет зависеть от нас самих, Джо, как поставим дело.

У вокзала я сбавил скорость.

— Ну спасибо, Чес, — сказал Джо, вылезая из машины. — Может, когда-нибудь я откуплю у тебя эту тележку, — и он похлопал «кадиллак» по крылу. — Ты-то, когда переберешься в Нью-Йорк, заманешься небось на «эльдorado»? Ну что, продашь мне эту красотку?

— Ты сначала деньги скопи, потом поговорим, — отшутился я. — Но в принципе все возможно. Ну пока. Счастливо отдохнуть.

И я поехал в направлении своего бунгало.

2

Без одной минуты девять я подкатил к высоким железным воротам, охранявшим вход в «Гейблз».

В тени деревьев меня ждала Люсиль.

Быстрыми шагами она пошла мне навстречу, и я распахнул дверцу водителя. На Люсиль было светло-голубое платье с расклешенной юбкой, а волосы перехвачены узкой лентой. Едва ли нашелся бы мужчина, который устоял бы перед таким очарованием.

Я подвинулся на сиденье, и она скользнула под баранку.

— Привет, — с улыбкой произнесла она. — Какая точность! Как вам нравится мое платье? Я его надела специально для вас.

— Оно сногшибательно, — не удержался я. — Как и вы сами.

— Но куда же мы поедем? — спросила она. — Давайте поедем к океану.

— Согласен.

В этот вечер жажды скорости у нее не было. Она ровно держала двадцать пять миль в час и на этой скорости вела машину вполне прилично.

Свернув с шоссе, мы проехали немного по боковой дороге, а потом выбрались на узкую грунтовую, шедшую прямо к океану.

Она вела машину расслабленно, что-то там мурлыкала про себя, руки лежали на руле спокойно, не сжимая его мертвой хваткой. Я с горечью подумал, что скоро она будет готова сдать на права и нашим урокам придет конец.

Мы медленно ехали по грунтовой дороге. После крутого поворота мы увидели перед собой широкую полосу песка, пальмы и океан, светившийся зеркалом в лунном свете.

— Какая красота, — восхищенно произнесла она. Это были ее первые слова после того, как мы отъехали от «Гейблз». — Вы даже не представляете, Чес, сколько удовольствия я получаю от вождения. А вожу я уже неплохо, верно? Нет, правда, сейчас уже ничего?

— Кое-чем похвастаться можно. Но сдавать на права еще рано. К примеру, вы не пробовали сдавать машину назад. Может быть, хотите рискнуть сейчас?

Она покачала головой.

— Не сейчас.

Пустынной дорогой мы съехали к пляжу. Люсиль притормозила, чуть повернула руль, и машина свернула с дороги на твердый песок. Люсиль выключила зажигание.

Передо мной лежала саванна песка, пальмы, дальше простирался океан. Стальной свет луны освещал пляж на милях. Пляж был абсолютно пустынным — ни людей, ни машин, ничего. Можно было подумать, что, кроме нас двоих, во всем мире никого нет.

— Я буду купаться, — заявила Люсиль. — А вы?

Такого предложения я не ожидал, и оно застало меня врасплох.

— Кажется, вы собирались учиться водить. У нас не так уж много времени. Сейчас без двадцати десять.

— Я сказала Роджеру, что иду в кино, так что он меня ждет не раньше двенадцати. — Она открыла дверцу и выпрыгнула на песок. — Здесь совсем никого нет. Весь пляж принадлежит нам. Если не хотите купаться, подождите меня в машине.

И она побежала по песку к раскидистым пальмам.

Почти целую минуту я смотрел ей вслед. Что ж, наверное, это ответ на вопрос, который мучил меня всю ночь. Разве она привезла бы меня в такое уединенное место, если не хотела сблизиться со мной?

Я не обратил внимания на колокольчик, отчаянно зазвеневший у меня в мозгу. Это жена Эйткена, вызванивал он. Сделай еще один шаг и будешь жалеть об этом всю жизнь.

Но я отмахнулся от колокольчика. Тяжело дыша, с колотящимся сердцем, я вылез из машины.

Я хорошо видел Люсиль. Она уже добежала до пальм. Там она остановилась, сбросила туфли, потом расстегнула «молнию» на платье и, дернув плечами, высвободилась из него. Под платьем оказался купальник.

Я обошел машину, открыл багажник и вытащил оттуда пару полотенец и плавки — на всякий случай я всегда возил их с собой. Переодевшись, я оставил одежду на песке и побежал за Люсиль — она медленно шла к воде.

Я догнал ее, и она с улыбкой обернулась.

— Я так и знала, что вы придете. Знаете, я всегда мечтала искупаться при луне, но Роджер мне никогда этого не позволял. Ему все какие-то опасности мерещатся.

— Похоже, вы только тем и занимаетесь, что нарушаете запреты мужа — и все это при моем участии, — заметил я, шагая с ней рядом по горячему песку.

— Вот поэтому-то вы мне и нравитесь, — хитро улыбнулась она.

Если ее успехи в вождении были пока невелики, то в плавании она знала толк — это было сразу видно. Я понял, что пытаться догнать ее — дело бесполезное. Проплыв метров сто, она развернулась и почти так же быстро поплыла обратно.

— Ну как, довольны, что согласились?

— Как будто да.

Я лег на спину. Вода была теплая, но оценить всю прелесть природы я просто не мог. Я думал лишь об одном — скорей бы она наплавалась и вышла из воды.

Она отплыла в сторону, потом снова приблизилась и некоторое время плавала вокруг меня. В конце концов нервы у меня не выдержали.

— Давайте возвращаться.

Мы вышли из воды и зашагали к тому месту, где она оставила платье. Вдруг она спросила:

— А что вы делаете завтра, Чес?

— Не знаю... Ничего особенного. Может быть, поиграю в гольф.

— А что, если нам с вами завтра встретиться? Вообще-то меня на завтра приглашала подруга, но я легко могу отговориться. Мы с вами укатили бы куда-нибудь за город.

Мы стояли в тени пальм. Я поднял полотенца и одно бросил ей, а вторым стал вытирать голову.

— Нас ведь могут увидеть, — возразил я, опускаясь на песок.

Она обтирала плечи. За ее спиной блестела луна.

— Мы будем осторожны. Я могу приехать к вам на велосипеде, а там будем держаться подальше от главной дороги.

— Думаю, встречаться среди бела дня неразумно, Люсиль. Нас может увидеть кто угодно.

Она бросила полотенце на песок, села рядом со мной, обхватила руками колени и поджала их к подбородку.

— А как было бы здорово укатить куда-нибудь на весь день! Мы бы с вами устроили пикник. А что, может, рискнем?

— Вы действительно хотите рискнуть? — спросил я внезапно охрипшим голосом.

— Просто я думаю, что никто нас не увидит. Я надену большую шляпу, темные очки, изменю прическу. Могу спорить, никто меня не узнает.

— Но вы бы не хотели, Люсиль, чтобы вашему мужу стало об этом известно?

Она уперла подбородок в колени.

— Ну конечно.

— А что он сделает, если узнает?

— Ясно, он будет метать громы и молнии, но к чему говорить об этом? А что, если я просто приеду к вам? Мы бы провели вместе целый день. У вас там, кажется, безлюдное местечко? Мы бы поплавали, устроили бы пикничок. И никто бы нас не видел.

— Вы это что, серьезно?

На какой-то момент она задумалась, потом поднялась с песка.

— Да нет, наверное, нет. — Она поехала. — Что-то холодно стало. Пойду оденусь.

Она подхватила платье и туфли и побежала к машине. Я словно окаменел, руки крепко сжимали полотенце. Прошло, наверное, минут десять. Вдруг я услышал, что она зовет меня.

— Чес...

Я не пошевелился. Даже не обернулся.

— Вы не идете, Чес?

Раздались шаги ее босых ног по песку, и через мгновение она была рядом.

— Вы не слышали, как я вас звала?

Ее стройные красивые ноги находились на уровне моих глаз. Я поднял голову.

— Сядьте. Мне нужно с вами поговорить.

Она села чуть поодаль, подобрав под себя ноги.

— Да, Чес?

— Вы действительно хотите, чтобы завтра мы куда-нибудь поехали вдвоем и устроили пикник?

Луна ярко освещала ее лицо. На нем было написано удивление.

— Ну да, конечно, хочу.

— Прекрасно. Скажите своему мужу, что вы хотите провести день со мной, и, если он согласится, я к вашим услугам.

Она вздрогнула.

— Но я не могу этого сделать. Вы же сами знаете. Он и понятия не имеет, что мы знакомы.

— Ну так скажите ему, что мы познакомились.

— Я не понимаю... — Она чуть наклонилась вперед и взглянула мне в лицо. — У вас такой сердитый голос, Чес. Что случилось?

— Скажите ему, что мы познакомились, — повторил я, не глядя на нее.

— Но я же не могу. Ему это не понравится.

— Интересно, почему?

— Он всегда меня так глупо ревнует. Он просто не поймет.

— Чего он не поймет?

— Чес, не будьте таким злым. Что случилось?

— Я спрашиваю, чего он не поймет? — с нажимом произнес я и, повернув голову, посмотрел ей в глаза. — Объясните мне, чего именно он не поймет.

— Он не любит, чтобы я общалась с другими мужчинами.

— А это почему? Может быть, он боится, что, если вы будете общаться с другими мужчинами, у него вырастут рога? — зло спросил я.

— Чес! Ну что случилось? Почему вы вдруг так рассердились? Почему вы говорите со мной в таком тоне?

— Почему? — с трудом сдерживаясь, переспросил я. — Вам

не нравится? Но вы же не целомудренное дитя, а замужняя женщина, и должны хорошо понимать, какие мысли бродят в голове у мужчины, когда очаровательная молодая женщина привозит его в уединенное место, где нет ни души, к тому же далеко не в детское время. Или вы настолько глупы, что не понимаете этого?

Она дернулась назад, как от удара. На лице ее застыли потрясение и гнев одновременно.

Я подался вперед и заглянул ей в глаза.

— Вы влюблены в меня, Люсиль?

Она вздрогнула.

— Влюблена в вас? Нет, откуда вы взяли? Что вы такое говорите, Чес?

Черная желчь разочарования затуманила мне рассудок.

— Так какого черта вы притащили меня сюда? Какого черта вы навязываетесь? — Мой голос зазвенел. — За кого вы меня принимаете? Или вы думаете, что я каменный?

— Я уйду...

Она начала подниматься. Я схватил ее за руку и потянул к себе. Она упала мне на колени, спина ее выгнулась. Наши лица оказались рядом.

— Чес! Отпустите меня!

— Я не каменный, — пробормотал я, чувствуя, как стучит кровь в висках, и впился в ее губы. Она стала сопротивляться, причем, к моему удивлению, в этом хрупком теле оказалось довольно много силы. С трудом понимая, что происходит, я пытаюсь подмять ее под себя. Но тут ей удалось высвободить одну руку, и она со всего маху хлестнула меня по лицу.

Удар сразу же привел меня в чувство.

Я отпустил ее, она вскочила на ноги и побежала к машине.

Я сидел не двигаясь и смотрел в сторону океана. Вдруг в тишине затарахтел двигатель моего «кадиллака».

— Люсиль! Остановитесь! Люсиль!

Мотор взревел, машина, прыгая по кочкам, сделала немыслимый разворот и помчалась по дороге.

— Люсиль!

Я бросился было вдогонку, но тут же остановился.

Сжав кулаки, я стоял и слушал ровный гул двигателя моего «кадиллака». Постепенно гул затих.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Мне потребовалось сорок минут, чтобы добраться до дома пешком.

Все это время я мрачно размышлял над сценой, которая произошла у меня с Люсиль. Как я мог позволить себе такое? Это было какое-то затмение. Вот ты и получишь по заслугам, говорил я себе, если Люсиль возьмет и расскажет все Эйткену. Я был настолько себе противен, что даже не думал о последствиях.

Мое бунгало стояло в небольшом саду, метрах в пятидесяти от океана. Ближайший дом, принадлежавший богатому маклеру

Джеку Сиборну, находился в четверти мили дальше по дороге. Он был почти всегда пуст — Сиборн обычно проводил здесь какой-нибудь один из летних месяцев.

Я поднялся к бунгало со стороны пляжа и увидел, что у ворот стоит какая-то машина. Подойдя вплотную, я узнал собственный «кадиллак».

Тут же из темноты вышла Люсиль.

— Чес...

Я остановился. Потом уставился на нее.

— Я пригнала вашу машину, — сказала она слабым голосом.

— Извините меня, Люсиль. Я потерял голову...

— Не надо об этом.

— Я отвезу вас.

— Давайте сначала зайдем в дом. Я должна вам что-то сказать.

— Лучше не надо. Поехали, я отвезу вас домой. В машине вы мне все скажете.

Она подняла с плеч свои густые волосы — я смутно уловил в этом жесте отчаяние.

— Ну, пожалуйста, зайдемте на минуту в дом.

Светила полная луна, и я хорошо видел Люсиль. Она вся дрожала, а в глазах застыл ужас. Мне стало не по себе.

— Поговорим по дороге. Вам надо возвращаться... — Я смолк, потому что она вдруг качнулась. Я бросился вперед и успел вовремя подхватить ее — она уже падала.

— Люсиль! Ах, черт! Что с вами?

Она вся обмякла, и я осторожно положил ее на землю. Опустившись рядом на колени, я приподнял ее голову — голова бессильно откинулась назад. Люсиль была белая как полотно и выглядела так плохо, что я совсем растерялся.

Веки ее шевельнулись и открылись. Бессмысленным взглядом она посмотрела на меня, потом попыталась выпрямиться.

— Сейчас пройдет, — сказал я. — Не надо двигаться.

Я просунул руку ей под колени и поднял ее. Она оказалась на удивление легкой, и я без особого труда донес ее до входа в бунгало.

— Опустите меня, — выговорила она. — И, пожалуйста, простите. Со мной никогда такого не случалось.

Я осторожно поставил ее на ноги и, придерживая одной рукой, стал шарить по карманам в поисках ключа. Наконец я нашел его, открыл дверь, снова поднял Люсиль, внес ее в гостиную и положил на кушетку около окна.

— Сейчас я вам приготовлю чего-нибудь выпить, — сказал я. — Вы не представляете, как я клянусь себя за несдержанность... Сейчас выпьете и сразу почувствуете себя лучше.

— Я не хочу, — прошептала она и, закрыв лицо руками, начала плакать.

Я подошел к бару, налил в стакан немного бренди и отнес его Люсиль.

— Выпейте, вам сразу станет лучше.

— Пожалуйста, не надо. — Она отвернулась. — Чес, мне страшно признаться, но я... повредила вашу машину...

— Повредили машину? Неужели из-за этого стоит падать в

обморок? Перестаньте плакать, незачем из-за этого так уби-ваться.

Она повернулась на бок и посмотрела на меня. Ее мертвенная бледность могла испугать кого угодно. Кожу лица словно натянули, и глаза казались немислимо огромными.

— Я совсем этого не хотела. — Она вдруг затараторила, и я сразу даже не понял, о чем она говорит. — Он появился рядом и закричал на меня. Я не знала, что он был сзади, растерялась и не справилась с машиной. Толчок был ужасный. Вдоль всей дверцы большущая царапина, а крыло смято.

Я вдруг почувствовал, как вдоль спины растекается холодок.

— Что-то я вас плохо понимаю. Вы что, сбили кого-то?

Она отвела взгляд и уставилась в потолок. Руки ее сжались в кулаки.

— Я не виновата, клянусь вам. Он выскочил откуда-то сзади и закричал на меня. Я его и не видела вовсе, пока он не закричал.

— Кого вы не видели? Кто закричал?

— Ну этот полицейский. На мотоцикле. Он появился сбоку и закричал...

Я осторожно поставил стакан с бренди, подошел к кушетке и сел рядом с Люсиль.

— Ну что вы так испугались? Расскажите мне все по порядку.

Она нервно застучала стиснутыми кулачками.

— Когда он начал кричать, машина у меня вильнула и боком ударила его... — оборвав фразу, она снова заплакала.

Я сжал руками колени — так, что побелели костяшки пальцев.

— Слезами горю не поможешь, — резко сказал я. — Что было дальше? После того, как вы его ударили?

Она, вся дрожа, глубоко вдохнула воздух.

— Не знаю. Я поехала дальше. Даже не оглянулась.

На какое-то мгновение я окаменел, чувствуя, что сердце стучит тяжело и как-то заторможенно. Наконец я проговорил:

— Так вы что же, не остановились?

— Нет. Я ужасно испугалась. И сразу приехала сюда.

— Где это случилось?

— На дороге от пляжа, не доезжая шоссе.

— А вслед вам он не кричал?

— Нет. Был только ужасный толчок, а больше ничего. Я поехала прямо сюда. Вас жду уже почти полчаса.

Я долго смотрел на нее, потом поднялся.

— Я сейчас вернусь. Пойду посмотрю на машину.

Я выдвинул один из ящиков стола и вынул оттуда фонарь. Я уже выходил из комнаты, когда Люсиль издала слабый мучительный стон.

По дорожке я подошел к машине и при свете луны сразу же увидел, что переднее левое крыло повреждено. Я включил фонарь — повреждение было основательное.

Передняя левая фара разбилась вдребезги, крыло помято. На дверце — глубокая вмятина, а во всю ширину рваной линией тянется рубец. Краска вокруг содрана.

Всю эту картину я охватил в одну секунду, потом обошел вокруг машины. На правом крыле около заднего колеса фонарь мой высветил густое красное пятно. Красным был забрызган и

белый колпак на правом заднем колесе. Не требовалось особых знаний, чтобы понять — это кровь, и я смотрел на нее, чувствуя озноб и тошноту одновременно.

Судя по всему, она сшибла мотоцикл, мотоциклист вылетел из седла, и она переехала его задним колесом. И после этого не остановилась!

По лицу моему заструился холодный липкий пот. Ведь он, может быть, сейчас истекает кровью на дороге!

Я быстро вернулся в гостиную.

Она лежала в той же безжизненной позе и глядела в потолок. Дыхание ее было неровным и прерывистым, кулаки сжаты. Выглядела она ужасно.

Взяв свой стакан с бренди, я подошел к ней.

— Вот выпейте это, — предложил я. — И успокойтесь, от слез толку не будет.

Я приподнял ей голову и заставил немного выпить. Она отпила глоток, содрогнулась и оттолкнула стакан.

— Я поеду посмотреть, что случилось, — сказал я. — Ждите меня здесь. Постараюсь вернуться побыстрее.

Не глядя на меня, она кивнула.

Я взглянул на часы, стоящие на каминной полке. Было без двадцати одиннадцать.

Я подошел к «кадиллаку» и еще раз осмотрел разбитую фару и помятое крыло. Было бы безумием выводить машину на дорогу в таком состоянии. Стоит кому-нибудь меня увидеть, завтра он, прочитав сообщение в газетах, сразу же об этом вспомнит. А газеты напишут, можно не сомневаться.

Но что же делать, ведь мне срочно нужна машина! Сиборн! Сиборн, владелец ближайшего дома, держит в гараже машину — он ею пользуется во время отпуска. Когда он бывал здесь, я к нему частенько захаживал и знал, что ключ от гаража он всегда хранит на карнизе над дверьми гаража. Надо взять его машину.

Я сел в «кадиллак» и быстро поехал к его дому. Там я оставил машину у ворот, подошел к гаражу, нашел ключ и открыл двойные двери.

Там стоял старенький, выдавший вида «пontiак». Я вывел его на дорогу, потом, оставив двигатель включенным, сел в свой «кадиллак» и загнал его в гараж, захлопнул и запер двери, а ключ положил в карман.

Через десять минут я уже подъезжал к ответвлению на пляжную дорогу.

У развилки я сбросил скорость. На обочине стояло штук шесть машин. У машин, глядя в сторону пляжной дороги, стояла группа мужчин и женщин. Въезд туда был перекрыт двумя мотоциклами, возле которых расхаживали двое полицейских.

Я поставил машину в конце колонны и ступил на асфальт.

Впереди меня поодаль от остальных стоял какой-то толстяк в сдвинутой на затылок шляпе. Он, как и все, глядел на полицейских.

Я подошел к нему.

— В чем дело? — спросил я, стараясь не выдать волнения. — Случилось что-нибудь?

Он обернулся. Было уже темно, а свет фар освещал только

асфальт. Он мог хорошо видеть разве что мои ноги и едва ли узнал бы меня при следующей встрече.

— Несчастный случай, — ответил он. — Насмерть задавили полицейского. Такая лихая публика, сами так и лезут, так и прыгают под колеса — я всегда это говорил. Ну вот этот малый и допрыгался — перестарался.

На лице у меня выступил холодный пот.

— Насмерть?

— Да. А водитель даже не остановился. Впрочем, я его хорошо понимаю. Если бы мне выпало такое счастье — задавить полицейского без свидетелей, черта с два я стал бы тут ошиваться с извинениями. Ведь если этого парня поймают, они его четвертуют. Полицейские в нашем городе самые настоящие фашисты, я всегда это говорил.

— Задавили насмерть, вы говорите? — Я едва узнал собственный голос.

— Да, бедняга головой попал прямо под колесо. Он, наверное, стукнулся о бок машины и угодил под заднее колесо. — Он указал на высокого худощавого мужчину, деловито объяснявшего что-то остальным. — Вот он первый на него наткнулся. У этого несчастного было, говорит, не лицо, а кровавая губка.

Неожиданно один из полицейских решительно направился в сторону стоявших у обочины машин.

— Эй вы, шайка стервятников! — зарычал он полным ненависти и злобы голосом. — С меня довольно! Убирайтесь отсюда! Поняли? Из-за таких скотов, как вы, все аварии и происходят! Чтоб вы сгорели вместе с вашими железными ящиками! Убирайтесь живо! Все убирайтесь!

Толстяк процедил сквозь зубы:

— Я же говорю — настоящие фашисты, — и зашагал к своей машине.

Я вернулся к «пontiаку», завел двигатель, развернулся и быстро поехал домой.

В гостиной в большом кресле, съжившись, сидела Люсиль. Вид у нее был несчастный, беззащитный и затравленный, а цвет лица напоминал старый пергамент.

Когда я вошел, она замерла, пожирая меня испуганными глазами.

— Ну как, Чес, все в порядке?

Я подошел к бару, налил себе двойное виски, чуть разбавил водой и жадно выпил.

— Я бы этого не сказал, — произнес я, садясь в кресло.

Посмотреть ей в глаза — это было выше моих сил.

Наступила долгая пауза. Потом она пробормотала:

— Ну а вы хоть... вам удалось увидеть?..

— Там была полиция. — Как сказать ей, что он убит? — Я его не видел.

Снова наступила пауза. Потом снова вопрос:

— Что мы с вами будем делать, Чес?

Я взглянул на часы над камином. Двадцать минут двенадцатого.

— Да, ничего. Уже поздно, и сейчас я отвезу вас домой.

Она всем телом подалась вперед, стиснула руками колени.

— Но, Чес, хоть что-то надо предпринять? Ведь я должна

была остановиться. Это, конечно, был несчастный случай, но я должна была остановиться. — Она стала бить кулачками по коленям. — Ведь он может меня узнать, если увидит. А может быть, он даже записал номер. Нет, что-то обязательно нужно предпринять.

Я допил виски, поставил стакан, потом поднялся.

— Пойдемте. Я отвезу вас домой.

Широко раскрыв удивленные глаза, она продолжала сидеть.

— Вы что-то от меня скрываете, да? Что?

— Дело плохо, Люсиль, — выдавил я из себя. — Так плохо, что хуже некуда. Но пугаться не надо.

— Господи! Что, он тяжело ранен?

— Да.

— Отвезите меня домой, Чес. Надо рассказать Роджеру.

— Не нужно ему ничего говорить, — устало произнес я. — Он ничем не сможет помочь.

— Как же не сможет? Капитан полиции — его хороший друг. Роджер ему все объяснит.

— Боюсь, это не произведет должного впечатления.

Она выпрямилась, в широко открытых глазах застыл ужас.

— Неужели он так тяжело ранен? Подождите... он что — мертв?

— Да. Все равно вы бы об этом узнали. Он мертв, Люсиль.

Она закрыла глаза и прижала руки к груди.

— О, боже, Чес...

— Только без паники. — Я постарался, чтобы голос мой звучал решительно. — Мы с вами ничего не можем предпринять, по крайней мере, сейчас. Мы, конечно, здорово влипли, но если не терять головы...

Она устала на меня. Губы ее дрожали.

— Но вас-то в машине не было. При чем тут вы? Я одна виновата.

— Нет, Люсиль, виноваты мы оба. Ведь это я вел себя, как скот, иначе вам бы и в голову не пришло срываться и убегать. Так что моей вины здесь не меньше.

— О-о, Чес...

Уронив голову на спинку кресла, она зарыдала.

Минуту я смотрел на нее, потом обнял ее и притянул к себе.

— Что они с нами сделают? — всхлипнула она, вцепившись в мои плечи.

— Вы не должны об этом беспокоиться, — попытался утешить ее я. — Пока не прочтем завтрашних газет, делать ничего не будем. А завтра все решим.

— А если кто-нибудь видел, что его сбила я?

— Никто не видел. На пляже никого не было. — Я крепко обнял ее. — После того как вы его сшибли, вам какие-нибудь машины попадались?

Оттолкнув меня, она с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, подошла к окну.

— Кажется, нет. Точно не помню.

— Ну хорошо. Значит, мы все обсудим завтра, когда увидим газеты. Вы сможете приехать сюда? Я просто не знаю, где еще нам удастся спокойно поговорить. Часам к десяти сможете приехать?

Она во все глаза смотрела на меня.

— Меня посадят в тюрьму? — спросила она.

Внутри у меня все оборвалось. Ведь если ее поймают, ее посадят в тюрьму. Убить полицейского и выйти сухим из воды — так не бывает. В принципе, если вы нечаянно кого-то убьете, то, наняв первоклассного адвоката, вы еще можете выкарабкаться. Но когда жертва — полицейский, ни в коем случае.

— Вы можете выслушать меня, Люсиль? Паниковать — последнее дело. Прежде всего нужно узнать, что напишут газеты. Если вы завтра утром приедете сюда, мы вместе что-нибудь решим.

Она сжала пальцами виски.

— А может быть, все-таки лучше сказать Роджеру? Может, он смог бы что-то сделать?

Если бы я думал, что Эйткен в состоянии что-то сделать, я без колебаний пошел бы к нему вместе с ней и рассказал все как было, во всей красе. Но Эйткен ничем не мог ей помочь — это было ясно как божий день. Стало быть, расскажи она Эйткену о происшествии, выйдет наружу и то, что мы вместе были на пляже. Естественно, он захочет знать, почему это она вдруг сорвалась и убежала. Зная Эйткена, можно было не сомневаться, что он клещами вытащит из нее всю правду, и тогда мне недобровать.

— Вы не должны ничего ему говорить, Люсиль. Ведь иначе вам придется объяснять, как вы оказались в моей машине. Вам придется объяснять, что вы делали на пляже. Вам придется объяснить, почему вы были на пляже наедине со мной, почему мы вместе купались. Если бы я думал, что ваш муж может чем-то помочь, я бы пошел к нему вместе с вами и обо всем рассказал. Но он ничего не сможет сделать. Поэтому не теряйте голову и ничего ему не говорите — вы просто лишитесь мужа, а я лишюсь работы.

Глядя на меня в упор, она на грани истерики закричала:

— Пусть я лишусь мужа, но это лучше тюрьмы! Роджер не позволит посадить меня в тюрьму! У него такие связи! Нет, он ни за что не позволит посадить меня в тюрьму!

Я взял Люсиль за руки и легонько встряхнул ее.

— Не будьте ребенком. Стоит ему узнать, что мы поздно вечером были вдвоем на уединенном пляже, он сразу же умоет руки. Вы перестанете для него существовать. Неужели вы этого не понимаете?

— Это неправда, — в отчаянии воскликнула она. — Может быть, он и разведется со мной, но посадить в тюрьму не позволит. Уж я-то его знаю. Он не допустит, чтобы люди говорили, что жену Эйткена посадили в тюрьму.

— Вы все еще не понимаете, насколько серьезно наше положение. — Я старался говорить тихо и спокойно. — Вы убили полицейского. Я знаю, это был несчастный случай, но ведь вы не остановились, к тому же у вас нет водительских прав. Если бы вы сбили не полицейского, а кого-нибудь другого, возможно, ваш муж и вытащил бы вас из пропасти, но тут он ничего не сможет сделать, будь он хоть самым президентом.

— Так что же, мне придется идти в тюрьму?

Ее лицо как-то сморщилось, глаза увеличились и округлились.

— Нет. Они ведь не знают, что это сделали вы, и скорее всего не узнают. Мы будем дураками, если сами пойдем и сдадимся им. Нужно сначала выяснить, что им известно. А когда мы это выясним, вот тогда и будем решать, как быть дальше. А сейчас я отведу вас домой.

Она поднялась и пошла впереди меня к выходу из гостиной, потом через холл к входной двери. Пока я выключал свет в холле и запирал входную дверь, она ждала меня на крыльце. Я уже поворачивал ключ в замке, как вдруг раздался мужской голос:

— Эй, это ваша машина?

Ощущение было такое, словно я в темноте коснулся рукой оголенного провода. Может, меня потрянуло и не так сильно, но, во всяком случае, очень чувствительно. Люсиль ахнула, однако у нее, по крайней мере, хватило разума шагнуть в тень, где ее не было видно.

Я посмотрел на дорожку. У ворот стоял человек. Как следует разглядеть его я не мог — было слишком темно — и видел только, что он высок и широкоплеч. Рядом с «понтаком» Сиборна стоял «бьюик» с откидным верхом, капот которого слегка подсвечивали задние огни «понтака».

— Не двигайтесь, — шепнул я Люсиль, спустился по ступенькам и зашагал по дорожке к воротам.

— Извините, если напугал вас, — сказал человек. Это был крепкий мужчина лет сорока пяти с густыми усами и красноватым приветливым лицом. — Я думал, вы меня видите. Это ведь машина Джека Сиборна, верно?

— Да, — ответил я, чувствуя, что дышу слишком быстро и неровно. — Я одолжил ее, пока моя в ремонте.

— Вы Честер Скотт?

— Да.

— Рад познакомиться. — Он протянул руку. — Меня зовут Том Хэкетт. Джек, наверное, рассказывал обо мне. Во всяком случае, мне о вас он рассказывал довольно часто. Я ехал мимо, увидел машину и решил узнать — неужели этот старый черт уже приехал?

Меня сверлила одна мысль: видел ли он Люсиль? Ведь мы вышли из освещенного холла. Сколько он стоял у ворот?

Мы пожали друг другу руки.

— Нет, Джек раньше августа не появится. Он всегда приезжает в августе, — сказал я.

— В общем, я решил заглянуть: а вдруг? Я ехал в Пальмовую бухту. Живу сейчас в отеле «Парадизо», думаю пробыть здесь недели две. А жена приезжает только завтра. Вот я и думал, если Джек здесь, можно будет посидеть за бутылочкой и поболтать.

— До августа его не будет.

— Да, вы уже сказали. — Он взглянул на меня. — Если у вас нет особых дел, поедemте куда-нибудь, а? Посидим, выпьем. Время еще детское.

— С удовольствием, но у меня свидание.

Он посмотрел мимо меня в сторону темного бунгало и хмыкнул.

— Ну что ж, нет — так нет. — Он подошел к «понтаку». — Старая добрая телега. Еще бегают?

— Более или менее.

— Ну если выпадет свободный вечерок, заезжайте к нам, — предложил он, — в «Парадизо». Ничего местечко: поразвлекся можно. Берите с собой вашу девушку, если она не очень стеснительная. Ну не буду вас задерживать. До встречи.

Он махнул рукой, подошел к «бьюнку», хлопнул дверцей и, как следует газанув, укатил.

Я стоял, вцепившись в решетку ворот, и глядел вслед удаляющимся огонькам машины. Сердце выстукивало дробь где-то под ребрами.

— Он меня видел, — дрожащим голосом произнесла Люсиль. Она незаметно подошла и стояла рядом.

— Он видел, что со мной была девушка, — сказал я как можно спокойнее, — а кто именно, он видеть не мог. Так что беспокоиться не о чем.

Я взял ее за руку и повел к «понтаку». Мы сели в машину.

— Вы все-таки думаете, что не стоит говорить Роджеру? — спросила она еле слышным, но напряженным голосом. Мои разгулявшиеся нервы уже не могли выдержать этого. Я круто повернулся к ней и, схватив за плечи, как следует ее встряхнул.

— Поймите же раз и навсегда! Я сказал нет, и это значит нет! Он ничем не сможет помочь! — Я просто кричал на нее. — Если вы ему скажете, вы сделаете его соучастником! Неужели это не ясно? И если он не выдаст вас полиции, он сам может схлопотать срок! Вы должны положиться на меня. Завтра я скажу вам, что нужно делать.

Она отшатнулась от меня, вытащила платок и заплакала.

Я быстро повел машину в направлении Пальмового бульвара.

2

Выезжая на шоссе, я вдруг увидел вереницу автомобилей, медленно ползущих к городу. Таких пробок у нас никогда не бывало, и я сразу понял, что вызвана она наездом на полицейского.

Люсиль, увидев это, сразу перестала плакать.

— Что тут такое?

— Не знаю. Но беспокоиться нечего. — Как бы я хотел верить своим словам!

Мы медленно ползли вперед. Вдруг идущие впереди машины остановились. Вцепившись в баранку, я сверлил глазами темноту, но видел только красные огоньки длинной вереницы машин. Их было, наверное, штук сто.

И тут я увидел полицейских. Человек десять. Они шли вдоль колонны с мощными фонарями и направляли их на каждую машину:

Меня прошиб холодный пот.

— Они ищут меня! — голосом, полным страха, воскликнула Люсиль и дернулась к дверце, словно собираясь выскочить из машины.

Я схватил ее за руку.

— Сидите! — Сердце мое готово было вырваться из груди. Хорош бы я был, если бы не взял машину Сиборна! — Они ищут не вас, а машину. Сидите спокойно и не дрожите!

Ее всю трясло, но, когда в нашу сторону направился один из полицейских, ей удалось взять себя в руки.

Из машины, стоящей перед нами, вылез крупный широкоплечий мужчина. Когда к нему подошел полицейский, мужчина дал волю своему гневу:

— Какого черта нас тут держат? У меня дела в Пальмовой бухте. Неужели вы, работнички, не можете освободить дорогу?

Полицейский неторопливым движением осветил его фонарем с ног до головы.

— Можете заехать в участок и написать жалобу, если считаете нужным. — Таким голосом можно было считать ржавчину с днища корабля. — Только поедете вы не раньше, чем мы закончим и позволим вам ехать.

Мужчина сразу стал словно ниже ростом.

— В чем все-таки дело, скажите? — спросил он куда менее агрессивным тоном. — Нам придется пробыть здесь долго?

— Кто-то совершил наезд и скрылся. Мы проверяем все машины, идущие из города, — процедил полицейский, — но долго вы не задержитесь.

Он осмотрел его машину и подошел к моей. Когда он начал шарить лучом фонаря по крыльям, дверцам и бамперам, я стиснул руль до боли в пальцах.

Полицейский заглянул в машину и оглядел сначала меня, а потом Люсиль, которая съезжилась и затаила дыхание. Он, однако, ничего подозрительного не заметил и пошел дальше.

Я положил руку на ее плечо.

— Вот видите. И совсем ничего страшного.

Ничего страшного? Я обливался холодным потом.

Она не ответила. Зажав руки между колен, она прерывисто дышала, будто семидесятилетняя старуха, которой пришлось взбираться по лестнице.

Передняя машина поехала, и мы двинулись следом. С полкилометра мы ползли как черепахи, потом скорость увеличилась.

— Они искали меня, скажите, Чес? — Голос ее дрожал.

— Они искали машину и не нашли ее.

— А где она?

— Там, где они не найдут. Только, ради бога, не сходите с ума, сидите тихо и спокойно!

Мы подъехали к развилке, которая вела к Пальмовому бульвару. Выбравшись из общей колонны, я сразу прибавил скорость и в десять минут первого уже подъезжал к воротам «Гейблз».

— Завтра в десять я вас жду, — напомнил я.

Она попыталась взять себя в руки.

— Ну что ж, подождем до завтра, если вы так считаете, — сказала она. — Но, Чес, если вы не уверены, что справитесь сами, я лучше скажу Роджеру.

— Справлюсь! А теперь отправляйтесь спать и предоставьте все мне.

Мгновенье она смотрела на меня, потом повернулась и неверной походкой зашагала к дому.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду, потом сел в «понтрак» и поехал домой.

На плече у меня, словно скрюченный гном, сидел страх.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Спал я скверно, уже в семь утра поднялся и принялся вышгивать по дому, с нетерпением ожидая, когда мальчишка-почтальон принесет газеты. Черт знает почему, он пришел только после восьми. Наконец, когда я уже вышел на крыльцо подобрать оставленные им газеты, появился мой слуга — филиппинец Тоти.

Раскрывать газеты в его присутствии я не решился, велел ему вымыть посуду и уходить домой.

— Я сегодня на работу не иду, Тоти.

Он озабоченно посмотрел на меня.

— Вы заболели, мистер Скотт?

— Нет, просто намерен в выходные как следует отдохнуть, — объяснил я, направляясь к террасе. Газеты огнем жгли мне руку. Все же я с трудом сделал над собой усилие. Тоти парень с головой, нельзя допустить, чтобы он что-то заподозрил.

Он пожал плечами.

— Ладно, мистер Скотт, дело хозяйское. И знаете еще что...

— Что там еще?

— Ключи от гаража вы мне не дадите?

Сердце мое екнуло. Естественно, он захочет знать, что делает в моем гараже «пontiак» и куда девался «кадиллак». «Кадиллак» был его любимой игрушкой, он постоянно его чистил и холил, и именно благодаря ему машина после полутора лет интенсивной эксплуатации все еще выглядела как новенькая.

— Зачем они тебе?

— Там у меня лежит кое-какая ветошь, мистер Скотт. Я отнесу тряпки домой, и сестра их постирает.

— Черт возьми, неужели это такая важная проблема! — окрысился я. — Оставь меня в покое, ради бога. Я хочу почитать газеты.

Я добрался наконец до террасы и бухнулся в кресло. Услышав, что Тоти пошел на кухню и начал там возиться, я дрожащими руками развернул газеты.

На разные голоса и заголовки все без исключения газеты кричали об одном и том же: совершенное вчера вечером преступление на дороге положит преступлениям на дороге конец. Первые страницы во всю типографскую мочь вопили о том, что такого подлого и зверского дорожного убийства история еще не знала.

Из статьи в «Пам Сити Инкуайерер» следовало, что погибший полицейский Гарри О'Брайен был гордостью полиции. Все три газеты поместили фотографию О'Брайена. Судя по внешнему виду, это был типичный для нашей полиции безжалостный зверюга лет тридцати, с маленькими, колючими, как иголки, глазками, безгубым ртом и тяжелыми, грубыми чертами лица.

«Пам Сити Инкуайерер» сообщала, что он был хорошим католком, любящим сыном и добросовестным, честным полицейским.

«Всего за два дня до гибели О'Брайен рассказал друзьям, что в конце месяца они будут гулять у него на свадьбе, — читал я дальше. — Нам известно, что его бывшая невеста — это мисс

Долорес Лэйн, известная эстрадная певица из ночного клуба «Маленькая таверна».

В один голос газеты настоятельно требовали, чтобы городские власти во что бы то ни стало нашли водителя-убийцу и наказали его по заслугам.

Но испугали меня вовсе не галдеж и болтовня газетчиков. Куда большую опасность таил в себе настрой полиции.

Капитан полиции Джон Салливан вчера поздно вечером дал газетчикам интервью, в котором сказал, что в поисках убийцы О'Брайена примут участие все до одного городские полицейские, и они будут искать его, не зная отдыха, пока не найдут.

«Можете не сомневаться, — так закончил Салливан десятиминутную речь, в которой возносил О'Брайена до небес, — мы найдем этого человека. Это не просто несчастный случай. И раньше случалось, что полицейские гибли в результате автомобильных катастроф, но водители держали ответ перед судом присяжных. Они не убегали, поджав хвост. Этот же человек сбежал. Тем самым он расписался в том, что он убийца, а убийцу в нашем городе я не потеряю. Я его достану из-под земли! Нам известно, что его машина сильно повреждена, и мы проверим все машины в городе. Все до единой. Владелец каждой машины получит справку о том, что его машина к этому делу непричастна. И если кто-то повредит машину позже происшествия, он обязан немедленно заявить об этом в полицию, иначе он окажется под подозрением. Ему придется объяснить моим ребятам, как именно случилось повреждение, а если он их не убедит, его ждет встреча со мной, и, если ему не удастся убедить меня, я ему не завидую. Все дороги уже перекрыты. Ни одна машина не выедет из города без проверки. Машина убийцы в ловушке — в этом нет сомнения. Ее куда-нибудь спрятали, но мы ее найдем. А когда найдем, я растолкую ее владельцу, что убивать моих парней, да еще рвать после этого когти — это очень вредно для здоровья».

Неужели полиция в состоянии проверить все машины в городе? Казалось, это невозможно, слишком много работы, но вдруг я вспомнил, что однажды читал, как полицейские перерыли буквально все мусорные ящики в городе в поисках орудия убийства и после четырех дней безумной работы они его нашли. Нет, ни в коем случае нельзя недооценивать Салливана. Если он не рисовался перед газетчиками, если действительно считал это делом чести, наверное, проверить все машины в городе можно, если не за три дня, то за месяц.

В десять часов я вышел к воротам и стал высматривать Люсиль.

У меня было слишком мало времени, чтобы составить четкий план ближайших действий, но все же два важных решения я принял. Во-первых, я твердо решил, что и речи не может быть о том, чтобы идти в полицию с повинной, во-вторых, если «кадиллак» все-таки найдут, мне придется взять всю вину на себя.

Я принял это второе решение вовсе не потому, что пылал страстью к Люсиль. Просто я понял, что у меня нет выбора. Гибнуть обоим — в этом не было никакого смысла, к тому же я действительно чувствовал себя виноватым. Не сорвись я

вчера, веди себя как человек — она бы не убежала, не села бы одна за руль.

Но если выяснится, что наезд совершила она, выяснится и все остальное, и я не только потеряю работу, но еще могу загреметь в тюрьму как соучастник. Взяв же всю вину на себя и вообще скрыв роль Люсиль, я мог в случае удачи отделаться легким приговором и рассчитывать на то, что Эйткен снова возьмет меня к себе, когда я выйду из тюрьмы.

Я все еще размышлял над этим, когда подъехала Люсиль.

— Читали газеты? — спросил я ее в гостинной.

— Читала. Да и по радио все утро об этом говорят. Вы слушали радио?

— Радио? Нет, мне как-то не пришло это в голову. И что они говорят?

— Они просят помощи у населения. — Голос ее дрожал. — Они просят любого, кто вчера вечером видел на дороге поврежденную машину, прийти и заявить об этом. Они просят всех владельцев гаражей немедленно звонить в полицию, если к ним кто-то обратится с просьбой отремонтировать поврежденную машину. — Бледная, с вытянувшимся лицом, она стояла и смотрела на меня. — О боже, Чес... — Она уткнулась носом мне в плечо и вдруг оказалась в моих объятиях. — Что же будет? Ведь они меня найдут. Что мне делать?

Я крепче обнял ее.

— Все будет хорошо. — успокоил я ее. — Я все обдумал. Вам нечего бояться. Давайте-ка лучше все обговорим.

Она оттолкнула мои руки и хмуро уставилась на меня.

— Как вы можете так говорить! Что значит «ничего бояться»?

Момент был далеко не лирический, но я вдруг поймал себя на мысли о том, до чего же она ослепительно хороша в этой кофточке с открытым воротом и облегающих бледно-зеленых брюках.

— Тонуть обоим нет смысла, — решительно заговорил я. — Если машину найдут, я беру всю вину на себя.

Она ошарашенно смотрела на меня.

— Нет, вы не можете этого сделать. Ведь во всем виновата я...

— Это был несчастный случай. Остановись вы, позови на помощь, вам скорее всего все сошло бы с рук. Но это только с точки зрения закона, и вам пришлось бы рассказать суду всю правду. Вам пришлось бы рассказать, почему вы очутились в машине. От тюрьмы вы бы избавились, но скандал был бы огромный. Можете представить, что сделали бы с нами газеты. И что в результате? Вы теряете мужа, я теряю работу. И если вы сейчас пойдете в полицию и обо всем заявите, нам с вами обоим придется очень и очень несладко. Вы это понимаете?

Она кивнула.

— Я не собираюсь облегчать жизнь полиции. — продолжал я. — Возможно, «кадиллак» они не найдут, и, коли такая вероятность существует, надо рискнуть. Если же они все-таки его найдут, я скажу им, что вел машину я и полицейского сбил я. Если мне повезет, я отделаюсь легким приговором. Ваш муж как будто обо мне неплохого мнения и, может быть, захочет взять меня обратно, когда я выйду. Но если по делу пойдете

вы, он раз и навсегда внесет меня в черный список, и работы в рекламе мне уже не видать, как своих ушей. Так что, когда я говорю, что возьму всю вину на себя, я думаю не только о вас, но и о себе тоже.

Целую минуту она сидела неподвижно, потом руки ее разжались.

— Это правда, Чес? Вы правда им скажете, что это вы?

— Да, правда.

Чуть нахмурившись, она легким движением приподняла к затылку волосы. Я ожидал, что после моих слов у нее гора упадет с плеч. Что-то непохоже.

— Ну как, Люсиль, настроение бодрее?

— Ну конечно, бодрее. — Она опустила голову и стала рассматривать свои руки. Потом вдруг сказала:

— Одна вещь меня беспокоит, Чес. Я оставила в вашей машине купальник.

Я ощутил боль разочарования — все-таки рассчитывал, что она хотя бы поблагодарит меня за такое великодушие.

— Это не страшно. Когда вы уйдете, я осмотрю машину, а в следующий приезд к Роджеру захвачу купальник с собой.

Она облизнула губы.

— А мы можем поехать и забрать его сейчас?

— Я заберу его, когда осмотрю машину.

— Но я бы хотела сейчас.

Если полиция найдет машину, а в ней — купальник, то они смогут докопаться и до Люсиль. Вот почему она настаивает.

— Хорошо. Ждите меня здесь. Я привезу его сейчас.

— А можно я поеду с вами?

Я пристально посмотрел на нее.

— В чем дело, Люсиль? Вы что, мне не доверяете?

Она отвела взгляд.

— Просто для меня это очень важно.

— Разумеется, но еще важнее, чтобы нас никто не видел вместе. Я привезу его сам.

Она поднялась.

— Я хочу поехать с вами.

Я с трудом сдержался. Повернувшись, я вышел в холл. Люсиль пошла за мной.

— Подождите здесь, — буркнул я. — Сейчас выгоню машину.

Она осталась на верхней ступеньке, а я открыл гараж и вывел «понтрак». Выйдя на дорогу, я посмотрел налево и направо. Кругом не были ни души.

Люсиль пробежала по дорожке и забралась в машину. Я уселся рядом, и мы быстро поехали к дому Сиборна — три четверти мили.

Мы вышли из машины.

Я шел впереди, Люсиль — следом. До гаража оставалось полтора десятка метров. Но что это? Я застыл как вкопанный. Рядом замерла Люсиль.

Дверь в гараж была приоткрыта.

Вчера вечером, поставив «кадиллак» в гараж, я тщательно запер двери — в этом не могло быть никакого сомнения. Я не просто запер гараж а еще как следует проверил надежность замка.

— Что случилось, Чес? — испуганно спросила Люсиль.

— Подождите здесь, — бросил я и пробежал оставшиеся до гаража метров пятнадцать, распахнул дверь и глянул внутрь. «Кадиллак» стоял на месте. В лучах яркого солнца погнутое крыло и разбитая фара представляли собой еще более катастрофическое зрелище, чем вчера при свете фонаря.

Я взглянул на замок и похолодел — он был взломан. В дереве виднелись следы ломика.

Подошла Люсиль.

— Что случилось?

— Здесь кто-то был.

Она вцепилась в мою руку.

— Вы думаете, это полиция?

— Нет. Будь это полиция, они бы пришли за мной. Там на бирке моя фамилия.

— А мой купальник, Чес!

— Где вы его оставили?

— Бросила на пол у заднего сиденья.

Я прошел в гараж, открыл заднюю дверцу машины и заглянул внутрь.

Если Люсиль и оставила купальник в машине, то сейчас его там не было.

2

В небе гулко пророкотал самолет: все остальные звуки растворились и исчезли. Долгое время в воздухе висела тишина. Я стоял у машины и бессмысленным взглядом взирал на пустое заднее сиденье, а сердце мое колотилось.

Тишину нарушил слабый голос Люсиль:

— Ну что там?

Я повернул голову.

— Его здесь нет.

Глаза ее широко распахнулись.

— Не может быть! Пустите, я посмотрю сама!

Я посторонился, и она сунулась в машину.

— Он должен быть здесь, — бормотала она, шаря руками под сиденьем.

— Может быть, вы оставили его на пляже?

— Да нет же, не оставила! — раздраженно крикнула она. — Я бросила его на пол!

Она вылезла из машины. В глазах ее был панический страх.

— Может, вы положили его в багажник, — предположил я и, обойдя машину сзади, поднял крышку и заглянул внутрь. Купальника не было.

— Куда вы его дели? — взвизгнула она.

Я оторопело уставился на нее.

— Что-что? Куда я его дел? Да я и понятия не имел, что вы оставили его в машине.

Лицо ее напряглось, глаза метали молнии. Красота, свежесть и молодость вмиг исчезли. Я еле узнавал ее.

— Не лгите! — в бешенстве воскликнула она. — Я знаю, купальник взяли вы! Куда вы его дели?

— Да вы с ума сошли! Здесь же кто-то был! Неужели вы не видите? Посмотрите на дверь!

— Рассказывайте! Никого здесь не было. Это вы сами взломали дверь! Теперь ясно, что значит это ваше «взять вино на себя»! — Голос ее звучал яростно и зловеще. — Вы, наверное, думали, что я в знак благодарности брошусь на колени и буду целовать вам ноги? Что уж теперь-то вам удастся переспать со мной? Вы рассчитывали именно на это, не так ли? А сами только и думали о том, как после всего меня выдать! Вы хотели подбросить в машину мой купальник, и тогда полиция узнала бы, что в машине была я!

Я чуть не ударил ее по лицу, но вовремя сдержался.

— Ну и на здоровье, Люсиль. Не хотите мне верить — не надо. Только я ваш купальник не брал. Надо же такое вообразить! Да, здесь кто-то был и забрал его, но я тут ни при чем.

Она стояла не шевелясь, глядя на меня. Потом закрыла лицо руками.

— Да, — сказала она. — Конечно.

— Что все это значит? — спросил я, не сводя с нее глаз.

Она сжала пальцами виски, потом вдруг одарила меня еле заметной улыбкой.

— Извините, Чес. Мне очень стыдно. Я совсем не хотела разговаривать с вами в таком тоне. Просто я не спала всю ночь. Что творится с моими нервами — вы даже представить не можете. Простите меня, пожалуйста.

— Ладно, о чем тут говорить.

— Но кто же мог взять купальник, Чес? Как вы думаете, это могла быть полиция?

— Нет. Только не полиция.

Она отвернулась. Я вдруг почувствовал, что больше для нее не существую, что мысли увлекли ее куда-то далеко-далеко.

— Вам незачем оставаться здесь, Люсиль, — произнес я. — Это опасно.

Она чуть вздрогнула и посмотрела на меня невидящим взглядом. Потом в глазах появилось осмысленное выражение — она наконец меня увидела.

— Вы правы. У вас есть сигареты?

Я с удивлением вытащил из кармана пачку «Кэмела» и протянул ей. Она взяла сигарету и прикурила от моей зажигалки. Глубоко затянувшись, выпустила клуб дыма. Все это время она смотрела в какую-то точку на заляпанном маслом бетонном полу гаража.

— Значит, Чес, теперь держать ответ придется нам обоим?

— Необязательно. Это мог быть просто мелкий воришка.

— Вы думаете? А мог быть и шантажист.

— С чего это вам взбрело в голову?

— Какое-то шестое чувство, — чуть поколебавшись, произнесла она. — Ведь мы с вами — идеальный объект для шантажа. Я — потому, что задавила полицейского, вы — потому, что пытались меня соблазнить.

Я помолчал. Такая мысль не приходила мне в голову, но сейчас, когда Люсиль высказала ее вслух, я понял, что она может быть права.

— Ну, из этого вовсе не следует...

— Не следует. Придется подождать, что будет дальше. — Люсиль пошла к выходу. — Я, наверное, поеду домой.

— Поезжайте.

На улице палило солнце. Люсиль подождала, пока я закрыл двери гаража.

— Потом вернусь и почию, — сказал я после того, как мои попытки зашелкнуть замок окончились неудачей.

— Конечно.

Она зашагала по дорожке. Волосы ее блестели на солнце. Я смотрел ей вслед: сколько в ней все-таки женственности! Желтая кофточка и брючки изящно облегли эту прелестную фигурку — хоть сейчас на обложку молодежного журнала.

За короткий отрезок пути до моего бунгало мы не сказали ни слова.

Машина подъехала к воротам.

— Я войду, Чес. Мне нужно с вами поговорить.

— Если нужно, пойдете.

В гостиной я взглянул на каминные часы. Без четверти одиннадцать. Казалось, с того момента, когда Люсиль потеряла сознание у меня в объятиях, прошла целая вечность. А было это только вчера вечером. Я сел напротив и посмотрел на нее. Куда девалась очаровательная девочка, любовавшаяся собой в зеркало? Девочка, увидев которую я сразу потерял голову? Она словно нарастила новую кожу, жесткую оболочку. Она была все так же хороша и желанна, но очарование молодости исчезло.

— Ох, какую же я кашу заварила, — вздохнула она. — Благодаря вам мне, может, и удалось бы выкрутиться, так нет же, оставила в машине этот дурацкий купальник. Значит, я теперь снова в опасности?

— Трудно сказать. — Я тщательно взвешивал слова. — Все зависит от того, кто взял купальник. Может, гараж взломал какой-нибудь воришка — а вдруг найдется что-нибудь ценное? Но в машине, кроме купальника, ничего не было. Вот он и взял его, все лучше, чем ничего.

Она покачала головой.

— Не думаю. На купальнике вышито мое имя.

Я пристально посмотрел на нее. Сердце мое учащенно забилось.

— Роджера у нас знают почти все. И все знают, как он богат...

У меня вспотели ладони. Я действительно считал, что сломанный замок — дело рук какого-нибудь воришки, но сейчас, когда Люсиль так бесстрастно и деловито выдала свою версию, я сразу насторожился.

— В конце концов, — продолжала она спокойно, не глядя на меня, — какой смысл вору уносить купальник? Кому его продашь? Нет, Чес, нас хотят шантажировать.

— По-моему, вы торопитесь с выводами...

— Поживем — увидим. — Она медленно повернула голову и взглянула мне прямо в глаза. — Вы бы заплатили шантажисту, Чес?

— Откупаться от шантажистов — бесполезное занятие. — Я старался говорить спокойно, под стать ей, но голос звучал непривычно глухо. — Стоит только один раз заплатить — и все, считайте, что вы на себя надели хомут.

— Просто мне было интересно знать. — Она принялась раз-

глядывать свои руки, повернула их, посмотрела на ярко-красные ногти. — Я думаю, надо сказать Роджеру.

— Он ничем не сможет помочь, — отрезал я.

Она продолжала разглядывать свои руки.

— Я знаю его лучше, чем вы. Он очень дорожит своим положением, мнением окружающих. И если я расскажу ему все как было и что вы хотели взять всю вину на себя, я думаю, он заплатит шантажисту.

— А после этого разведется с вами, — напомнил я.

— Пусть разведется, это лучше, чем идти в тюрьму.

Я вытащил пачку «Кэмела» и закурил, заметив при этом, что руки у меня совсем не дрожат.

— Может, нас и шантажировать-то еще никто не будет.

Хорошо знакомым мне жестом она приподняла волосы с плеч.

— Вы считаете, что этот человек взял мой купальник себе на память? — с преувеличенной вежливостью спросила она.

— Пока что ни о каком шантаже речи нет. — Меня поразила неестественная громкость собственного голоса. — Я же сказал, что вмешивать в это дело вас я не буду, а отступить от своих слов я не привык.

Она окинула меня задумчивым взглядом.

— Значит, вы готовы заплатить за молчание?

— Кому заплатить?

— Человеку, который унес мой купальник.

— Пока что это лишь плод вашего воображения, — не удержался я. — Может, никакого человека вообще нет.

Она в упор посмотрела на меня.

— Чес, поклонитесь, что купальник взяли не вы!

— Ну конечно, не я!

Она силилась прочесть по моим глазам, говорю ли я правду. Я метнул на нее сердитый взгляд.

Рука ее плетью повисла вдоль спинки кресла, глаза закрылись.

— Я думала, это вы звонили утром. Думала, хотели поугагать. Голос был очень похож на ваш.

Я замер.

— Что такое? Кто вам звонил?

— Сегодня около девяти зазвонил телефон. Трубку взяла я. Мужской голос попросил миссис Люсиль Эйткен. Мне показалось, что это были вы, и я сказала, что я слушаю. Тогда он сказал: «Надеюсь, вы хорошо поплавали вчера вечером» — и повесил трубку.

Я раздавил в пепельнице сигарету. Мне вдруг стало зябко.

— Почему вы мне сразу об этом не рассказали?

— Я думала, это звонили вы. Потому я так и рвалась поехать с вами за купальником.

— Я не звонил.

Она подняла широко раскрытые глаза к потолку.

— Теперь вам ясно, что нас хотят шантажировать?

— Но на всем пляже не было ни души. Нас никто не мог видеть, — возразил я.

— Знает же он откуда-то, что я вечером купалась.

— И вы считаете, что этот самый человек и забрал ваш купальник?

— Да.

В этот момент зазвонил телефон.

Люсиль выпрямилась в кресле и так вцепилась руками в колени, что побелели пальцы.

Мы смотрели друг на друга, а телефон рвал на части тишину гостиной.

— Вы не будете подходить? — хрипло прошептала она.

Я медленно пересек комнату и поднял трубку.

— Алло, — сказал я и не узнал свой голос.

— Это мистер Честер Скотт?

Мужской голос. В нем слышались какие-то покровительственные нотки, будто человек знает какой-то пикантный секрет и не очень хочет делить его с окружающими.

— Кто это говорит?

— Вы должны были настоять на своем, мистер Скотт. Зря вы ее отпустили. Ведь женщины для того и созданы, чтобы доставлять наслаждение мужчинам, разве нет?

Все слова были произнесены ясно и отчетливо. Ошибиться я не мог.

— Что это значит? — глупо спросил я, чувствуя, как лоб покрывается холодным потом. — Кто это говорит?

Но в ответ я услышал ровное гудение — на том конце линии уже положили трубку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

С легким щелчком я положил трубку на рычаг, и в гнетущей тишине гостиной этот щелчок прозвучал взрывом средней мощности.

Я медленно повернулся и взглянул на Люсиль.

Она сидела в напряженной неудобной позе, на лице застыл испуг, руки цепко стиснули колени.

— Кто это был? — еле слышно прошептала она.

— Не знаю, — ответил я, направляясь к своему креслу. — Но могу догадываться. По-моему, это тот самый тип, который звонил вам утром.

Я повторил ей все, что он сказал, слово в слово.

Она закрыла лицо руками.

— Чес, боже мой! Что теперь делать?

— Не знаю, — честно признался я. — Положение осложняется.

— Видите, я была права! Он хочет нас шантажировать.

— О шантаже не было сказано ни слова. Нечего раньше времени выдумывать себе проблемы. Может, у него и в мыслях нет нас шантажировать.

— Ну как же нет, Чес! У него в руках мой купальник, он знает, что вчера мы вместе были на пляже, что по моей вине был убит полицейский! Дурак он будет, если не станет нас шантажировать!

— Согласен, возможно, эти два звонка — артподготовка к шантажу. Но очень вероятно, что он знает лишь одно — мы вместе были на пляже, этим и думает нас напугать. А о полицейском ему, может быть, ничего не известно.

Она нетерпеливо отмахнулась.

— Ну какая разница? Ну пусть он даже не знает про полицейского, все равно нам придется ему платить, иначе вам не видать вашей работы, а мне — Роджера.

— В этом я не уверен, — сказал я, глядя на нее. — Между прочим, мы можем заявить в полицию. Они знают, что делать с шантажистами, и избавят нас от этого красавца.

— О какой полиции вы говорите! — сердито воскликнула она. — Ведь он же видел машину!

— Если и видел, то в темноте мог не заметить, что она побита. Может, он просто залез внутрь, нашел там ваш купальник — и был таков.

Она вдруг в полном изнеможении откинулась на спинку кресла, бессильно уронила руки на колени.

— Думайте что хотите. Я чувствую, что права, но думайте что хотите. И что же вы собираетесь делать?

— Пока ничего. Согласен, этот звонок осложняет положение, но это не главная опасность. Основная опасность — это полиция. Если этот тип действительно знает о наезде, если он действительно будет нас шантажировать, что ж, возможно, нам удастся от него откупиться. А вот откупиться от полиции нам не удастся. И поэтому они наиболее опасны.

— Вы обещали взять всю вину на себя, — угрюмо произнесла она. — Поэтому мне нужно бояться не полиции, а этого человека.

— Я действительно обещал не вмешивать вас в это дело, но гарантировать этого я не могу, — спокойно сказал я. — Вы по собственному легкомыслию оставили в машине купальник, и, если кто-то его взял и отнес в полицию, я ничего не смогу сделать. Я могу поклясться, что за рулем сидел я, но вы все равно будете соучастницей.

Она сердито смотрела на меня.

— Я хочу знать одно — вы заплатите ему или я должна идти к Роджеру?

— Вы, кажется, угрожаете мне, Люсиль? — спокойно спросил я. — Это тоже смахивает на шантаж.

Она откинулась назад, в прищуренных глазах мерцало пламя. — Вы, наверное, уже сами не рады, что согласились взять вину на себя. Уже небось жалеете, что пообещали. Только слово не воробей, теперь уж поздно.

— Интересно, вы о ком-нибудь, кроме себя, хоть иногда думаете? Ведь с той секунды, как началась вся эта канитель, вы обо мне даже ни разу не вспомнили, — отчеканил я, не скрывая неприязни. — Вас беспокоит одно — как вывернетесь из этой заварухи вы.

— Если бы не вы, я не попала бы ни в какую заваруху, — сказала она холодным, бесстрастным голосом. — Почему же теперь я должна думать о вас? — Она отвела глаза и добавила: — Это вы во всем виноваты. С самого начала.

Внутри у меня все закипело, я едва сдержался.

— Вы так считаете, Люсиль? Значит, во всем виноват я, а вы просто невинная овечка? Вы ведь с самого начала знали, что поступаете нехорошо, когда уговаривали меня научить вас водить машину. А на уединенный пляж разве я предложил ехать?

Нет, вы. Да на моем месте любой мужчина решил бы, что перед ним самая обычная похотливая кошечка и долго уговаривать ее не надо.

Лицо ее пошло пятнами.

— Как вы смеете!

— А-а, бросьте, — махнул рукой я. — Не будем ссориться. Я обещал не вмешивать вас в это дело, и, если это будет в моих силах, я обещание сдержу.

Она подалась вперед, лицо злое, побелевшее.

— Да уж будьте любезны, сдержите! Я не желаю терять Роджера, не желаю идти в тюрьму только потому, что вы вели себя как животное.

Поднявшись, я прошел к окну и остановился к ней спиной. Меня охватила такая злость, что лучше было не выражать ее словами.

— Я уезжаю, — сказала она после долгой паузы. — Не желаю больше об этом думать, оставляю все целиком на вас. Дали слово — вот и держите его!

Я повернулся.

— Советую выбросить эти дурацкие воздушные замки из головы, — твердо сказал я. — Потому что это уже слишком. Вы просто-напросто эгоистичная, расчетливая, вздорная сучка. Мы с вами связаны одной веревочкой, поймите это, иначе прозрение может оказаться слишком тяжелым.

Она вскочила на ноги.

— Дура я, что вчера ничего не сказала Роджеру. Но еще не поздно, я ему все расскажу сейчас!

Я уже переступил черту, и мне было все равно. Я улыбнулся.

— Ого! Это интересно! Какой реакции вы от меня ждете? Что я буду ползать перед вами на коленях и умолять этого не делать? Ну нет, если вы уж так хотите взять в соучастники вашего драгоценного влиятельного Роджера, я согласен, только я поеду с вами и сам расскажу ему, как все было. Я расскажу, как вы навязали мне знакомство, как просили меня научить вас водить машину, как предложили поплавать при луне, как пытались напроситься ко мне в гости и надеть для маскировки темные очки и шляпу с большими полями. А когда я предложил, чтобы вы попросили у него разрешения провести день со мной, вы сказали, что он ревнивый и глупый. Так что я не против, поехали. Расскажем вашему муженьку все как было, уверен, ему это понравится.

Она хотела что-то возразить, но не сказала ни слова.

— Если вы раздумали, оставайтесь здесь, — сказал я. — Я поеду один. С меня довольно. Уж кому-кому, а вам я себя шантажировать не позволю — это точно! И если вы вздумали поблефовать, я готов, только учтите, в проигрыше останетесь вы!

Она растерялась. Я пересек гостиную, вышел в холл и открыл парадную дверь.

Она бросилась за мной и в дверях схватила меня за руку.

— Не надо... прошу вас...

— Каким же я был кретинном, — сухо произнес я, — что позволил себе влюбиться в вас. Пустите меня!

— Я сама не знаю, что говорю, — дрожащим от слез голосом проговорила она. — Простите меня, Чес. Вы даже не пред-

ставляете, как я испугалась. Я ничего не скажу Роджеру, положусь во всем на вас. Я вам доверяю, честное слово. Я просто совсем голову потеряла, ничего не понимаю, что говорю.

Я пристально посмотрел на нее.

— Не понимаете? А по-моему, отлично понимаете, что говорите сначала одно, а потом совершенно другое. Давайте-ка решим этот вопрос раз и навсегда: хотите вы вовлекать в это дело своего мужа или не хотите?

Она отрицательно покачала головой.

— Не хочу, Чес.

— И вы не против, чтобы я сам все уладил?

— Не против, разумеется.

— Разумеется? Легко же вы меняете решения! Пять минут назад это совсем не разумелось!

— Чес, пожалуйста, не сердитесь на меня. — Голос ее звучал умоляюще. — Честное слово, я так испугалась, что не понимаю, что говорю или делаю.

— Вы много говорите и ничего не делаете. Давайте вернемся в гостиную. Пора уже поговорить серьезно.

В гостиной она села в кресло, уперла локти в колени, а подбородок — в ладони. Она была само воплощение отчаяния, но сейчас мне было не до сюсюканья.

Я уселся напротив и закурил.

— Вы не задумывались над тем, как все произошло, Люсиль? — спросил я внезапно. — Вам не приходило в голову, что кое-что в этом деле выглядит странным?

Она вздрогнула.

— Что вы имеете в виду?

— Во-первых, не могу понять, какого черта полицейский забыл на этой дороге. Ведь по ней почти никто не ездит, только что травой не заросла. Что, спрашивается, он там потерял?

— Я не знаю.

— Значит, была какая-то причина. Вряд ли он рассчитывал застукать там какого-нибудь лихача. Может, у вас есть какие-нибудь идеи на этот счет?

— Никаких. Да зачем нам это знать-то?

— Вы считаете, незачем? А мне было бы очень интересно это знать. Ну ладно, давайте прокрутим с самого начала, как все было. Значит, после купанья вы вернулись к машине, переоделись и бросили купальник на пол машины. И все это время вы никого не видели?

— Конечно, нет. Там никого и не было.

— Что значит не было? Ведь этот тип, который звонил, — он же, наверное, наблюдал за нами. Иначе откуда ему известно, что мы с вами вместе купались? Насколько я помню, спрятаться там было совершенно негде, кроме разве что пятачка под пальмами, но там были мы сами. И тем не менее он нас видел. Я, пожалуй, съезжу туда и осмотрю место днем. Где-то ведь он прятался. Но где? Убейте меня, не могу себе представить. — Я помолчал. — Ну хорошо, пошли дальше: что было потом? Когда вы сели в машину и уехали?

— Я совсем себя не помнила, так была расстроена. Ну поехала по дороге. Примерно мило проехала, вдруг слышу, кто-то окликает меня...

— Так. Давайте по порядку, Люсиль. Вы ехали быстро?
— Быстро. На спидометр не смотрела, но помню, что быстро.
— И вы этого О' Брайена не видели? Вы его не обгоняли?
— Нет.
— Вы проехали мимо, а потом услышали, как он закричал?
— Да.
— Значит, вы проехали мимо него. Он скорее всего стоял где-нибудь с потушенными фарами, а когда вы проехали, дунул за вами.

— Может быть.

— И что было дальше?

Она поежилась.

— Я ведь уже вам рассказывала. Услышала окрик и крутанула руль. Потом что-то стукнулось о бок машины.

— А мотор мотоцикла вы не слышали?

— Кажется, слышала.

— А с какой стороны он к вам подъехал: с левой или с правой?

Она заколебалась, чуть нахмурилась.

— Точно не помню.

— Попробуйте вспомнить: свет от фары вы увидели справа?

Она снова замялась, потом сказала:

— Да. Он подъехал справа и прокричал что-то в окошко. Теперь вспомнила.

Я внимательно смотрел на нее. Она склонилась вперед, но взгляд отвела. Руки были крепко зажаты между коленями.

— Вы в этом уверены?

— Конечно, уверена.

Что это было: сознательная ложь или искреннее заблуждение? Ведь машина была искорежена с левой стороны. О'Брайен никак не мог подъехать справа.

— Боюсь, вы все же ошибаетесь, Люсиль. Ведь разбита левая фара. Стало быть, и он должен был находиться слева. Кроме того, он никогда не стал бы подъезжать справа — ведь это же верная катастрофа.

Кровь бросилась ей в лицо, но тут же отхлынула, и оно снова стало бледным и неестественно напряженным.

— Так зачем же вы спрашиваете, если сами все знаете? — со злостью выкрикнула она. — Откуда я помню, с какой стороны он подъехал?

Я изучающе посмотрел на нее. Потом пожал плечами.

— Ну ладно, оставим это. Главное — вы его задели. И услышали удар. Что было потом?

Она угрюмо отвернулась.

— Я поехала дальше.

— Но вы сразу поняли, что здорово задели мотоцикл?

— Конечно, поняла.

— И вы потеряли голову, прибавили газ и поехали дальше. У вас и в мыслях не было остановиться и посмотреть, что с ним?

Полным отчаяния жестом она подняла волосы с плеч.

— Зачем вы меня мучаете? Ведь я вам уже все рассказала.

— Я хочу все точно выяснить, Люсиль. Значит, вы поехали дальше и выехали на главное шоссе. Что было потом?

— Ну я поняла, что здорово стукнула мотоцикл, а заодно и вашу машину. Я ужасно испугалась. Решила, что прежде всего нужно рассказать вам. Но ехать обратно я не могла, боялась встретить этого полицейского, поэтому я поехала к вам домой, чтобы подождать вас там.

Не сводя с нее глаз, я закурил новую сигарету.

— А откуда вы знали, где я живу? — спросил я.

Она вздрогнула.

— Я... я нашла ваш адрес в телефонной книге, — сказала она медленно и очень размеренно, словно стараясь выиграть время. — Я... как-то раз я проезжала мимо вашего дома на велосипеде. Ну и запомнила.

У меня возникло неприятное чувство, что она лжет.

— До отвлечения на дорогу к моему бунгалу вы проехали по шоссе полторы мили. Встречные машины попадались?

— Кажется, нет.

— А ведь, наверное, попадались, Люсиль. Все-таки это шоссе. Время было примерно пол-одиннадцатого. На дороге должно было быть много машин.

— А если и были? — Голос ее зазвенел. — Говорю вам, я не заметила, но хоть даже и были? Что с того?

— Вы ехали с одной фарой: другая была разбита. Водитель встречной машины подумал бы, что это мотоцикл, и, только приблизившись, понял бы: машина. И он бы это запомнил.

Она нетерпеливо махнула рукой.

— Ну и что?

— А то, что, если машину видели и запомнили, значит, полиции будет известно, в каком она шла направлении. Им станет ясно, что не нужно обшаривать весь город — начинать поиск надо на прибрежных дорогах, то есть здесь!

Лицо ее, если это возможно, стало еще бледнее.

— О господи! Я об этом не подумала.

— Поэтому-то я и задаю все эти вопросы, понимаете? Ну ладно, черт с ним, с шоссе. А на дороге к моему бунгалу? Это-то вы должны помнить.

— Нет, здесь точно машин не было.

Я вздохнул. Положение было серьезным — серьезнее некуда. Наверняка на шоссе ей попало несколько встречных машин. Кто-нибудь наверняка заметил, что она ехала с одной фарой. Рано или поздно этот кто-то заявит в полицию, и поиски тут же сосредоточат на районе, в котором жил я.

— Ну ладно, на первый раз хватит, — подытожил я. — Вам лучше ехать домой. Помочь вы сейчас ничем не сможете, так что предоставьте все мне.

Она неуверенно поднялась.

— Что вы собираетесь делать, Чес?

— Честно говоря, пока не знаю. Я должен как следует все обдумать. Мое обещание не вмешивать вас в это дело остается в силе, если смогу, я его выполню. Если увижу, что возникают сложности, дам вам знать. Ничего другого пока сказать не могу.

Снова напрягшись, она испытующе посмотрела на меня.

— А с машиной что вы собираетесь делать?

— Об этом тоже надо подумать. Пока еще не решил.

— А этот человек? Который звонил?

— Подожду, пока он появится. Если он позвонит вам, немедленно сообщите мне.

— А если он будет требовать у меня деньги? Обещать ему деньги я могу? — взволнованно спросила Люсиль.

Наши глаза встретились, и она поспешно отвела взгляд.

— Нет, вы ничего не должны ему обещать. Если он будет требовать денег, скажите ему, чтобы обращался ко мне. Я сам с ним поговорю. Знаете, Люсиль, у меня такое впечатление, что вы горите желанием отдать ему деньги — ваши или мои.

— Что за глупости! Просто хочу знать, на каком я свете! — Она почти визжала. — Я же знаю, он будет меня шантажировать! А денег у меня нет! Как бы вы себя чувствовали на моем месте? Представьте себе, что вас собираются шантажировать и вы можете потерять все, что для вас дорого и к чему вы привыкли, а у вас даже нет денег откупиться!

— Да хватит уже, черт возьми, — раздраженно воскликнул я. — Ведь он еще ничего не просил, а вы уже с ума сходите! Если он будет просить деньги, сообщите мне. А сейчас поезжайте домой. Мне нужно как следует подумать, а как я могу думать, если вы устраиваете истерику?

Она поднялась. Вдруг она снова стала очень юной, несчастной и желанной.

— Значит, я должна просто ждать, Чес?

— Позвоните часов в десять вечера. Возможно, у меня будет что вам сказать.

Она вдруг очутилась в моих объятиях, ртом я ощутил ее нежный, трепещущий рот, она обняла меня, прижавшись всем телом.

— О-о, Чес, — прошептала она, ласково поглаживая мой затылок. — Я так боюсь. Вы поможете мне? Все обойдется?

Сделав над собой усилие, я отстранил ее, потом повернулся и, с трудом сдерживая себя, отошел к окну. Прикосновение ее губ могло свести с ума кого угодно.

— Я надеюсь на вас, Чес, — сказала она. — Вечером позвоню.

— Позвоните, — ответил я, не оборачиваясь.

Щелкнул замок — она ушла, но я еще долго стоял и смотрел в окно.

2

Часы показывали двадцать минут двенадцатого.

Я сидел в кресле и думал. Пищи для размышлений, слава богу, хватало.

Вся эта история как-то пахла липой. Нет, Люсиль, конечно, сбита полицейского, и он умер, тут сомневаться не приходилось, но в ее интерпретации все произошло как-то не так, как должно было быть на самом деле. Что-то тут не стыковалось. Стало быть, она мне морочила голову. Почему? Зачем ей, например, надо было настаивать, что О'Брайен появился справа? Зачем надо было настаивать, что на оживленном шоссе она не встретила ни одной машины? Я все больше убеждался, что ее версии доверять нельзя. Понятно, она до смерти напугана,

вот и думает, как заяц в капкане, только об одном — как бы вырваться, вырваться любыми средствами.

Стоп. Ведь на колесе моего «кадиллака» — пятна крови! Меня бросило в жар. Если их найдет полиция, мне действительно будет кисло.

Я запер бунгало, пошел в гараж и взял там ведро с губкой. В ящике с разным барахлом я нашел крепкий висячий замок и крюк. Взяв все это с собой, я сел в «понтрак» и поехал к дому Сиборна.

При ярком солнечном свете я еще раз осмотрел «кадиллак». Что же там повреждено? Левая фара была совершенно разбита, а металлическая окантовка помята так, что любителю здесь делать было нечего. На крыле — два глубоких рубца, естественно, поправить это можно только в ремонтной мастерской. Я был абсолютно бессилён.

Я подошел к заднему колесу, чтобы осмотреть пятна крови, но здесь меня ждало потрясение. Пятен не было. Наверное, целую минуту я тупо смотрел на колесо, не веря своим глазам. Потом опустился рядом с ним на колени, но это ничего не изменило — пятен не было. Я выпрямился и на негнувшихся ногах подошел к правому заднему колесу. И вот на нем увидел пятна крови.

Я снова опустился на колени и долго, долго, словно зачарованный, смотрел на липковатую красную массу, растекшуюся по белому ободу колеса. Такого я никак не ожидал, и в мозгу моем заворшилось подозрение.

Поднявшись наконец, я обошел вокруг машины и снова осмотрел левую фару. Тут я сделал еще одно открытие. Люсиль соврала мне, что полицейский подъехал сзади и она, испугавшись, сшибла его боком машины — это было невозможно. Как я не понял этого раньше? Ведь так разбить фару можно только в одной ситуации — при лобовом столкновении, а это значит, что полицейский вовсе не обгонял Люсиль. Нет. Он ехал ей навстречу. Стало быть, я уличил ее еще в одной лжи, на сей раз куда более серьезной. Она-то говорила, что не видела полицейского, только услышала окрик, а поэтому перепугалась и вывернула руль, в результате — авария. Сейчас я совершенно четко понял, что все произошло совсем не так. Он ехал навстречу, и она должна была видеть свет его фары. Неслась она быстро, сама сказала. Дорога узкая. Ей не удалось справиться с машиной, полицейский не успел увернуться, и она шибанула его почти прямехонько в лоб. А потом выдумала историю с выездом сзади и шараханьем в сторону — мол, в столкновении она ни при чем.

Тут я вспомнил, что обещал взять вину на себя. Если я скажу, что за рулем сидел я, присяжные сразу решат, что я был пьян — это первое, что придет им в голову. Во рту у меня пересохло — похоже, я сам загнал себя в угол.

Потом эта кровь на правом заднем колесе. Это еще что такое? Откуда она там взялась? Ведь Люсиль сшибла мотоциклиста левым боком. Переехать его правым задним колесом она никак не могла.

Я еще раз подошел к этому колесу и еще раз осмотрел поблекшие липкие красноватые пятна на ободке. Пожалуй, не сто-

ит стирать эти пятна — такая улика, займись ею толковый адвокат, может сбить с толку присяжных, и уничтожить ее будет только себе во вред.

Я занялся дверями гаража: ввернул крюк, нацепил всячий замок. В такой гараж полиция не полезет, можно не сомневаться. Они наверняка свяжутся с Сиборном и попросят ключ, так что на этом я смогу выиграть хоть какое-то время.

Теперь, пожалуй, пора поехать на место нашего вчерашнего купанья и тщательно осмотреть пляж днем. Я вернулся к «понтаку».

Было уже чуть больше двенадцати, и движение на шоссе было довольно интенсивным — люди ехали на выходные за город. Только минут через двадцать я подъехал к повороту на грунтовой дороге, ведущую к пляжу.

Я медленно вел «понтак» по узкой дороге. Слева и справа тянулись невысокие песчаные дюны. У меня снова возник вопрос: какого черта О'Брайена принесло на эту дорогу? Укрыться здесь нет никакой возможности — ни деревьев, ни кустов, ничего.

Я тихонько ехал вперед и наконец заметил, что справа от дороги равномерная монотонность дюн как-то нарушена. Большой песчаный холм был слегка примят. Наверное, здесь. Я вылез из машины.

Хотя до берега было еще добрых две мили, впереди ясно виделась желтая полоса песка и синяя гладь океана. Вся прилегающая территория была совершенно плоской, если не считать невысоких песчаных холмиков да горстки пальм вдалеке, где были вчера мы с Люсиль.

Некоторое время я продолжал смотреть по сторонам, но добавить к первому впечатлению ничего не смог, поэтому сел в «понтак» и поехал к пляжу. Метрах в двадцати от нашей вчерашней стоянки я остановил машину.

Первое, что бросилось в глаза, — следы шин «кадиллака», впечатавшиеся в песок. Я отер пот со лба. Тут же я увидел мои с Люсиль следы, ведущие в сторону пальм. Я совершенно упустил это из виду. А что, если тут уже побывала полиция и все видела?

Но если на песке остались отпечатки наших ног, стало быть, надо искать и следы нашего телефонного приятеля, если только он действительно был здесь.

Словно овчарка, я начал рыскать вокруг, но, прочесав изрядный участок, я никаких следов, кроме моих и Люсиль, не обнаружил.

Из этих поисков я вынес следующее: во-первых, полиция здесь не появлялась, и они, естественно, следов «кадиллака» видеть не могли. Во-вторых, что было уже совсем интересно, на месте событий наш абонент не присутствовал. Я решил, что существует только один вариант — он наблюдал за нами издали с помощью мощной ночной оптики. Тогда становилось понятно, почему Люсиль его не видела.

Несколько минут я ползал по песку и стирал следы шин. Затем, ступая по своим вчерашним следам, дошел до пальм, после чего повернул обратно и принялся уничтожать следы.

К концу этой, в какой-то степени ювелирной, работы я изрядно вспотел, но все же почувствовал себя в большей без-

опасности — теперь, если полиции вздумается искать ключи к разгадке здесь, компрометирующих нас следов они не найдут.

Довольный, что предпринял хоть какие-то меры предосторожности, я подошел к «понтиаку» и открыл дверцу. В этот миг я услышал сзади шум машины и, обернувшись, увидел, как из-за поворота дороги вынырнул желто-красный «олдсмобиль» и медленно двинулся в мою сторону.

Сердце чуть подпрыгнуло под ребрами. Я стоял и смотрел на подъезжающую машину. Появись она здесь минуты на три раньше, водитель застукал бы меня за уничтожением важных для суда улик.

За рулем сидела женщина. Остановившись метрах в десяти от меня, она пристально оглядела меня в открытое окно. Потом вышла из машины.

Она была в ярко-красном платье, белой маленькой шляпке и белых перчатках в сетку. Рост — выше среднего, брюнетка. Она являла собой довольно распространенный тип латиноамериканской красотки.

— Здесь был убит полицейский? — спросила она, медленно подходя ко мне.

— Насколько мне известно, это произошло ближе к шоссе, — ответил я. Это еще кто такая? И что ей здесь нужно? — Место катастрофы вы скорее всего проехали.

— Проехала? — Она остановилась недалеко от меня. — Вы думаете, ближе к шоссе?

— Так написано в газетах.

Открыв сумочку, она вытащила оттуда смятую пачку сигарет, воткнула одну меж своих полных губ и посмотрела на меня.

Я вытащил зажигалку и шагнул к ней.

— Спасибо.

Она чуть откинула голову назад и заглянула прямо мне в глаза. Вблизи я разглядел, что лицо ее покрыто густым слоем прессованной пудры, однако грим был положен умелой рукой. Над губой виднелась тоненькая линия усиков, и эти усики придавали ее лицу ту чувственность, которой всегда славилась латиноамериканки.

— Вы газетчик? — спросила она.

— Газетчик? Нет, вовсе нет. Просто я приехал окунуться.

Она отвела взгляд и посмотрела вдаль, на полосу песка. Свои и Люсиль следы я уничтожил, но общая монотонность была все же нарушена, и она сразу это заметила.

— Это вы так примяли песок?

— Вы об этих линиях? — Я постарался придать голосу самые непринужденные нотки. — Нет, они здесь были до меня.

— Выглядят они так, словно кто-то хотел стереть следы.

Я повернулся и посмотрел на песок.

— Вы думаете? Скорее всего это ветер. Ветер всегда рисует на песке странные узоры.

— Ветер? — Я снова почувствовал, как глаза ее обшаривают мое лицо. — Милях в двух отсюда я проехала мимо придавленной дюны. По-вашему, его убили там?

— Возможно. Точно не знаю.

— Не думайте, что я это из любопытства. Я собиралась за него замуж.

Я резко вскинул голову. Сразу вспомнилось: где-то в газете я читал, что О'Брайен собирался жениться на певичке из ночного клуба.

— Ах, да. Я сегодня утром читал об этом.

— В самом деле? — Она улыбнулась. Улыбка была холодная, горькая. — До сегодняшнего утра вы и понятия не имели о моем существовании, верно? А ведь я пою уже лет десять. Да, для артистки мало радости, если ее имя попало в газеты лишь благодаря смерти жениха, который к тому же приказал долго жить по собственной глупости.

Она села в машину, развернулась и быстро умчалась, оставив после себя облако из песка и пыли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Перекусив по дороге бутербродами, я поехал домой. Я все больше и больше убеждался в том, что с аварией что-то нечисто. Люсиль мне лгала — на этот счет у меня не оставалось никаких сомнений. Но что же произошло на самом деле? Ясно было одно — Люсиль не могла не видеть О'Брайена, потому что он ехал ей навстречу. Она не смогла остановиться, и произошло лобовое столкновение. В такой ситуации рассчитывать на милосердие суда присяжных никак не приходилось, и я начал понимать, почему она буквально заставляла меня взять вину на себя.

Но главное — что делать с «кадиллаком»? Ведь если полицейские будут вести розыски с обещанным рвением, рано или поздно они найдут «кадиллак» в гараже Сиборна.

Я вспомнил слова капитана полиции — каждый повредивший свою машину после происшествия должен немедленно заявить об этом и объяснить, как было получено повреждение.

А что, если это дает мне возможность выкрутиться? Допустим, я сейчас как следует шмякну «кадиллак» о дверь гаража, а потом позвоню в полицию. Поверят они, что я разбил машину именно таким манером? Если бы повреждения были только на передней части машины, пожалуй, можно было бы рискнуть, но два рубца на крыле... нет, полиция сразу наострит ушки.

Во всяком случае, тут уже было над чем подумать, и я решил не выбрасывать эту идею из головы. Я продолжал вертеть ее так и сяк, когда вышел из машины и стал отпирать входную дверь, но вдруг мысли мои разлетелись — в доме зазвонил телефон.

Я вбежал в гостиную и поднял трубку.

— Мистер Скотт?

Я узнал голос Уоткинса и похолодел. Какого черта ему может быть нужно?

— Я слушаю.

— Я звоню по поручению мистера Эйткена. Он надеялся, что, возможно, вы еще дома, — сказал Уоткинс. — Если вы располагаете временем, мистер Эйткен был бы рад видеть вас у себя.

— Но я дома совершенно случайно. Меня ждут на площадке

для гольфа, — с досадой произнес я. — Передайте ему, что не застали меня.

Уоткинс кашлянул.

— Я с удовольствием передал бы, сэр, но мистер Эйткен дал мне понять, что дело весьма срочное. Если вы считаете, что...

— Да нет, ладно. Я приеду, — буркнул я и повесил трубку.

Неужели Люсиль набралась храбрости и все ему рассказала? В выгодном для себе свете, разумеется, и мой вариант пойдет вторым номером. Ведь Эйткен сам выгонял меня на выходные отдохнуть, а теперь вдруг вызывает. Конечно, это неприятности.

Я вел машину, охваченный паникой, какая охватывает старуху, услышавшую шорох под кроватью.

На асфальтовой площадке около мраморных ступеней, ведущих к террасе Эйткена, стоял серый «бьюик» с открытым верхом. Я поставил «понтиак» рядом и начал подниматься по лестнице...

На верхней ступеньке я окинул взглядом широкую террасу. В кресле-качалке сидел Эйткен. Он был в пижамных брюках и халате, ноги прикрывал плед. Рядом с ним спиной ко мне в соломенном кресле сидел крепкий широкоплечий человек.

Эйткен повернул голову в мою сторону, и сердце мое замерло, а нервы превратились в готовые лопнуть струны. Что сейчас будет? Увидев меня, Эйткен помахал рукой. Его красноватое лицо размягчилось в приветственной улыбке, и от внезапного облегчения у меня даже засосало под ложечкой, словно кто-то стукнул под дых. Если бы он собирался меня четвертовать, я бы не удостоился такой шикарной улыбки.

— А вот и вы, Скотт, — поприветствовал меня он. — Я поломал вам партию в гольф?

Его гость обернулся, и я вдруг почувствовал спазмы в желудке — я сразу его узнал. Это был Том Хэкетт, который вчера вечером видел, как я и Люсиль выходили из моего дома. Том Хэкетт, приятель Сиборна.

— Здравствуйте, здравствуйте. — Он протянул руку. — Вот мы и снова встретились. Р. Э. рассказал мне, что прочит вас в боссы своей нью-йоркской конторы.

— Садитесь, — голос Эйткена обрел прежнюю раздражительность. — Жаль, что я нарушил ваши планы. Я же сам предложил вам слегка размяться и действительно этого хотел. — Он провел пальцами по редеющим волосам. — Но тут вдруг объявился Хэкетт, и я решил, что вас надо познакомить.

Я вежливо посмотрел на Хэкетта, потом снова на Эйткена. Я понятия не имел, о чем пойдет речь, но вроде бы не о неприятностях — и то слава богу.

Эйткен улыбнулся Хэкетту своей змеиной улыбочкой.

— Этот молодой человек слишком много работает, — пояснил он. — И я предложил ему как следует отдохнуть в выходной: поиграть в гольф и развлечься с хорошенькой женщиной. А тут подвернулись вы и все ему испортили.

Хэкетт рассмеялся.

— Не слишком ему верьте. С гольфом он, может, и погорел, а вот насчет остального не думаю. — Он всем корпусом повернулся ко мне и широко улыбнулся. — Я прав, дружище?

Я выдавил из себя улыбку, но каким-то чудом она получилась вполне естественной.

Эйткен бросил быстрый взгляд на меня, потом на Хэкетта.

— Вот даже как? Стало быть, вы его застукали? И на чем же?

Я почувствовал, как руки сжимаются в кулаки, и поспешно засунул их в карманы.

— Зачем вам знать, Эйткен? У каждого есть личная жизнь, что ж тут удивительного? — Хэкетт подмигнул мне. — Перехожу к делу, Скотт. Я решил принять участие в вашей нью-йоркской аванюре. Я вкладываю в это дело деньги. И когда Р. Э. сказал, что главным в агентстве будете вы, я захотел встретиться с вами и поговорить. Правильно, Р. Э.?

Эйткен сидел чуть насупившись — он терпеть не мог, когда разговором завладевал кто-нибудь другой. Тем не менее достаточно приветливым тоном он ответил:

— Да, все верно. Вот он перед тобой, разговаривай, сколько душе угодно. — Он повернулся ко мне. — Хэкетт вкладывает в дело сто тысяч и, понятное дело, хочет убедиться, что отдает их в надежные руки.

— Рекомендация Р. Э. для меня значит много, так что, я думаю, сомневаться в вас нечего, — начал Хэкетт, откидываясь в кресле. — Но кое-что я хотел бы выяснить лично у вас. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Отчего же? — с облегчением произнес я. — Отвечу с удовольствием.

— Вашу личную жизнь они затрагивать не будут, — сказал он с улыбкой. — Меня совершенно не касается, чем живет человек после работы, если только он не попадает в какую-нибудь скандальную историю. — На лице все те же безмятежность и есеселье, но глаза чуть прищурились и ищут встречи с моими. Чтобы отгородиться от его взгляда, я полез за сигаретами и начал закуривать. — Надеюсь, в ваши планы не входит участие в какой-нибудь скандальной истории?

Эйткен нетерпеливо заерзал в кресле.

— Скотт совсем не из таких, — сердито проворчал он. — Ты же прекрасно знаешь, что у меня не работают люди со скандальной репутацией.

— Знаю, знаю, — примирительно произнес Хэкетт и, подавшись вперед, похлопал меня по колену. — Просто я великий шутник, так что не обращайтесь внимания. Ну хорошо, расскажите мне теперь, что у вас за образование и стаж работы?

Может, он действительно был великим шутником, но было ясно, что за этой шуткой что-то стоит. Неужели он догадался, что девушка, которую он видел у меня, — это Люсиль?

Я рассказал ему о своем образовании, потом о работе после колледжа. Он также спрашивал о том, как я собираюсь ставить дело в Нью-Йорке, сколько потребуется персонала, где будет размещено агентство и тому подобное. Наконец, полностью удовлетворившись, он выпрямился в кресле и согласно кивнул головой.

— Я думаю, вы справитесь. Вижу, что Р. Э. кое-чему вас научил, и для меня этого достаточно. — Он взглянул на Эйткена. — Он вкладывает в дело двадцать тысяч?

Эйткен кивнул.

— И получает, помимо зарплаты, пять процентов от общего дохода?

— Да.

Хэкетт на мгновение задумался, и я даже решил, что он выскажется против такого процента. Но я ошибся.

— Хорошо. Условия, черт возьми, недурны, а, Скотт? Ничего, я уверен, свое вы отработаете. Когда вы внесете деньги?

— В четверг.

— Прекрасно. Я тоже пришлю чек в четверг. Подходит, Р. Э.?

— Вполне.

— Ладно, Скотт, не будем вас задерживать. — Хэкетт протянул руку. — Уверен, что с новой работой вы справитесь, делаете на ней хорошую карьеру. Желаю успеха.

— Спасибо. — Я пожал ему руку. Потом повернулся к Эйткену. — Если это все...

Я не договорил. Эйткен смотрел мимо меня, вниз, в направлении длинной извилистой подъездной дорожки.

— Это еще что за чертовщина? — зарычал он.

Я посмотрел в ту же сторону.

По дорожке быстро двигалась темно-синяя машина с красной мигалкой и сиреной на крыше.

В машине было четверо мужчин — все полицейские.

2

Из машины вышел широкоплечий человек в сером, чуть помятом костюме и сбитой на затылок шляпе. Его мясистое загорелое лицо хранило полную непроницаемость. Короткий приплюснутый нос облепили веснушки. Весь его облик символизировал типичные для полицейского черты — жестокость, цинизм, подозрительность.

Он поднял голову, увидел меня и Хэкетта — мы перегнулись через балюстраду террасы — и неторопливыми, размеренными шагами начал подниматься по лестнице.

За ним из машины вывалились двое полицейских в форме и принялись бесцельно, как это часто делают полицейские, слоняться вокруг. Водитель остался за рулем.

Мужчина в штатском наконец-то добрался до верхней ступеньки и медленно, неторопливо направился к нам.

У всех правонарушителей при виде полицейского возникает, наверное, один и тот же вопрос: не за мной ли он пришел? Я не был исключением.

Он пересек террасу — шаги, словно выстрелы, гулко стучали по горячим плиткам — и остановился перед Эйткеном.

— Лейтенант Уэст, городская полиция, — отрекомендовался он. Эйткен, слегка озадаченный, пристально смотрел на него.

— В чем дело? Что понадобилось капитану?

— Это связано со вчерашним убийством на дороге. Вы, наверное, читали в утренних газетах. — Голос у него был густой и усталый. — Капитан хочет проверить все машины в городе и убедиться, нет ли на них повреждений. Если вы не возражаете, мистер Эйткен, мы бы хотели взглянуть на ваши машины.

— Взглянуть на мои машины? Это еще зачем? Уж не думаете ли вы, что я имею к этому какое-то отношение?

Я быстро взглянул на Хэкетта. Он стоял, прислонившись к балюстраде, и с видимым интересом наблюдал за происходящим.

— Нет, сэр, мы этого не думаем. Но мы проверяем все машины в городе. У вас есть шофер. Вполне возможно, что вчера вечером он воспользовался одной из ваших машин. А может, и не пользовался, но хорошо бы это проверить для его же пользы. Капитан велел мне не беспокоить вас, если вы будете против.

Эйткен еще больше зарделся.

— После того как я сломал ногу, к моим машинам никто не притрагивался. — Эйткен с трудом сдерживал гнев. — Вы просто зря тратите время.

Тяжелые плечи Уэста приподнялись.

— За это мне платят деньги. Что же, если вы не хотите дать мне взглянуть на ваши машины, мне остается только подчиниться и сообщить об этом капитану.

— Вы только послушайте его! — взорвался Эйткен и повернулся к Хэкетту. — Вот вам прекрасный пример того, как полиция обращается с нашими деньгами! Приезжают вчетвером проверить четыре машины! Я напишу об этом безобразии Салливану! Какой-то идиот полез под машину и сломал себе шею, а они поднимают из-за этого такой шум!

— Но ведь водитель не остановился, — мягко напомнил Хэкетт. — Мне кажется, Р. Э., ты напрасно набросился на стража порядка. Он всего лишь выполняет свой долг.

Эйткен с шумом втянул в себя воздух.

— Ну что ж, идите, смотрите мои машины! Смотрите, мне, в конце концов, наплевать! Тратьте деньги, которыми я оплачиваю налоги! Давайте, только побыстрее освободите террасу!

— Благодарю вас. — Лицо Уэста было все так же непроницаемо. — Где, подскажите, пожалуйста, ваш гараж?

Эйткен повернулся ко мне.

— Проводите, если не трудно. И побудьте там с ним. Посмотрите, чтобы никто из его людей не пнул ногой по крылу. Я эту публику знаю — с радостью упекут моего шофера за здорово живешь.

Я направился к лестнице. Уэст тяжело ступал следом. Он кивнул полицейским, и они так и остались застывшими статуями стоять на солнце.

Когда терраса скрылась из виду, Уэст негромко спросил:

— Вы у него работаете?

— Да.

— Не стал бы я с вами меняться. — Он снял шляпу и вытер рукавом пот со лба. — Я думал, хуже моего шефа нет никого на свете, но сейчас вижу — вашему громиле Эйткену он и в подметки не годится.

Мы подошли к «понтаку» и «бьюнку». Уэст остановился и окинул взглядом обе машины.

— Знаете, чьи это?

Взяв машину Сиборна, я благоразумно убрал с лобового стекла карточку с его фамилией и поставил туда свою, но было ясно,

что, если Уэст захочет проверить номер машины и попросит мои права, он немедленно меня разоблачит. Сказать, что машина чужая? Нет, это еще опаснее. Я колебался какую-то долю секунды.

— «Понтиак» мой. А «бьюнк» — мистера Хэкетта, вы видели его на террасе.

Неторопливым, размеренным шагом Уэст обошел вокруг машин. Крепко сцепив руки за спиной, я просил бога быть ко мне милостивым.

— Обе в полном порядке, верно? — дружелюбно произнес он. — Давайте выпишу вам справку: моим ребятам не нужно будет лишний раз к вам ехать. Ваша фамилия? Адрес?

Я сказал.

Он обошел машину сзади, написал что-то еще, потом вырвал листок из блокнота.

— Это идея капитана, — сказал он. — И не скажу, что дерьмовая. Эта справка значит, что на сегодняшний день ваша машина в полном порядке. Если вы теперь шлепнете бампер или стукнете машину, вам нет нужды сообщать об этом нам. Если наши ребята вас остановят, покажите эту справку — и все в порядке. Хорошенькая работка: проверить все машины в городе. Черт знает что! — Он передал мне бумажку. — Не потеряйте.

— Не потеряю, — заверил я, убирая справку в бумажник с такой тщательностью, словно это был чек на миллион долларов.

— У капитана что ни день, то новая идея, — продолжал Уэст. — Ясное дело, просто так в капитаны не выбьешься, только идея идеями, а работу делать приходится нам. А капитану что? Загонит свою толстую задницу в кресло и целый день его полирует. Думаете, я его обвиняю? Да нет, будь я капитаном, я бы себя вел точно так же. Так вот, сейчас этого шутника — убийцу на колесах ловит вся городская полиция. Можете себе представить? Все до одного полицейские города заняты тем, что ходят по домам, переворачивают вверх дном гаражи, перекрывают дороги, патрулируют до тех пор, пока у них в глазах не начинают прыгать подфарники и им уже все равно, где зоо-сад, а где, извините, жирный зад. — Осмысленности в его взгляде не было, он смотрел сквозь меня и говорил словно сам с собой. — У нашего капитана есть одна страстишка. Знаете, какая? Он обожает, когда о нем пишут в газетах. Его аж распирает от удовольствия. Читали, что он вчера вечером наплеет газетчикам? Насчет О'Брайена? — Взгляд его вдруг стал осмысленным и сосредоточился на мне. — Между нами говоря, во всем городе хуже О'Брайена полицейского не было, можете мне поверить, хотя у нас такие экземплярики работают, что о-го-го! Так вот, О'Брайен был потерявший совесть бездельник, который только и думал о том, как бы сачкануть. Это во-первых. А во-вторых, он брал взятки и мог пойти даже на небольшой шантаж, если был уверен, что это сойдет ему с рук. Короче говоря, он был последней скотиной, и капитан это знал. Всего неделю назад он мне сказал, что намерен избавиться от О'Брайена. Так теперь этому мерзавцу проехали по голове, и мы должны с высунутыми языками носиться за парнем, который его раздавил.

Стоя под горячим солнцем, я слушал этот монолог. Я был

ошарашен и удивлен одновременно — редко кому удается услышать от полицейского такие речи.

Уэст неожиданно оскалился в белозубой улыбке.

— Не придавайте моим словам особого значения, мистер Скотт, — сказал он. — Время от времени, когда на душе накипает, мне надо выговориться. После этого я сразу чувствую себя лучше. А что касается О'Брайена, так хоть он и был порядочной скотиной, хоть и можно поблагодарить бога за такой несчастный случай, я все равно собираюсь поймать его убийцу. Потому что убийство своего человека полиция прощать не должна. Может, это займет много времени и сил, но мы найдем убийцу, и тогда я снова смогу слегка расслабиться. — Он бросил на землю сигарету и растер ее каблуком. — Ну ладно, теперь давайте взглянем на машины вашего босса. Ясно, что он тут ни при чем, но справку-то я ему должен выписать? Так где же они?

— Вон там, около бассейна.

— Около бассейна, говорите? Да, сильные мира сего живут недурно! — Уэст покачал головой и двинулся по дорожке. Я потащился следом. — Вам нравится работать у богатого человека, мистер Скотт?

— Я могу от него уйти в любое время, — сказал я.

— Да, к такой работе так, наверное, и надо относиться. Чувствую, он порядочный самодур, по глазам видно, точь-в-точь как у нашего комиссара. У человека с деньгами вырабатывается чувство могущества, ему кажется, что он может все. А я не люблю всемогущих, не люблю людей, у которых много денег, потому что они начинают давить на окружающих.

Мне не пришлось придумывать подходящий ответ на эту tiradu, потому что мы повернули за угол и увидели прямо перед собой гараж на четыре машины и бассейн.

На вышке, изготовавшись к прыжку, застыла Люсиль. Нас она не видела — стояла к нам боком. На ней было белое бикини, лишь слегка прикрывавшее части тела, не предназначенные для посторонних глаз. Все тело ее ровным слоем покрывал шоколадно-золотистый загар, а густые каштановые волосы свисали почти до талии. Это было такое божественное зрелище, что мы с Уэстом застыли как вкопанные.

Она поднялась на цыпочки, взмахнула руками и бросилась вниз.

Прыжок был мастерский — грациозный и изящный. Она вошла в воду почти без всплеска. Затем вынырнула и тряхнула головой, перевернулась на спину и медленно поплыла к лесенке, а волосы черным нимбом плыли вокруг нее.

— Вот это да, — переведя дыхание, только и сказал Уэст.

Он снял шляпу, вынул платок и протер вспотевшую полоску материи изнутри. При этом он не сводил глаз с Люсиль, которая выбралась из воды и неторопливо зашагала вдоль кромки бассейна.

Мы стояли как два истукана, пока она не скрылась в одной из кабинок.

Уэст повернулся ко мне. В его маленьких серых глазках появилась поволока.

— Это его дочь?

— Это миссис Эйткен.

— Вы хотите сказать, что она жена этого старого тетерева?

— Это миссис Эйткен.

Он присвистнул — почти беззвучно.

— Но ей же не больше двадцати.

Я почувствовал, что его монологи и ремарки начинают действовать мне на нервы.

— Надеюсь, моей вины здесь нет?

Он уставился на меня с легким изумлением, потом кивнул головой.

— Вы правы, вашей вины здесь нет. Да, ничего не скажешь, ваш Эйткен берет за свои деньги хороший товар.

Он подошел к гаражу, откинул замки открывающихся снизу вверх дверей и занялся осмотром машин.

Из кабинки вышла Люсиль. Теперь на ней был ярко-красный лифчик от купальника, белые шорты и сандалии. Быстрым шагом она направилась в мою сторону.

Я представил себе, какова будет ее реакция при виде полицейского. Нужно обязательно ее предупредить, пока она не нарвалась на него. Я пошел ей навстречу.

Уголком глаза я заметил, что Уэст уже вышел из гаража.

Я ускорил шаг и поравнялся с ней — Уэст еще закрывал двери.

— Этот полицейский, — быстро заговорил я, — ищет не вас. Он просто проверяет машины. Все в порядке, волноваться не надо.

Наверное, я обрушился на нее слишком неожиданно, но времени на церемонии у меня не было. Во всяком случае, она побелела как снег, и какое-то ужасное мгновение я думал, что сейчас она упадет в обморок.

За спиной я услышал мягкие хлюпающие шаги — к нам шел Уэст. Он явно не торопился, но через одну-две секунды каким-то чудом оказался рядом.

Он остановился около меня. Я знал, что он во все глаза пялится на Люсиль. Я обернулся и увидел, что не ошибся.

Она тоже уставилась на него — примерно так кролик смотрит на змею.

Охрипшим голосом я сказал:

— Это лейтенант Уэст. Лейтенант, это миссис Эйткен.

Как обычно растягивая слова, Уэст начал:

— Добрый день, мадам. Я только что проверил ваши машины. Вы, наверное, читали... — Закончить фразу ему не удалось.

Люсиль круто повернулась и пошла прочь. Она не бежала, но стройные загорелые ножки несли ее с достаточной скоростью. Мы не проронили ни слова, пока она не скрылась из виду.

— Это как же понять? — удивленно произнес Уэст, чуть склонив голову набок. — Пренебрегает, что ли? Очень важная персона?

— А что такое для нее полицейский? — Я старался не выдавать волнения. — В конце концов, она жена богатого человека.

— Это верно. — Он снял шляпу и протер платком вспотевшую ленту. — Интересно, что такое пришло ей на ум? Вы видели, она вроде изменилась в лице?

— Разве?

— Да. Изменилась в лице. Но какова куколка? А формы какие! Да, выйдя замуж за старого петуха Эйткена, она просто выбросила их на ветер!

— Если вас это так беспокоит, почему бы не обсудить этот вопрос с ним? — поддел я его.

Он взглянул на меня и устало улыбнулся.

— Я, конечно, не в восторге от своей работы, но терять ее тоже не хотелось бы. А машинами Эйткена она когда-нибудь пользуется?

Сердце мое подскочило.

— Вы что, нашли на одной из них повреждения?

— Нет. Шофер держит их в прекрасном состоянии. А что же ему остается делать?

— А тогда какое вам дело, пользуется она ими или нет? Но если это успокоит вашу душу, могу сказать, что у нее нет водительских прав, стало быть, и машинами она не пользуется.

Он покосился на меня.

— Прав у нее может и не быть, — медленно проговорил он, — но это еще не значит, что она не берет время от времени машину. Некоторые идут на такой риск. Интересно, почему это вдруг у нее нет прав?

Я понял, что сболтнул лишнее.

— Спросите об этом ее, — сказал я. — Но какая вообще-то вам разница?

— Слушайте, приятель, — спокойно сказал он. — Напрасно вы ерепенитесь. Задавать вопросы — это моя работа. И задаю я их только по обязанности, удовольствия в этом мало. Я полицейский, и, когда происходит что-то необычное, я спрашиваю: почему? Вот я и спрашиваю себя, почему это она, увидев меня, побледнела как призрак? Обычно женщина с такой внешностью, с такими формами чувствует себя очень уверенно. И никакой полицейский ее не смутит, цвета лица не испортит. При виде полицейского цвет лица портится только в одном случае, когда у тебя нечистая совесть. Вот мне и интересно, что там у нее с совестью?

Уэст направился к террасе.

Он выписал Эйткenu четыре справки на четыре машины.

— Благодарю вас за помощь, сэр, — сказал он Эйткenu. — И вас тоже. — Его маленькие глазки повернулись ко мне. Затем он протопал через террасу и спустился по ступенькам к машине.

— Прекрасный способ выбрасывать на ветер деньги налогоплательщиков, — проворчал Эйткен. — Такой кретинизм, что и во сне...

— Ты это в самом деле? — спросил Хэкетт, поднимая густые брови. — Ведь они хотят найти человека, который убил полицейского. Они знают, что машина убийцы повреждена. И с этими штуками, — он помахал справкой, — они наверняка его найдут. Рано или поздно они наткнутся на поврежденную машину без справки — вот вам и убийца. — Он повернулся ко мне. — Ну никак вам не удастся добраться до своего гольфа. Я тоже буду двигаться. — Он взглянул на Эйткена. — Жена небось

уже паникует, куда я девался. Будь здоров, Р. Э., надеюсь, эта нью-йоркская авантюра доставит нам немало приятных минут. — Он пожал руку Эйткену.

— Надеюсь, — ответил Эйткен. — Многое зависит от Скотта. Хэккет хлопнул меня по плечу.

— Ничего, справится. Ну, мне пора сниматься. Давай быстрее чини ногу, Р. Э. Чем раньше вернешься в строй, тем лучше.

Мы с Хэккетом пересекли террасу и спустились вниз к нашим машинам.

— Не забудьте навестить меня в отеле, — напомнил Хэккет. — Буду рад познакомить вас с женой. — У своего «бьюнка» он остановился и посмотрел на «пontiак». — Я вижу, вы все еще на машине Джека?

Сделав усилие, я придал лицу безразличное выражение.

— Пока да, но это ненадолго. Моя машина скоро вернется из ремонта.

Проницательные глаза ощупали мое лицо.

— А что с ней, вы говорили?

— Масло подтекает.

Он кивнул.

— От этих машин вечно хлопот не оберешься. Когда я ехал сюда, в дороге лопнула прокладка. Сколько ни плати за машину, все равно рано или поздно что-нибудь сломается, треснет или лопнет.

Я знал, был уверен, что говорит он не ради того, чтобы слышать свой голос. Я чувствовал — сейчас он выйдет на линию огня — и напрягся, приготовился.

— А с женой Р. Э. вы знакомы? — неожиданно спросил он, обшаривая мое лицо глазами-прожекторами.

Я никак не ожидал, что удар будет таким прямым и жестким. Я вздрогнул — Хэккет ударил слишком коварно и пробил мою оборону.

— Д-да, я ее видел.

Он кивнул.

— Я тоже ее видел. — Он открыл дверцу своего «бьюнка». — Девушка что надо. Меня всегда удивляло, зачем Р. Э. на ней женился. Она не для него, она — для молодого. Когда девушка выходит замуж за человека, который на сорок лет ее старше, она становится ядовитой приманкой для любого молодого мужчины, который оказывается рядом. — Он лукаво подмигнул мне. — Хотя зачем я все это говорю вам, убей бог, не знаю. Такой разумный человек, как вы, вряд ли клюнет на ядовитую приманку, верно? — Он высунул свое добродушное лицо из окна машины. — Ну, пока, до скорой встречи.

Я стоял, словно манекен, и смотрел, как удаляется его машина.

Совершенно ясно — вчера вечером он узнал Люсиль, когда она выходила из моего дома, и вот теперь на свой хитрый добрый манер ткнул мне в нос красным фонарем.

Я забрался в «пontiак», чувствуя, что дышу быстро и неровно. Несколько долгих секунд я сидел и смотрел перед собой сквозь лобовое стекло, потом наклонился вперед, нажал на стартер и быстро повел машину к своему бунгалу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

После полудня я провел со своими мыслями продолжительное заседание. Намек Хэкетта меня встревожил, но реальной угрозы с этой стороны как будто не было, и я чувствовал, что основная проблема — это «кадиллак», нужно вывернуться наизнанку, но решить ее. Если придумаю, как его отремонтировать, все остальное уладится само собой.

Только где-то под вечер я сообразил, что выход есть — можно отремонтировать машину, не подвергаясь при этом почти никакой опасности. Я случайно вытащил из бумажника справку, которую выписал Уэст, и, разглядывая ее, вдруг понял, что он сам дал мне в руки решение.

Он указал в бланке только номер машины, а марку не упомянул. Это значило, что если я переставлю номера с «пontiака» на свой «кадиллак», то смогу спокойно отвести «кадиллак» на ремонт в гараж.

До захода солнца оставалось еще часа два, и мне пришло в голову, что можно позвонить Люсиль и сказать ей, что выход из положения найден. Неожиданное появление Уэста здорово выбило ее из колеи. Не дай бог, в самый последний момент, когда я вот-вот замету все следы, она сорвется и наделает каких-нибудь глупостей.

Трубку сняла Люсиль.

— Говорит Чес, — сказал я. — Рядом с вами никого нет?

— Никого. Что случилось?

— Хочу сообщить вам, что я нашел выход. Мне кажется, все должно выгореть. Все должно быть в порядке.

— Что вы придумали?

— Это не телефонный разговор. Просто я хотел вам сообщить, что все улажу и вам больше не о чем беспокоиться.

— Понятно. — В голосе, как ни странно, не было никакой радости. — Что ж, очень хорошо.

— Так что постарайтесь обо всем забыть и отвлечься.

— Хорошо, — сказала она и повесила трубку.

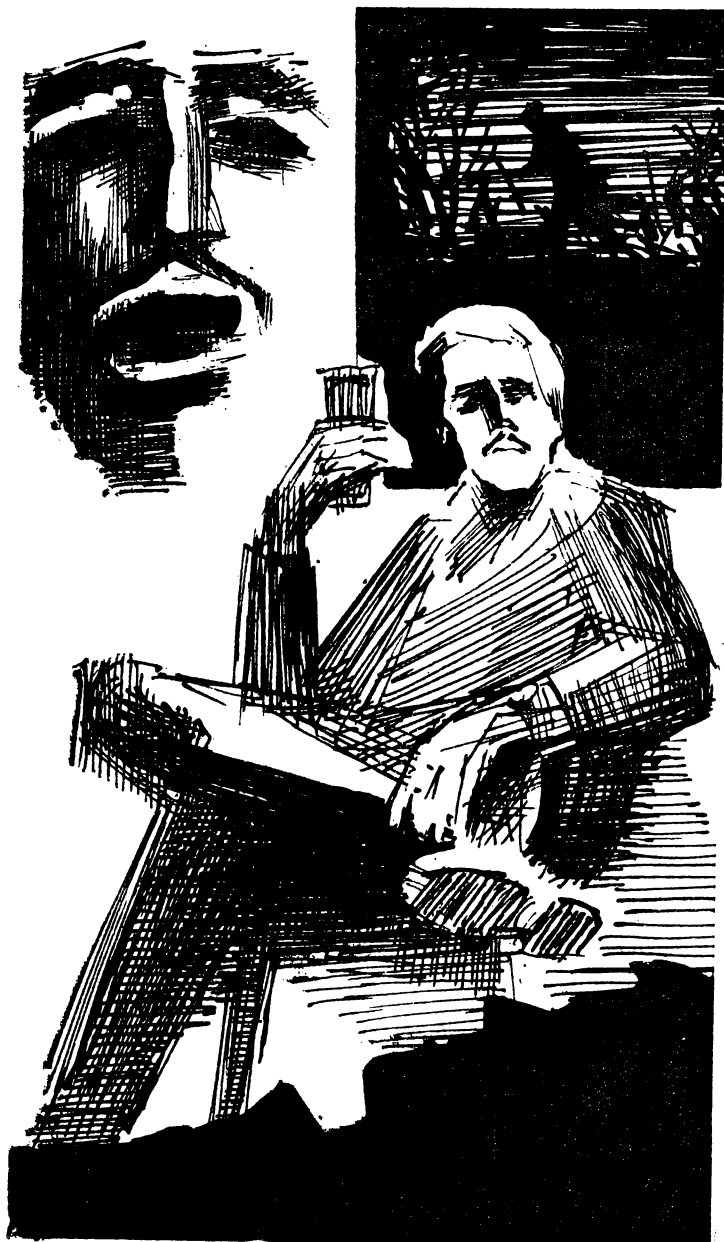
Я хмуро слушал гудки. Ее реакция меня озадачила. Я-то ожидал, что она обрадуется, свободно вздохнет. А тут можно подумать, что я своим звонком ее только разочаровал.

Ехать к дому Сиборна пока было рискованно, поэтому я сел в кресло на террасе и стал под аккомпанемент невеселых мыслей наблюдать за заходящим солнцем. Только к половине восьмого наступила желанная темнота.

Я вышел из дома, сел в «пontiак» и поехал к дому Сиборна.

Первым делом я снял номера с «пontiака». Приходилось подсвечивать фонарем, к тому же проржавели гайки, но в конце концов я их снял. Потом прошел к гаражу Сиборна, открыл двери, захлопнул их изнутри и включил верхний свет.

С задним номером «кадиллака» проблем не было, и на его место я закрепил номер с «пontiака». Потом я обошел машину и стал возиться с передним номером. Тут дело было сложнее — все гайки здорово проржавели, и мне пришлось повозиться.

Я лежал на спине, наполовину под машиной, и старался справиться с гайками, как вдруг услышал за дверьми какой-то легкий шорох.

Вдоль спины пробежал холодок. Зажав в руке гаечный ключ, я смотрел прямо перед собой, в черноту двигателя «кадиллака». До моего слуха доносился лишь слабый шелест накатывающегося на берег океана и вздохи ветра в листве.

Звук не повторялся, и я в конце концов решил, что мне показалось, поэтому снова занялся упрямыми гайками.

Я уже снял последнюю гайку, как вдруг услышал скрип: это скрипели двери!

Сердце мое подпрыгнуло до потолка: со своего места я видел одну дверь, и сейчас она открывалась! Это не мог быть ветер — я ведь, когда вошел, захлопнул двери. Это могло значить только одно — кто-то потихоньку пытался войти в гараж.

Я начал ужом выползать из-под машины. Я уже почти выкарабкался и схватился за бампер, чтобы встать, как вдруг верхний свет в гараже погас и тут же широко распахнулись двери.

Луны еще не было. Я увидел чернильно-черное небо и десяток звезд. Ничего не соображая, охваченный паникой, я вскочил на ноги, держа в руке передний номер «пontiака».

В этот самый момент прямо перед глазами у меня что-то ярко вспыхнуло, и тут же снова воцарилась полная темнота.

На какую-то секунду я словно прирос к земле, мозг отказывался переварить происходящее, но тут я услышал, как кто-то убегает, и рассудок мгновенно вернулся ко мне — я понял, что произошло.

Кто-то специально подкрался сюда с фотоаппаратом и вспышкой и щелкнул меня, сидящего на корточках около побитого «кадиллака» с номерами от чужого «пontiака» в руках.

Во мне поднялась волна страха, смешанного с яростью. Я вскочил из гаража.

Мой фотограф уже бежал по дороге. Звук шагов раздавался довольно четко, и было ясно, что бежит мужчина. Я бросился за ним. Ярость мощным мотором гнала меня вперед, но путь преграждала темнота безлунного вечера.

Зато я отлично знал дорогу. Я знал, что в двух сотнях метрах от моего дома есть густой раскидистый кустарник вперемежку с пальмами. За этим кустарником начинается открытая дорога, и она так и остается открытой до пересечения с шоссе. И если этот человек пробежит мимо кустарника, я его поймаю, — не может быть, чтобы он бегал быстрее меня.

Я словно заяц несся по дороге. Добежав до кустарника с пальмами, я приостановился и, тяжело дыша, стал слушать. Вокруг стояла полная тишина — значит, фотограф сбежал с дороги, надеясь укрыться от меня в кустарнике.

Черт меня дернул оставить в гараже фонарь! Ищи в такой темноте, только и видно, что макушки пальм на фоне черного неба. А где-то впереди прячется этот тип. Я потихоньку сошел с дороги и, стараясь не шуметь, подошел к кустарнику. Тут только я понял, что найти его будет не так-то просто. Он-то, конечно, где-то здесь, но попробуй найди его без фонаря, пройдешь мимо и не заметишь.

Я начал раздвигать кусты. Конечно, он меня уже услышал и затаился.

Неожиданно под ногой что-то шевельнулось, и я услышал какой-то быстрый присвист — такой звук может издать только человек от неожиданности или от испуга. Я подался вперед, в темноту, и руки коснулись чьего-то лица. И тут только я увидел, что прямо передо мной маячит темная фигура. Стиснув кулак, я отвел руку для удара, но на долю секунды опоздал.

На меня, со свистом рассекая воздух, летел какой-то предмет. Я качнулся в сторону и выбросил вверх руки — только бы голову защитить! Что-то твердое ударило меня в плечо, и я свалился на колени. Встать, скорее встать! Но нет, что-то снова рассекло воздух, и на голову мне обрушился сокрушительный удар.

Я только почувствовал, что проваливаюсь куда-то в вакуум, в темноту.

2

Вдалеке часы пробили девять. Их мягкий музыкальный перезвон донесся откуда-то из глубины, но звук казался знакомым. Со смутным удивлением я сообразил, что слушаю перезвон моих собственных часов, стоящих на каминной полке в гостиной.

Я открыл глаза. На меня навалился яркий белый потолок, потом так же внезапно отступил. В голове что-то булькало и стучало, будто там работал отбойный молоток.

Я лежал на своей кушетке. На затылке я нащупал здоровенную шишку и ком запекшейся крови. Я медленно сел.

Весь свет в гостиной был включен. На передвижном столике стояла бутылка моего лучшего виски и жестянка со льдом. Эту бутылку я хранил для особого случая и сейчас увидел, что четверти ее содержимого как не бывало.

Я слегка повернул голову влево и увидел в кресле человека. В общем-то, я даже не удивился. Я инстинктивно почувствовал, что это он — человек, который утром звонил Люсиль и мне, который снял меня с номером в руках на фоне разбитого «кадиллака» и который треснул меня по голове, когда я наткнулся на него в темном кустарнике.

Он медленно выплыл из тумана.

Физически сильный, года двадцать три — двадцать четыре, блондин, лицо загорелое. Зеленые глаза, греческий профиль, ниточка усов. Аккуратно уложенные волосы не мешало бы постричь, хотя, возможно, женщины считают, что и так очень хорошо.

Дальше. Бутылочно-зеленый спортивного типа костюм, туфли из оленьей кожи. На запястье — массивный золотой браслет с массивными золотыми часами. В правой руке — стакан, на три четверти заполненный виски со льдом, а сам он смотрит на меня с терпеливой улыбочкой, да такой, что мне сразу захотелось перепрыгнуть через всю комнату и разбить кулак об его лицо.

— Очухался, голубь? — весело окликнул он. — Я уже забеспокоился, не слишком ли я тебя обидел.

Я осторожно ощупал шишку на затылке и поморщился, потому что снова заработал отбойный молоток.

— Болит, да? — паясничал он, растягивая рот в улыбке. — Может, выпьешь?

— Кто вы такой? Что вы здесь делаете? — зарычал я.

— Я решил, что самое лучшее — притащить тебя домой, — объяснил он, вытягивая длинные ноги. — Нам пора поговорить. Я рассчитываю на самую нежную дружбу. Моя фамилия Росс, а для друзей — просто Оскар. Ну как, голубь, ты в настроении для приятной беседы?

— Я в настроении запихнуть твои белые зубы тебе в глотку, — раздельно произнес я, понемногу распрямляя спину.

Он засмеялся.

— Желание резонное, но на твоём месте я бы воздержался. И не такие геркулесы считали, что отвернуть мне голову — плевое дело, а потом выясняли, что не тут-то было. Лучше не будем ссориться. Зачем? У нас с тобой деловая встреча. У меня есть товар, который ты будешь рад купить. Все очень просто.

— И что же это, интересно, за товар?

— Неподалеку отсюда есть чудесный пляж, — с ухмылкой начал он. — Туда часто приезжают поразвлечься молодые люди и девушки. А у меня там есть укромное местечко, и, когда я хочу немного подзаработать, я еду туда и смиренно жду. Конечно, везет далеко не всегда, но вот вчера вечером как раз повезло. Я засек жену одного рекламного магната вместе с его сотрудником. Они резвились в дюнах. И мне пришло в голову, что этому гуляке будет куда приятнее выделить мне несколько долларов, чем рисковать своей шкурой — ведь я могу позвонить его боссу и рассказать, что делается у него за спиной. Ты даже не представляешь, сколько простофиль я ловлю в свои сети за сезон. Это порядком увеличивает мой годовой доход.

Я достал сигарету и закурил.

— Товар-то сомнительный, — заметил я. — Это всего лишь твоё слово против моего.

Он кивнул.

— Ты прав. Обычно они с радостью расгаются с полсотней зелененьких, лишь бы я не поднимал шума, я и от тебя не ожидал большего, но тут — вот незадача — ещё эта авария. Жена рекламного магната отвергла твои притязания и сбежала, да ещё в твоей машине. А потом взяла и задавила полицейского — ты случайно не читал об этом в газетах? А я был там через две минуты после того, как она его сбила. Во-первых, она не остановилась, во-вторых, изрядно помяла твою машину. Конечно, это ты здорово придумал — поменять номера, но ведь и я не лыком шит — ты даже не представляешь, сколько часов я проторчал возле твоего дома с фотоаппаратом и вспышкой. И теперь у меня есть прекрасная фотография, которая тебе вместе с дамочкой запросто может стоить десяти лет свободы. А если не повезет и тебе попадетя зловредный судья, можешь схлопотать и пятнадцать. Так что я считаю, что могу здесь неплохо поживиться, если ты, конечно, желаешь избежать тюрьмы, и чтобы туда не попала она.

Я сидел и смотрел на него. Да-а, кажется, я вляпался довольно здорово.

Перевел с английского М. ЗАГОТ
Окончание в следующем выпуске

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КОРОТЕЕВ

В расцвете творческих сил скончался писатель Николай Иванович Коротеев, бывший сотрудник журнала «Вокруг света» и приложения «Искатель».

На страницах журнала и его приложения были опубликованы десятки очерков, рассказов и повестей писателя: «Первый кавалер Славы», «Схватка с оборотнем», «Выстрел в тайге», «Испания в сердце моем», «Когда в беде по грудь», «По следу упиё», «Преследование», «Крыло тайфуна», «Связной ЦК» и многие другие. В своем творчестве автор отдавал предпочтение темам становления Советской власти, международной дружбы, патриотизма, созданию образа нашего молодого современника — строителя коммунистического будущего.

Светлая память о Н. И. Коротееве навсегда останется в сердцах знавших его людей.

На I—IV стр. обложки рис. Г. НОВОЖИЛОВА.

На II стр. обложки рис. Г. СУНДАРЕВА к рассказу Ольги Ларионовой «Щелкунчик».

На III стр. обложки рис. А. ГУСЕВА к роману Джеймса Хэдли Чейза «Дело о наезде».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.
Тел. 251-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 19/1 1978 г. Подп. к печ. 16/III 1978 г. А05838.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.1
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 74.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Суцеская, 21.

Владимир РЫБИН — И сегодня стреляют...
Ольга ЛАРИОНОВА — «Щелкунчик»
Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ — Дело о наезде

Цена 40 коп.

